

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ  
ДВИЖЕНИЯ  
У НАРОДОВ  
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ  
И РОССИЯ  
В XVIII – начале XX вв.**



URSS

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ  
ДВИЖЕНИЯ  
У НАРОДОВ  
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ  
И РОССИЯ  
в XVIII – начале XX вв.**

Ответственный редактор  
доктор исторических наук  
С. И. Данченко



**URSS**  
МОСКВА

**Редакционная коллегия:**

А. В. Карасев, И. Ф. Макарова.

**Общественные движения у народов Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX вв. / Отв. ред. С. И. Данченко. — М.: ЛЕНАНД, 2011. — 256 с.**

Настоящая книга представляет собой сборник статей, составленный по материалам одноименной конференции, проводившейся Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН в декабре 2009 года. Работа посвящена изучению различных аспектов становления общественных движений у народов Юго-Восточной Европы — болгар, сербов, словенцев, хорватов, румын в период XVIII–XX вв. Статьи сборника содержат анализ наиболее ярких и знаковых событий, связанных с проблемами формирования и эволюции тех движений, история которых так или иначе переплетена с именем России. Эта сложная тема детально разрабатывается авторами на основе привлечения обширного круга источников и новейшей научной литературы. Особенностью работы является то, что она ориентирована на комплексный междисциплинарный подход с использованием наработок различных гуманитарных дисциплин — истории, философии, литературоведения, культурологии, социологии, политологии. Данное исследование, по мнению авторов, позволит глубже понять специфику балканской цивилизации в целом и современного балканского социума в частности.

**Рецензенты:**

д-р ист. наук Г. Л. Арш;

д-р ист. наук Л. В. Горина

Формат 60×90/16. Печ. л. 16. Зак. № ГУ-13.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–9710–0404–2

© Институт славяноведения РАН, 2011

© Коллектив авторов, 2011



10584 ID 124763



## Оглавление

<b>Предисловие</b> .....	5
<i>И. И. Лециловская</i>	
<b>Представления хорватских интеллектуалов о славянах и России в XVII–XVIII вв.</b> .....	7
<i>В. Н. Виноградов</i>	
<b>Общественность и внешнеполитическая ориентация Дунайских княжеств в XIX в.</b> .....	20
<i>А. В. Карасев</i>	
<b>Сербское общество и власть в 60–70-е годы XIX века</b> .....	27
<i>И. Ф. Макарова</i>	
<b>Болгарское национально-церковное движение и Россия (1856–1872 гг.)</b> .....	48
<i>М. М. Фролова</i>	
<b>Униатское движение в болгарских землях Османской империи и российская дипломатия после Крымской войны (1856–1861 гг.)</b> .....	105
<i>И. В. Чуркина</i>	
<b>Пик русофильских настроений у словенских либералов (70–80-е гг. XIX в.)</b> .....	139
<i>М. А. Ямбаев</i>	
<b>Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России</b> .....	149
<i>В. Б. Каширин</i>	
<b>Русская охранка на берегах Босфора: Бюро заведывающего агентурой Департамента полиции в Константинополе (1910–1914 гг.)</b> .....	179

*П. А. Искендеров*

**Россия и национальные программы  
сербских партий (1913–1914 гг.)** ..... 199

*В. И. Косик*

**«Отцы и дети» в эмиграции  
(из истории младоросской мысли)**..... 216

## Предисловие

Основной задачей данного сборника статей является исследование сложных и порой противоречивых взаимоотношений формирующегося гражданского общества и власти в регионе Юго-Восточной Европы в период XVIII – начала XX вв. Формирование гражданского общества, складывание его институтов и развитие взаимоотношений с властными структурами происходили у народов Юго-Восточной Европы при различных обстоятельствах, обусловленных исторически сложившейся спецификой региона. Можно выделить три основных типа, или модели, развития этих взаимоотношений.

В государстве Габсбургов хорваты, сербы, словенцы жили в условиях многонациональной христианской империи и имели относительно благоприятные условия для своего культурного и экономического развития. Основным содержанием взаимоотношений общества и власти в данном случае был реформистский путь развития. Авторами исследуется становление различных форм общественных движений у этих народов — от культурно-просветительских организаций до политических партий. Примечательно, что югославянские народы Австрийской (позже Австро-Венгерской) империи не ставили в категоричной форме вопрос о своем выходе из ее состава даже в конце XIX в.

В Османской империи балканские народы существовали в условиях конфессиональной стратификации общества. Но картина не была одномерной. До сих пор в трудах отечественных историков основной упор делался прежде всего на исследование различных форм национально-освободительной борьбы. Авторы данного сборника отходят от этой традиции и пытаются проанализировать специфику различных форм общественных движений турецких христиан в контексте османских реалий.

К третьему типу относятся автономные и независимые государства, возникшие в XIX веке в ходе национально-освободительной борьбы балканских народов. Для них главной задачей стало формирование национальной государственности. Однако процесс станов-

ления институтов власти в этих политических образованиях значительно опережал уровень развития гражданского общества. Авторы сборника уделяют особое место анализу специфики формирования элементов гражданского общества у этих народов. Рассматриваются и различные формы внешнего воздействия на эти процессы — влияние западноевропейских государств, России, а также взаимодействие этих влияний с балканским субстратом, во многом определявшимся наследием Османской империи.

В материалах сборника рассматриваются также политические, культурные, научные связи представителей славянских и неславянских народов региона, прослеживаются процессы их взаимодействия, исследуется влияние России и стран Западной Европы на социальное, политическое и культурное развитие региона.

И. И. Лещиловская

## Представления хорватских интеллектуалов о славянах и России в XVII–XVIII вв.

В XVI в. под влиянием агрессивного продвижения Турции на Запад в хорватской интеллектуальной среде оживилось сознание общности славян. Гуманистическое мышление вызвало интерес к прошлому своего народа и потребность понимания его места в славянском мире. Раньше всего это проявилось в Далмации и Дубровнике. Первым среди гуманистов писал о едином «славянском царстве» неолатинский поэт Илия Цривич (Цервин). Оно простиралось, в представлении дубровчанина, от Иллирии до Балтийского и Черного морей, вплоть до Московии<sup>1</sup>.

В 1525 г. свои взгляды на славянство высказал доминиканец профессор теологии Винко Прибоевич. Он происходил из горожан острова Хвар. Город-коммуна занимал очень выгодное географическое положение и имел удобную гавань, куда заходили все суда, следовавшие в Венецию или возвращавшиеся из нее. Благодаря развитой торговле и судоходству Хвар стал самой богатой коммуной венецианской Далмации (провинция в тот период находилась в составе Венецианской республики). Он был важным центром хорватского гуманизма и культуры в целом.

Прибоевич получил высшее образование в Италии и Польше. Находясь под влиянием итальянской и польской исторической и публицистической мысли своего времени, он выступил перед согражданами Хвара с докладом на латинском языке «О происхождении и успехах славян». В 1532 г. доклад был издан в Венеции, а в 1595 г. вышел его перевод на итальянский язык.

Прибоевич высказал идею широкой славянской общности, к которой принадлежали хорваты и остальные южные славяне. Он рассматривал последних как автохтонное население Далмации. Автор причислял к славянам Александра Македонского, Аристотеля, Св. Иеронима и многих других лиц, которые получили известность благодаря своей учености, храбрости, военному искусству. Все это служило



мыслителю обоснованием не только многочисленности, но силы и исторической роли славянства. Давая географическое описание и краткую историю своего края, он возвеличивал прошлое, экономическую и культурную значимость Далмации и родного Хвара. Прибоевич стал предтечей многих знаменитых носителей славянского сознания у южных славян.

Литература Дубровника подхватила мысль о славянской общности, которая позволяла преодолеть чувство незначительности крошечного государства, находившегося в вассальной зависимости от Турции, и придать ему вес и ценность как составной части огромного славянского мира.

В первой четверти XVI в. Лудовик Цривич (Церва)-Туберон (ум. в 1526 г.), получивший образование в Париже, дубровницкий патриций, аббат бенедиктинского монастыря, написал на латинском языке исторический труд с охватом событий от кончины короля Венгерского королевства Матьяша Хуньяди (Матвея Корвина) в 1490 г. до смерти римского папы Льва X в 1522 г. Частично он был опубликован во Флоренции в 1590 г. после смерти автора, а полностью вышел во Франкфурте-на-Майне в 1603 г. Книга получила европейскую известность под названием «Комментарии», но в 1734 г. была запрещена Римской курией за критику верхов католической церкви.

Церва-Туберон с его независимостью суждений высказал мысль о «русской» прародине всех славян — некоей древней Скифии или Сарматии. Он утверждал, что славяне являлись потомками «русских» и готов. Около 600 г. они вторглись в Иллирию, вместе с ними пришли и болгары, занявшие восточную часть Балкан. Язык, употреблявшийся в Иллирии, по оценке автора, почти во всем схож с «русским». В свободном полете мысли Туберон видел «русские» корни в образовании чешского и польского государств<sup>2</sup>.

Мысль о языковом и этническом родстве славян была поддержана Фаустом Вранчичем из Шибеника, разносторонне образованным гуманистом. В 1595 г. он издал в Венеции многоязычный латинско-итальянско-немецко-далматинско-венгерский словарь, в котором развил положение о близости языка, употреблявшегося в Иллирии, с «русским»<sup>3</sup>.

С конца XVI в. идея целостности славян вошла в пропаганду Контрреформации, программа которой предусматривала объединение Восточной и Западной христианских церквей во главе с римским папой. В 1596 г. Брестской унией было создано христианское греко-католическое объединение, подчиненное Римской курии, — униат-

ская церковь. Она оставляла православным их богослужение и его язык. Однако в те годы не только сугубо церковная мотивация побуждала Римскую курию стремиться к сближению славян между собой, но и потребность совместного противостояния туркам. Все это под эгидой католической церкви.

Контрреформация в определенной мере укрепляла хорватских мыслителей в сознании общности славян и в желании уяснить место Далмации и Хорватии в целостной славянской истории. Но «славянская идея» становилась орудием разных церковных и политических интересов, а также культурной ориентации.

Каноник из Шибеника Томко Мрнавич выразил интеграционное сознание в терминологии. В 1603 г. в сочинении на латинском языке «Об Иллирике и иллирийских императорах» он впервые ввел понятие «иллирийское» для обозначения населения на территории от Дравы до Адриатического моря в историческом обозрении<sup>4</sup>.

В рассматриваемое время интеграционному славянскому сознанию в хорватской интеллектуальной среде трудно дать однозначную оценку. Оно включало плодотворное понимание родства славян, особой близости между собой южных славян, принадлежность хорватов к многочисленному славянскому миру. Но одновременно во многих случаях на него накладывались далекоидущие виды Контрреформации. Грань между славянством хорватского патриотизма и наступлением на православие католицизма провести не всегда возможно.

Далматинско-дубровницкие интеллектуалы XVI в. заложили основы славянской традиции в хорватском общественном сознании. И уже в это время в массе славянства выделялись ими «русские». Взгляды на славян в то время опирались на пробивавшуюся сквозь толщу веков историческую память о родстве и целостности славян и представляли скорее настроения и догадки, нежели знания.

Славянская тема занимала научную мысль. В 1601 г. бенедиктинец из Дубровника Мавро Орбин издал в Пезаре книгу на итальянском языке, получившую известность как «Славянское царство». В 1722 г. по распоряжению Петра I она была переведена на русский язык сербом сподвижником царя Саввой Владиславичем-Рагузинским и издана в Петербурге под названием «Книга историография».

Труд Орбина в русской версии представлял солидное для своего времени историческое сочинение, проникнутое мыслью о генетическом родстве славян, их целостности и величественном прошлом. Мотивацией написания книги послужила, по словам автора, слабая известность в мире о делах «славянского народа», а все потому, что

не было у него достаточно ученых и книжных людей, которые поведали бы о нем миру. Славяне, продолжал историк, в древние времена непрестанно воевали с окружающими их варварами, поэтому не могли уделять внимания учению и наукам. В то же время автор перечислил 170 иноземных авторов, которые так или иначе упоминали о славянстве.

Орбин вел происхождение славянского народа от Иафета, сына библейского праведника Ноя. Прародиной его историк считал Скандинавию, откуда он с помощью оружия расселился почти по всей Европе и овладел большей частью Азии и Африки. В ходе расселения славянский народ, имевший одно имя и язык, разделился на части, каждая из которых получила свое название и язык. В прошедшие времена, продолжал автор, не было другого, более стойкого, храброго и мужественного народа. Бесстрашный и непокорный, он героически противостоял могучему Риму.

В круг славянства Орбин включал не только чехов, поляков, россиян, сербов, македонцев, болгар, т. е. действительно славянские народы, но также и аваров, скифов, аланов, готов, печенегов, норманнов, шведов, финнов, угров, иллирийцев и прочее население, не упустив при этом и амазонок. Из великих лиц Орбин упоминал в числе славян Александра Великого, Диоклетиана, св. Иеронима и др. Конечно, сказывалась на взглядах историка по вопросу о составе славянского мира неразвитость в его время этнографических знаний о славянах, но так или иначе преувеличенные суждения о них создавали масштабную картину мощи, многочисленности и значения славянства.

Много места в труде Орбин отвел истории Рагузы. Он описал окрестности города, назвал ученых людей, рассказал о войнах, которые вела республика, остановился на могуществе ее флота. Говоря о противостоянии республики Турции, автор отмечал, что оно было «так мужественно, что сила оттоманская принуждена была оставить рагужан в своей природной волности и удовлетворяться несколькими даянием погодным за торговлю восточную».

Орбин подробно изложил средневековую историю «илирических славян», а также сербского, боснийского и болгарского государств. Основное внимание автор уделил военной истории, особенно борьбе с Турцией. Живость изложению придали словесные портреты правителей. Характеризуя Стефана Душана, Орбин писал: «Вступил Стефан в правление возрастом двадцати лет, в начале был грубого разума, но водяся и слушаяся баронов старых, и мудрых, бысть государь зело мудр и разумен и великодушен...». Боснийский бан Твртко,

говорится в книге, вступил на престол в 1357 г. также юношей 22 лет. «Юноша быв великаго разума, болшаго же чаяния».

Книга Орбина стала первым историческим сочинением, в котором мощно прозвучала славянская идея, подкрепленная фактическим материалом. Оставаясь на библейской позиции происхождения народов, Орбин в то же время выдвинул концепцию скандинавской прародины славян. Она была плодом догадок. Но и в настоящее время сложнейшая проблема происхождения и прародины славян остается дискуссионной. Автор впервые рассматривал историю южных славян как неразрывную часть прошлого «царства славян». Его книга была полна преувеличений, проникнута восхвалением славян, особенно южных. Тем не менее место труда Орбина в историографии определяется тем, что автор впервые представил славян в рамках европейской цивилизации как ее равнозначного и плодотворного субъекта. Не случайно книга Орбина в оригинале и русской версии получила широкий резонанс в славянском мире, особенно у южных славян, оказав влияние на формирование в дальнейшем общеславянского сознания и развитие исторической мысли<sup>5</sup>.

Воодушевление славянством было подхвачено далматинско-дубровницкими поэтами Возрождения и барокко. Этим было отмечено, в частности, творчество Ю. Бараковича, одного из последних поэтов Возрождения и провозвестника барокко в Далмации. Священник из Задара, он в своем главном сочинении «Славянская вила» (1613 г.) прославлял родной город, защищал славян и их язык от «латынзя»<sup>6</sup>.

Славянские мотивы были в знаменитой эпической поэме дубровчанина И. Ф. Гундулича «Осман» (1632–1637 гг.). Поэт писал о тяжелом положении славян:

*Там, меж пастью злой Дракона  
И когтями Льва, без славы,  
В рабстве чуждого закона  
Все славянские державы<sup>7</sup>.*

Интерес поэта к славянам, его сочувствие страданиям славян прочитывается и в образах поэмы.

В Дубровнике в то же время прославился на ниве драматургии Ю. Палмотич. Он также проявлял воодушевление «славянством».

В других условиях развивалась культура хорватов, проживавших на севере, в Хорватии, являвшейся частью Венгерского королевства, входившего в состав Австрийской монархии. Хорватия находилась на переднем крае борьбы против турок. Поэтому неудивительно, что

славянская идея проникла в хорватскую литературу и историографию этого края.

Первое печатное выражение здесь она получила в шеститомном труде историка загребского каноника Ю. Ратткая «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652 г.). Это было первое крупное систематизированное сочинение по хорватской истории. Автор придерживался позиции автохтонности славян в Юго-Восточной Европе. Он оживил легенду о легендарных братьях Чехе, Лехе и Русе, положивших якобы начало чешскому, польскому и русскому государствам. Родиной их Ратткая считал замок близ городка Крапины в Хорватском Загорье, являвшегося родиной самого историка. Это предание получило среди мыслителей Хорватии большой резонанс<sup>8</sup>.

Большое место славянство и Россия заняли во взглядах Юрия Крижанича. Это была во многом загадочная личность с драматической судьбой. Он родился около 1618 г. в Хорватии, по происхождению принадлежал к мелкому дворянству, но мало жил на родине. Получив теологическое образование в Граце, Болонье и Риме, завершившееся получением звания доктора теологии, Крижанич некоторое время служил священником в Хорватии, сочетая церковную службу с литературным трудом. В 1646 г. он был направлен в распоряжение униатского епископа в Смоленск, который в то время входил в состав Речи Посполитой. В следующем году Крижанич в качестве члена польского посольства в первый раз посетил Москву. Его сознание было захвачено славянством (видимо, под влиянием польской литературы о славянской истории), Россией и унией. В 1658 г. он, вопреки запрещению папы, вторично отправился в Россию<sup>9</sup>.

Крижанич прибыл в Москву в середине 1659 г. под именем «сербянина» Юрия Билиша, сына Иванова. Утаив свой духовный сан, он получил при дворе место государева служащего. Но в 1661 г. по неясным причинам, скорее всего из-за своего пристрастия к унии, Крижанич был отправлен в ссылку в Сибирь с сохранением жалованья<sup>10</sup>.

15 лет хорватский мыслитель провел в Тобольске, отдаленном, но крупном административном и торговом городе Сибири, посвятив себя литературному труду. Здесь он написал свои главные сочинения. Это были прежде всего лингвистические работы о славянской орфографии и грамматике «русского» языка. Захваченный мечтой о культурном объединении славян, Крижанич разработал принципы реформирования орфографии, во многом предвосхитив реформу кириллицы, проведенную в начале XIX в. применительно к сербскому языку вы-

дающимися сербским ученым Вуком Караджичем, а также сформулировал нормы стандартного языка для всех славян. Автор назвал этот смешанный язык «русским», но в действительности он имел русскую и хорватскую речевую основу. Крижанич применил его в своем главном политическом труде «Разговоры о правлении», над которым работал с 1663 г. Он вошел в историю под названием «Политика».

Это было обширное собрание различных текстов. Крижанич наиболее полно выразил в «Политике» свои взгляды на Россию XVII в. В своем понимании политической ситуации в Русском государстве и направления необходимых, с его точки зрения, преобразований, хорватский автор не вышел за рамки существующих в ней порядков. Он выступал за сословный строй, не замечая при этом крепостного права, за абсолютную монархию, правда, в сочетании с благими законами, ибо видел в ней гарантию равновесия и мира в сословном государстве. Писатель, критикуя «чужебские» (преклонение перед чужестранцами), был сторонником полной хозяйственной самостоятельности России. Он призывал к устранению порядков, при которых немецкие торговцы занимали привилегированное положение на внутреннем и внешнем рынках России. В усилении ее государственной мощи Крижанич видел главный фактор будущности славянского мира. Хорватский мыслитель считал задачей русских государей помощь славянам в деле их освобождения от власти Турции и Австрии и достижения самостоятельности<sup>11</sup>.

Излюбленной идеей Крижанича, которую он пронес через всю свою жизнь, была идея объединения славянских народов в религиозном отношении и на основе единого литературного языка. До конца своих дней он сохранял убежденность в преимуществе католицизма перед православием. Однако в зрелые годы хорватский мыслитель думал о примирении христианских церквей в такой форме, чтобы не было подчинения одной из них<sup>12</sup>.

С переменой на московском престоле Крижанич в 1676 г. был возвращен из ссылки, а через два года навсегда покинул Россию. Он оказался в Польше, где вступил в орден доминиканцев. Здесь им была написана «История Сибири». Писатель мечтал о Риме. Но въезд сюда ему был запрещен. Тогда Крижанич присоединился к войску польского короля Яна Собеского, направлявшемуся на помощь осажденной турками австрийской столице. В 1683 г. Крижанич погиб под Веной.

В течение двух веков имя хорватского мыслителя и писателя оставалось в забвении. Лишь в середине XIX в. оно стало известно на-

учной русской и хорватской общественности. Хорватский автор по широте своих взглядов, актуальности поставленных им вопросов российской и славянской жизни, поискам их решения занял видное место в истории хорватской общественно-политической мысли и всеславяинства. Однако его творчество не оказало влияния на интеллектуальную среду ни в России, ни в Хорватии.

Конец XVII – начало XVIII вв. ознаменовались победами Священной лиги (союза Австрии, Венеции, Речи Посполитой и примкнувшей к ним в 1686 г. России) над Турцией и разгромом Петром I шведских войск под Полтавой. Все это имело своим следствием обострение внимания славян к России и особенно к Петру I.

В Дубровнике эти события получили отклик в ряде поэтических сочинений, оставшихся в рукописи в силу вассальной зависимости республики от Турции. В 1710 г. местный поэт, иезуит, затем каноник И. Градич создал на народном языке поэму «Северное пламя». В названии произведения был заключен аллегорический образ Петра I. Автор, восхищаясь делами русского царя, писал, что они «известны всему миру». Он предсказывал вечную славу его начинаниям, «тока будет солнце сиять и быстрые реки течь к морю». Поэт прибегал к гиперболе, утверждая, что мир никогда не узнает таких доблестей и такого могущества, какими обладал Петр I. «Никогда солнце не откроет подобного ему героя». Поэма завершалась строфами:

*Живи, о славный царь, вовеки.  
Живи! Да умножатся  
Твои великие доблести  
И твои славные подвиги!  
Живи...  
Всегда победитель, никогда не побежденный!  
Доверши свои знаменитые дела  
Поражением змея турецкого!  
Пали и руби неверных,  
Кто ненавидит правую истину;  
Да захлебнутся они  
В потоке своей крови.*

Призывая Петра I защитить «честь правоверных» и освободить их из рабства, дубровницкий поэт в заключение желал московскому царю «вековечной чести и даров» и славного сияния «на этом свете и в раю».

Градич преподнес поэму Саве Владиславичу-Рагузинскому как ближайшему сподвижнику царя.

Подвиги Петра I воспел также дубровницкий священник, известный своей образованностью, Стиепо Русич (Ружич). В 1717 г. он создал поэму на родном языке «Петр Алексеевич». В посвящении автор писал, что в самом его имени заключено предсказание будущей славы. Провидением он был предназначен к прославлению России. Дубровчанин воспел военные подвиги царя, его победу над Швецией. Но особенно он выделил преобразовательную деятельность Петра I, прежде всего распространение образования в народе. Поэт выражал надежду, что русский царь разобьет Турцию и освободит христиан от мусульманского господства.

Петр I стал также героем оды на итальянском языке неизвестного автора. Он высокопарно изобразил русского царя посланцем небес, появившимся для утешения страждущего человечества. Эти торжественные сочинения остались свидетельством патетического восприятия России и ее гениального монарха представителями наиболее консервативной дубровницкой среды — католического духовенства<sup>13</sup>.

При Петре I были установлены первые официальные контакты между Россией и Дубровницкой республикой. Но развитие отношений между ними, как и восприятие дубровчанами России, не были однозначными. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. возник конфликт между Дубровником и Россией из-за обслуживания судовладельцами республики военного флота Турции. В конфликтной ситуации откровенно проявилась позиция известного дубровчанина и ученого иезуита Руджиера Бошковича. Он видел в лице России угрозу для самостоятельности Дубровника. С этой позиции он влиял на политику дубровницкого Сената в отношении России и, благодаря европейским связям, действовал на Западе в поисках помощи для противодействия России<sup>14</sup>.

В период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. генеральная установка Дубровника была на строгий нейтралитет. Победы русского оружия получили отражение в поэтической культуре Дубровника. Среди горожан пользовалась популярностью ода местного аристократа аббата Бернардо Замани. Она была написана в 1788 г. по случаю взятия российскими войсками Очакова. Ее торжественный пафос был проявлением удовлетворения, которое испытывала часть дубровчан победами России<sup>15</sup>.

Еще шаг в понимании реальной жизни России сделал далматинский просветитель Иван Ловрич. В книге «Заметки о путешествии по Далмации Альберто Фортиса» (1776 г.) автор, осуждая местное монашество за мздоимство, ссылаясь при этом на церковную политику



Петра Великого в России<sup>16</sup>. Это было восприятие России с позиции рационализма.

Идея языкового и генетического родства славян вошла в творчество знаменитого далматинского писателя А. Качича Миошича. В историческом сочинении «Кораблица» (ковчег — 1760 г.) он раскрыл состав «славянского народа». Это были: «московы, поляки, амазоны, богемы, моравы, словаки, тоты, краньцы, истрияне, рваты, славонцы, сервияне, сербы, валахи, молдавы, болгары, бошняки, далматины, верхние скендерцы и многие другие». К славянам автор относил древних иллирийцев, Александра Великого, византийского императора Константина, Скандербегу и др. По существу это были наброски этнической картины славянства, до научного понимания которой было, однако, еще очень далеко. Представления Качича Миошича о славянах были весьма туманными и приблизительными. Но одно в его сознании было непреложным — убежденность в древности, многочисленности и величии славян, давших миру знаменитых личностей.

Хвалебные слова автор адресовал и «славянскому языку». Качич Миошич писал, что земли, в которых был распространен он, простирались от латинского моря до ледяной Балтики. Писатель подчеркивал «великолепие» и «величавость» славянского языка, так как, по его словам, он был дарован Богом, в то время как другие языки были составлены людьми. Качич Миошич обращался к читателям с призывом не стыдиться говорить на своем «славном языке». А если кого спросят, какого он народа, продолжал автор, отвечай: «Я далматин, хорват, бошняк или славянин»<sup>17</sup>. Славянское сознание становилось частью хорватской будительской литературы.

В рассматриваемое время Хорватия и Славония, в отличие от Дубровника, не имели прямых контактов с Россией. Сведения о ней проникали в северную хорватскую среду преимущественно из Австрии или через нее. Поэтому важное значение имел характер австро-русских отношений.

В Хорватии на рубеже XVII–XVIII вв. видным культурным деятелем был Павао Риттер Витезович. Он проявил себя в разных сферах культуры, но прежде всего в историографии и литературе. В 1700 г. по следам победы Священной лиги над Турцией он издал на латинском языке стихотворение «Воскресшая Хорватия». В нем Витезович распространил название «Хорватия» на территорию от междуречья Савы и Дравы до Адриатического моря и от Альпийских гор до Сербии и далее на Восток. Это были земли, населенные южными славянами и соседними с ними народами. В позиции Витезовича прояви-

лось стремление выдвинуть Хорватию на ведущее место на юго-востоке Европы.

Сильное впечатление произвела на Витезовича Полтавская победа Петра I. В лице России он увидел силу, способную разбить Турцию. Это получило выражение в созданном им в 1710 г. стихотворном венке из 20 анаграмм на латинском и родном языках. Автор призвал Петра I сокрушить Османскую империю и взять Царьград. Предположительно латинский вариант был напечатан. Это было первое упоминание в северохорватской литературе о Петре I и выражение конкретного восприятия России<sup>18</sup>.

Загребский каноник, незаурядная личность своего времени В. А. Крчелич написал в 1764–1767 гг. на латинском языке большой труд «Анналы, или История. 1748–1767». Он увидел свет лишь в 1901 г. В 1952 г. он был издан в Загребе в переводе В. Гортана на сербско-хорватском языке. Это сочинение представляло собой мемуары в сочетании с элементами историографии и хроники. В нем автор неоднократно обращался к современной ему жизни России середины XVIII в.

Прежде всего Крчелич отдал дань величию Петра I, подчеркнув его вклад в дело возвышения России. Он писал: «Россия, которая после Петра Алексеевича, самого знаменитого человека нашего времени, возвысилась до выдающейся славы и мощи посредством мореходства, которому он ее научил, и, ранее неважная и неизвестная, теперь стала очень славной и ее другие боятся»<sup>19</sup>. Это было признанием европейской значимости деятельности Петра I и достигнутого благодаря ему могущества России.

Большое место в труде заняли рассуждения Крчелича о причинах, подготовке и ходе Семилетней войны, в связи с чем он неоднократно упоминал Россию. В преддверии войны Крчелич считал Россию недостаточно сильной, но обладавшей возможностями для наращивания мощи. Отмечались блестящие победы русского оружия при Елизавете Петровне, а также награждение ею дорогостоящей саблей австрийского фельдмаршала Дауна. Вообще, говоря о русской царице, Крчелич не удержался от сплетен и слухов вокруг ее имени. Так, он отмечал ее ненасытную склонность к любовным утехам, чем пользовались европейские дворы.

В труде говорилось об изменении внешнеполитического курса России со вступлением на престол Петра III. Крчелич писал: «Из-за своей склонности к королевству Пруссии он оставил союз с Австрией

и из Пруссии вывел русское войско». Это было адекватное наблюдение автора.

Крчелич уделил внимание событиям в Петербурге в 1762 г. Он обоснованно написал о свержении Петра III с престола женой, его убийстве, провозглашении ее с помощью гвардии царицей под именем Екатерины II. Сообщение изобиловало также разного рода слухами, от ненадежности которых автор оградил себя словами: как они дошли «до этих удаленных краев Хорватии».

В источниковом плане интересно замечание Крчелича о том, что в 1755 г. из пассивных приморских краев, особенно из Лики, население мигрировало на север и даже в Россию.

Тон сообщений Крчелича о России был доброжелательным и спокойным<sup>20</sup>.

В 1788 г. в Вене было опубликовано стихотворение поэта военного капеллана Й. Крмпотича, который оставил след в хорватской литературе своими песнями «по случаю» и панегириками, «Поездка Екатерины II и Иосифа II в Крым». Автор посвятил его встрече монархов на юге России в 1787 г. Так образ русской императрицы вошел в хорватскую литературу.

В хорватской духовной жизни XVII–XVIII вв. славянское сознание в интеллектуальной среде утвердилось как устойчивая традиция. Сознание славянской общности было моральной поддержкой в трудные периоды исторического развития народа. Оно проявлялось во взглядах как церковных, так и светских лиц в Далмации, Дубровнике и Хорватии. в разных жанрах литературы и видах исторических работ.

Славянское сознание проявлялось в двух формах. В первом случае его носители имели в виду все славянство, во втором — концентрировали внимание на южных славянах, рассматривая их как часть общеславянской целостности.

С начала XVIII в. стало заметным особое внимание хорватских интеллектуалов к России как новому политическому фактору в противостоянии с Турцией, вселявшему надежды на освобождение южных славян от турецкого ига.

## Примечания

<sup>1</sup> *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963. С. 46; *Он же.* Поэты Далмации эпохи Возрождения // *Голенищев-Кутузов И. Н.* Славянские литературы. М., 1978. С. 58.

<sup>2</sup> *Голенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение... С. 32, 110, 328.

- 3 Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 110.
- 4 История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I. С. 763.
- 5 См.: Книга историография. СПб., 1722. С. 1, 4, 175, 229, 275.
- 6 Голенищев-Кутузов И. Н. Итальянское Возрождение... С. 80.
- 7 Гундулич Иван. Осман. Перевод В. К. Зайцева. Минск, 1969. Песнь VIII. С. 145.
- 8 О Раткае см.: *Šojat O. Juraj Ratkaj Velikotaborski (1612–1666) // Hrvatski kajkavski pisci. Zagreb, 1977. I. S. 341–345.*
- 9 Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. М., 1901; *Šidak J. Juraj Križanić i značenje njegova djela // Šidak J. Kroz pet stoljeća hrvatske povijesti. Zagreb, 1981. S. 126, 128, 129.*
- 10 обстоятельное освещение пребывания Крижанича в России см. в кн.: *Пушкарев А. Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.*
- 11 *Крижанич Юрий. Политика. М., 1997. С. 22, 174, 176, 230, 267 и др.; Šidak J. Juraj Križanić ... S. 130, 132.*
- 12 *Šidak J. U povodu 350-godišnjice rođenja Jurja Križanića // Historijski zbornik. 1968–1969. Zagreb, 1971. S. 694.*
- 13 *Макушев В. В. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865. С. 15–17. Прилож. IV, V.*
- 14 Дубровачка акта и повесть. Объявил J. Радонић. Београд, 1951. Кн. V. С. 352–353, 367, 394, 413.
- 15 *Макушев В. В. Материалы... С. 132–133.*
- 16 *Lovrić I. Bilješke o putu po Dalmaciji opata Alberta Fortisa. Zagreb, 1948. S. 27, 28.*
- 17 *Djela Andrije Kačića Miošića. Zagreb, 1942. Knj. II. S. 12, 13, 14.*
- 18 *Šidak J. Počeci političke misli u hrvata: J. Križanić i P. Ritter Vitezović // Šidak J. Kroz pet stoljeća... S. 143, 144, 145.*
- 19 *Krčelić B. A. Annuae ili historija 1748–1767. Zagreb, 1952. S. 310.*
- 20 *Ibid. S. 299, 301, 304, 305, 306, 308, 309, 378, 389, 419, 439.*

В. Н. Виноградов

## Общественность и внешнеполитическая ориентация Дунайских княжеств в XIX в.

XIX век Молдавия и Валахия встретили с традиционной ориентацией на Россию. Только оттуда ожидалось избавление от османской неволи. В июне 1807 г. высшее духовенство и боярство Молдавии обратились к Александру I с призывом: «Не имеем к кому иному в полной надежде простерти руки и возвести очи наши. Не оставь избавить от бывшего на нас тиранского ига, истреби несносное правление, дышущее угнетением бедному сему народу, присоедини правление земли сей с богохранимою державою Твоею с полезными преимуществами, которые Твоя воля земле сей утвердила. Да будет одно стадо и один пастырь. И тогда да напомним се есть золотой век состояния нашего»<sup>1</sup>. В 1837 г. молодой Михаил Котэличану, будущий знаменитый государственный деятель Румынии, писал: «В течение веков в Молдавии и Валахии существует традиция, гласящая: наше избавление придет с Севера. Все привязывает нас к России, она наша мать. Прошло время, когда мы одни могли обороняться от турок, поляков, венгров, татар. Мы слишком слабы, мы ничего не можем сделать без России, которая всегда была нашим благодетелем, которая дала нам наши права и свободы, которая вновь вписала нас в разряд наций и дала нам немного цивилизации, которой мы обладаем»<sup>2</sup>.

Адрианопольский мир 1829 г. открыл новую эпоху в жизни Балкан, по праву именуемую Возрождением. Дунайские княжества обрели полную самостоятельность во внутренних делах. Крепости на левом берегу Дуная (Брэила, Турну Северин и Джурджу) срывались, турки могли приезжать в княжества только с разрешения их властей. Молдавия и Валахия получили право вывоза зерна за рубеж. В княжествах возрождались национальные вооруженные силы. Высокая Порта заранее изъявила согласие на проведение в Молдавии и Валахии реформ, в выработке которых принимала участие и русская администрация во главе с просвещенным вельможей, генералом Павлом Дмитриевичем Киселевым, срок полномочий которого истекал

с окончанием выплаты Турцией военной контрибуции в 1834 г. В княжествах вступили в силу Органические регламенты, законодательные акты европейского уровня. Получил признание принцип разделения властей, было провозглашено равенство граждан перед законом, появился совет министров, избираемые боярством князья были посажены в гражданский лист, государственные расходы стали финансироваться из бюджета, впервые тогда введенного, полицейские силы, ранее существовавшие за счет поборов с населения, что означало полный произвол с их стороны, были посажены на жалование. Появились разветвленная судебная система, почтовая служба, пожарная охрана.

Казалось бы, опоре на Россию развиваться и крепнуть. Но на самом деле влияние самодержавия в княжествах в сороковые годы было размыто, «русская партия» в них сошла на нет, и они, в плане дипломатическом, переориентировались на Запад. Причины на то были многообразны.

Заботами т. н. трансильванской школы бедолага румын обзавелся благородной родословной. Под этим именем известна группа просветителей, живших на рубеже XVIII и XIX вв. в Венгерском королевстве (С. Мику, Г. Шинкай, И. Будай-Деляну, П. Майор), подвизавшихся на ниве как филологии, так и истории. Генезис румынского этноса они упростили в крайней степени, вычеркнув из него немаловажное славянское влияние. Румыны провозглашались прямыми потомками римлян — одна из книг С. Мику имела заглавие «Элементы дакоримского или валашского языка». Свои труды представители трансильванской школы писали не на общепринятой тогда в румынском языке кириллице, а на латинице, разумеется, не случайно. Исследования трансильванцев получили распространение среди грамотной части населения княжеств. Приятно было сознавать себя представителями латинской цивилизации в европейском захолустье, что порождало и чувство своей обособленности от славянского мира.

Немалую роль в процессе охлаждения к России сыграл миф о своего рода непрестанном экспансионистском зуде, терзавшем русского медведя. После Адрианопольского мира в румынских землях царил национальный подъем, чуть ли не десятками сочинялись проекты о государственном устройстве. А печать назойливо твердила о территориальных попользованиях Петербурга, начисто отсутствовавших. На самом деле самодержавие трижды — в англо-русском протоколе (апрель 1826 г.), в договоре с Францией и Великобрита-

нией (июль 1827 г.) и в протоколе с теми же державами, известном под своим неофициальным названием — о бескорыстии, вместе со своими партнерами заявляло об отказе от планов расширения на Балканах.

Но миф продолжал жить и воздействовать на настроения общест­венности в Дунайских княжествах. Он переключал в историографию и существует по сей день. А. Иордаки утверждает: «Покровитель­ство православным христианам Балкан являлось лишь предлогом для достижения экспансионистских целей»<sup>3</sup>.

Легенда жила, ибо под ее сенью российским соперникам было удобно проводить отнюдь не бескорыстную политику подчинения Османской империи своей воле, чем упорно, целенаправленно и успешно занималась Великобритания в конце 1830-х и в 1840-е годы.

Зарождение прозападной ориентации в княжествах объяснялось и вполне земными причинами. Органические регламенты имели и обратную и отнюдь не прогрессивную сторону. Не самодержавию было искоренять феодализм в румынском варианте в виде боярского землевладения и правления. Именно это сословие реформировало аграрное законодательство в Молдавии и Валахии не себе в убыток. Земельные наделы крестьян подверглись некоторому сокращению, изменился и порядок взимания ренты. Раньше львиная доля поборов взималась в виде налогов, а бояре получали ее значительную часть как чиновники в виде жалования, теперь рента поступала непосредственно землевладельцу, то есть тому же боярину. Карл Маркс в гневе назвал Органические регламенты кодексом барщинных работ. Специалисты-исследователи не разделяют его точку зрения — какого-то разорения деревни не произошло<sup>4</sup>.

П. Д. Киселев лично относился к великому боярству крайне неприязненно, называл его буйной и жадной олигархией, а в узком кругу именовал его представителей «барбосами». Однако, как пишет американский историк Р. Флореску, бояре «заставили Киселева отказаться от своей социальной программы, воспользовавшись тем, что политически они были незаменимы для успеха регламентов в целом»<sup>5</sup>.

Российские консулы оберегали Молдавию и Валахию от распространения «революционной заразы», следили за тем, чтобы печать не предавалась вольномыслию, но все основы — система землевладения, привилегированное положение боярства, самоуправство князей — происходили из родной старины и самодержавие не имело бы к ним никакого отношения.

Последовавший за русско-турецкой войной 1828–1829 гг. общественный ренессанс повел к дальнейшему ослаблению в княжествах позиций России. Регламенты создали определенные предпосылки для развития капиталистических отношений. Произошли значительные сдвиги социально-демографического плана. Родилось новое поколение, в социальную жизнь оказались вовлечены люди разного происхождения, в том числе разночинского. Все, кто мог из молодежи, устремились в зарубежные университеты, прежде всего французские. Латинская сестра, Франция, служила предметом поклонения. Она представлялась очагом цивилизации, отсюда исходили призывы к свободе, равенству и братству. Возвращалась молодежь во всеоружии новых идей, объятая желанием искоренить замшелые порядки дома. Что могла официальная Россия противопоставить этому? Крепостное право, самодержавный строй, отсутствие хотя бы намёка на народное представительство во власти, суровую цензуру над печатью, жандармский надзор за верноподданными. Иными словами — ничего.

Именно эта новая среда способствовала внешнеполитической переориентации княжеств. При сем было упущено из виду, что возможный потенциал добрых дел со стороны официальной России далеко не был исчерпан. К чести отечественного Министерства иностранных дел, оно никогда не распространяло за рубежом прелести самодержавия, а светлые российские умы были причастны к распространению прогрессивных идей на Балканах. Только Россия ратовала за расширение автономных прав населявших их христианских народов, все прочие «великие», не исключая Францию, горой стояли за сохранение здесь власти и влияния Османской империи, что предусматривалось доктриной сохранения статус-кво в регионе. Парижская дипломатия, правда, допускала одно локальное исключение из общего правила. Вторая империя Луи Наполеона Бонапарта после Крымской войны поддержала движение за объединение Молдавии и Валахии и создание единой Румынии, откликаясь на настойчивые призывы из Бухареста и Ясс «прийти и владеть» ими. Грех было не откликнуться на подобные домогательства. Но стремление возникшей Румынии обрести независимость режим Луи Наполеона уже отвергал.

Сложилась парадоксальная ситуация. Единственный путь в светлое будущее лежал через ослабление пут зависимости от Турции, о чем хлопотала одна Россия, а еще лучше — путем отторжения от Османской империи, о чем дерзала помышлять одна Россия. Выходило так, что, сомкнувшись с западными державами, румынские прогрессисты засовывали палки в колеса прогресса.



\* \* \*

В формуле Россия — Дунайские княжества (Румыния) отсутствовал фактор этнической солидарности, столь существенный в сношениях с сербами и болгарами, сознания общности происхождения, кровного родства, языковой близости. В то же время мощно проявлялся фактор румынского притяжения к романскому миру. Франция воспринималась как цитадель Просвещения, немеркнувший источник прогрессивных идей. К ней устремлялись умы и сердца молдавской и валахской молодежи, в первую очередь, учащейся.

Общественность южнославянских стран столь же неприязненно и критически относилась к самодержавию и мыслила свое будущее государственное устройство по западноевропейскому образцу, и никто ей не препятствовал. Отечественная дипломатия опиралась в Сербии на уставобранителей (конституционалистов) и была причастна к составлению демократической Великотырновской конституции 1879 г. для Болгарии. Но все прочие европейские державы, без единого исключения, стояли на защите владельческих прав Высокой Порты на Балканах. Давние и прочные связи не только с официальной, но и с народной Россией убеждали — только оттуда придет избавление. И не возникало даже соблазна переориентации.

В Дунайских княжествах этот процесс сопровождался охаиванием российского протектората. Царившее в них зло, несправедные деяния, жизненные тяготы, княжеский произвол связывались со зловещим влиянием России. В повестку дня было поставлено освобождение от ее протектората.

В 1834 г. П. Д. Киселева торжественно проводили из Бухареста. Он был провозглашен почетным гражданином столицы, красивейшая улица города была названа в его честь — шоссе Киселева. А в 1848 г. тексты Органических регламентов были публично сожжены как символ застоя. Год этот явил в Дунайских княжествах странную картину. Европейская революция в меньшей степени коснулась Молдавии, в большей Валахию, куда успел прибыть десант восторженных студентов из Парижа. 1848 год повергает в изумление: временное правительство расшаркивалось перед Высокой Портой, заверяя ее в своей лояльности, поспешило выслать в Стамбул причитающуюся дань, с чем не очень спешили прежние князья. А покровительство России предавалось анафеме. Революционеры собирались, видимо, играя на противоречиях Петербурга и Стамбула, избежать их вмешательства в румынские дела, кои пошли вкривь и вкось. Наболевший аграрный

вопрос не удалось сдвинуть с места, «братья-помещики» отвергли все ходатайства «братьев-крестьян» об увеличении их земельных наделов. Турки дождались, пока революция себя достаточно дискредитировала, и подавили движение, не встретив сколько-нибудь значительного отпора. Самодержавие, чтобы не допустить хозяйничанья османов в Валахии, тоже ввело в княжество войска. Стрелять солдатам не пришлось, так что называть акцию подавлением не пристало. Участвовавший в ней офицер свидетельствовал: «Новая республика, составленная из самого малого числа заговорщиков без всякого участия народа, уступила нам честь и место без боя. Прежний порядок был водворен без усилий»<sup>6</sup>. (В современных российских материалах термин «революция» применительно к событиям не встречается).

В Крымскую войну румынские унионисты (сторонники объединения Молдавии и Валахии) явились единственной политической силой на Балканах, предложивших свои услуги неприятелям России. Однако вражеской коалиции нужна была реальная военная помощь, а не создаваемый в политических целях легион сомнительной боеспособности, который унионисты собирались снарядить; их ходатайство было отвергнуто. Самодержавие проявило благоразумие, не стало действовать по принципу «око за око» и, действуя в традиционном духе поощрения национальных движений, способствовало объединению княжеств и образованию Румынского государства.

В 1870-е годы прозападная ориентация завела национальные устремления румын в тупик. На очереди стояло провозглашение независимости страны. Все «великие», за исключением России, стеной стояли против. Пришлось ориентацию на время сдать в архив. Румыния в союзе с Россией участвовала в войне против Турции в 1877–1878 гг., в частности, в осаде крепости Плевна. За военным успехом последовал политический раздор. Император Александр II считал делом чести возвращение России Южной Бессарабии, отторгнутой у нее после Крымской войны и вошедшей в состав Молдавского княжества (а в дальнейшем Румынии). В качестве компенсации последней предполагалось передать освобожденную от турецкой зависимости Северную Добруджу, более населенную, экономически более перспективную, обладавшую хорошей естественной гаванью в Кюстендже (Констанце). Румынская сторона хотела новую провинцию приобрести, но при обязательном сохранении старой. Никто за румынскими рубежами подобной позиции не поддерживал. Но в самой Румынии разразилась бурная антироссийская кампания. Судить о роли в ней общенности затруднительно, она инициировалась, дирижировалась и

финансировалась сверху. Румынские правители сильно ошибались в оценке международной ситуации, им мерещилось, что вот-вот наступит война Великобритании, Австро-Венгрии и Турции против России, и пора к ним присоединяться. Последовали демарши в Вене, Лондоне и Стамбуле с предложением услуг румынской армии для действий против вчерашнего союзника. Ото всех последовал отказ, охотников воевать с Россией, помимо бухарестского правительства, не нашлось.

Пришлось бить отбой. Румынские делегаты на Берлинском конгрессе 1878 г. направили домой телеграмму с просьбой прекратить бесполезную и бессмысленную шумиху. Россия выполнила свои обязательства, добилась того, что конгресс признал государственную независимость Сербии, Черногории и Румынии, что еще два года назад представлялось далеким, неправдоподобным и недостижимым.

Премьер-министр И. К. Брэтиану заверил российского генерального консула, что передача России Южной Бессарабии произойдет без всяких инцидентов. Протесты смолкли как по мановению волшебной палочки. Пришлось успокоиться.

## Примечания

- <sup>1</sup> Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия. 1807. Д. 1881. Л. 47.
- <sup>2</sup> *Kogalniceanu M.* Opere. T. 1. București, 1946. P. 17.
- <sup>3</sup> *Iordache A.* Principatele Romane in epoca moderna. V. 2. București, 1998. P. 35.
- <sup>4</sup> *Гросул В. Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия. М., 1964.
- <sup>5</sup> *Florescu R.* Essays en Romanian History. Iasi etc, 1999. P. 210.
- <sup>6</sup> *Дафоган М. И.* Записки о войне в Трансильвании в 1849 году. СПб., 1859. С. 9.

А. В. Карасев

## Сербское общество и власть в 60–70-е годы XIX века

60–70-е годы XIX века были переломными в истории сербского буржуазного государства, развивавшегося в весьма специфических условиях. Перед страной стояла сложнейшая задача модернизации экономики и социально-политических институтов. Модернизация носила догоняющий характер, так как сербское общество, вышедшее из недр феодальной Османской империи, носило на себе печать традиционализма и сильно отставало в своем развитии от Западной Европы. В конце 50-х – начале 60-х гг. капиталистическое производство в Сербии оставалось слабо развитым. В стране имелось лишь несколько промышленных предприятий. Сербскому народному хозяйству не хватало капиталов для более быстрого развития модернизационных процессов. Собственные финансовые ресурсы были чрезвычайно скудны, а притока иностранных капиталов не было. Перестройка сельского хозяйства на новых капиталистических началах происходила очень медленно. Но с конца 60-х гг. и здесь наметились определенные изменения. Через десять лет развитие капитализма достигло в Сербии определенных результатов, что нашло выражение в быстром росте задолженности крестьян, в распаде большой патриархальной семьи — задрути, а также в усилении процесса обезземливания крестьян.

Специфика модернизационных процессов в Сербском княжестве, формирования национальной государственности заключалась в том, что при развитии институтов власти значительно опережало развитие гражданского общества.

К этому времени социально-экономическое и политическое развитие Сербского княжества создало необходимые предпосылки для зарождения и оформления основных буржуазных общественно-политических течений, отражавших социальную структуру сербского общества. Помимо консерваторов — идеологов крупных земельных собственников, богатых торговцев и ростовщиков, появились либе-

ралы — новое общественно-политическое течение чисто буржуазного толка. Консервативно-либеральному лагерю с конца 60-х годов противостояли революционные демократы, выразившие интересы трудового крестьянства Сербии. Противоборство этих трех течений стало главным содержанием общественно-политической борьбы. Оно оказало непосредственное влияние на развитие сербского буржуазного государства.

Парижский мирный договор 1856 г., юридически оформивший итоги Крымской войны, внес существенные изменения в международно-правовой статус Сербского княжества. Оно оставалось «как прежде, под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оно́го», но не при российском только, как раньше, а «общем совокупном ручательстве договаривающихся держав», т. е. Великобритании, Франции, Австрии, Пруссии, Сардинии и России<sup>1</sup>.

После Крымской войны внутриполитическая ситуация в Сербии становилась все более напряженной, приобретая взрывоопасный характер. Ясно обозначился глубокий политический кризис олигархического режима уставобранителей, ярким проявлением которого явилась борьба между сербским князем и Советом — главным органом уставобранительского режима — за политическое преобладание. Князь, не имея опоры внутри страны, стремился найти поддержку во вне. Австрийский консул Р. Радославевич добился назначения проавстрийски настроенных министров. Во внешней политике князь Александр во всем следовал советам австрийской дипломатии. Среди политических деятелей Сербии конца 50-х гг. не было, да и не могло быть, единства взглядов по вопросам внешнеполитической ориентации княжества. Наиболее дальновидный деятель уставобранительского режима Илия Гарашанин (1812–1874) считал, что Австрия является непримиримым врагом Сербии; выступая против австрофильского курса князя, он предлагал опираться на Францию. Часть уставобранительских лидеров симпатизировала России, большинство же в борьбе с князем опиралось на Турцию.

Ростом недовольства политикой Александра Карагеоргиевича воспользовались сторонники династии Обреновичей, активизировавшие свою деятельность. Наиболее последовательными борцами против режима уставобранителей были сербские либералы — Е. Груйич, М. Янкович, Р. Алимпич и др., стремившиеся перенести идеи буржу-

азной государственности, заимствованные ими в Западной Европе, на сербскую почву. Против князя объединились представители различных политических группировок, в том числе многие видные деятели уставобранительского режима — И. Гарашанин, Т. Вучич и др.

В обстановке всеобщего недовольства политикой князя И. Гарашанин в качестве инструмента для свержения Александра Карагеоргиевича решил воспользоваться скупщиной, которая не собиралась с 1848 г. Несмотря на сопротивление князя и Порты, считавшей подобный шаг нарушением конституции 1838 г., в начале сентября 1858 г. было принято решение о созыве скупщины.

В заседаниях Свято-Андреевской скупщины, проходивших с 1 декабря 1858 г. по 31 января 1859 г., принимали участие 437 депутатов, из которых 377 было избрано, а 60 получили это право по положению (председатели судов, окружные начальники, настоятели монастырей и протоиереи). По роду занятий большинство депутатов составляли земледельцы, представители сельской администрации и торговцы.

Руководящую роль в скупщине играли вожди сербских либералов — Еврем Груич и Йован Илич, избранные ее секретарями. Сербские либералы (Е. Груич, М. Янкович, Р. Алимпич и др.) рассчитывали использовать Свято-Андреевскую скупщину для утверждения своих идей. Еврем Груич разработал весьма радикальный проект Закона о народной скупщине, внесенный на рассмотрение депутатов 5 декабря. Скупщина провозглашалась «одним из старейших и освященных традициями» институтов Сербского княжества, наделялась правом законодательной инициативы, должна была вотировать бюджет страны и одобрять все законы. Согласно проекту, скупщина собиралась ежегодно, предусматривалась политическая ответственность правительства. Одобренный скупщиной проект натолкнулся на решительное сопротивление консервативной группировки, возглавляемой И. Гарашанином, который добился отсрочки его утверждения Государственным советом и князем<sup>2</sup>.

Роковой для князя Александра и его династии день пришелся на шестое заседание скупщины, происходившее 10 декабря. В самом начале заседания белградский адвокат Михаил Барловац произнес острую обвинительную речь против князя, состоявшую из 23 пунктов. Скупщина потребовала его отставки. Члены Государственного совета согласились с этим требованием. Однако Александр медлил с принятием решения. Возникла угроза использования войск для разгона

скупщины. Утром 11 декабря 1858 г. Белград превратился в вооруженный лагерь. Жители столицы и окрестных сел, вооружившись кто чем мог, встали на защиту скупщины. Бегство князя в турецкую крепость поставило его вне закона. Решением скупщины он был низложен и на сербском престоле была восстановлена династия Обреновичей во главе со старым князем Милошем. До его возвращения в Сербии вся полнота власти переходила к скупщине.

После этого вплоть до закрытия скупщины события развивались мирно благодаря компромиссам и взаимным уступкам сторон — либералов и консерваторов, причем последние все более овладевали ситуацией. Члены Государственного совета так препарировали статьи проекта Закона о народной скупщине, что она превратилась в простой совещательный орган при князе. Внесенные поправки умаляли ее права в контроле над финансами, установлении налогов, привлечении членов правительства и чиновников к ответственности. Теперь скупщина должна была созываться раз в три года (а не ежегодно, как требовали либералы). В два раза было сокращено число депутатов по сравнению с первоначальным проектом. Все же принятый в новой редакции Свято-Андреевской скупщиной 9 января 1859 г. Закон о народной скупщине превращал ее в постоянно действующий представительный институт. Внесенная в Закон по настоянию либералов специальная статья о свободе печати практического значения не имела.

Таким образом, начав свою деятельность революционным актом низложения Александра Карагеоргиевича и обнародованием радикального проекта Закона о народной скупщине, Свято-Андреевская скупщина завершилась компромиссом между либералами и консерваторами, в результате которого вскоре стало возможным установление авторитарного режима Михаила Обреновича. Тем не менее значение Свято-Андреевской скупщины велико, поскольку она ликвидировала олигархический режим уставобранителей и ознаменовала начало нового периода в экономическом и политическом развитии Сербского княжества.

В 1860 г. старый князь скончался и на княжеский престол вступил его сын — Михаил. Порта, стремясь избежать новых осложнений в Сербии, была вынуждена согласиться с его кандидатурой.

Михаил Обренович был европейски образованный человек. Он взшел на престол с широкой и претенциозной программой внутри- и внешнеполитического развития Сербии. Приблизив к себе самого

способного представителя консерваторов — И. Гарашанина, Михаил вскоре назначил его министром иностранных дел, а затем премьер-министром. Русский консул в Белграде Влангали в связи с этим в одном из своих донесений отмечал, что «И. Гарашанин чуть ли не единственный, кто понимает положение дел в стране». Сербский князь разделял национальную внешнеполитическую программу, составленную И. Гарашаниным в 1844 году и известную под названием «Начертание». В 50-х и 60-х гг. она получила свое дальнейшее развитие. В соответствии с внешнеполитической программой Михаила—Гарашанина автономное Сербское княжество во главе с династией Обреновичей должно было возглавить борьбу против Османской империи с целью создания нового государства, в состав которого должны были войти земли, населенные не только сербами, но и другими югославянскими народами: Босния и Герцеговина, Черногория, Македония, Хорватия, последняя — в случае распада Австрии. Князь Михаил и И. Гарашанин понимали, что без объединения всех сил балканских народов и использования благоприятной международной обстановки — без поддержки одной из великих держав невозможно одолеть столь сильного противника, как Османская империя. Так появилась идея создания Балканского союза. Главной и основной силой этого союза по мысли его создателей и идеологов должна была стать Сербия, так как только в этом случае можно было рассчитывать на претворение в жизнь великосербской программы. Князь и его премьер-министр разработали и осуществили целый ряд реформ, чтобы подготовить страну к предстоящей войне с Османской империей.

Выдающийся сербский политический деятель и национальный идеолог Илия Гарашанин во второй раз (после 40-х гг.) приступил к реализации своих планов, поддержанных князем Михаилом. В области внутренней политики князь и его премьер-министр — убежденный сторонник принципа монархизма — прежде всего стремились укрепить личный режим князя. Главным препятствием на этом пути являлась конституция 1838 г. (так называемая Турецкая конституция, сильно ограничивавшая права князя). Михаил Обренович и И. Гарашанин решили выяснить мнение европейских правительств относительно возможности отмены старой конституции и замены ее новой. В Петербурге им был дан совет, не отменяя формально конституцию 1838 г., свести ее на нет принятием ряда новых законов<sup>3</sup>.

При вступлении на престол Михаил заявил в манифесте, что будет стремиться к примирению партий (либералов и консерваторов,



обреновичевцев и карагеоргиевичевцев), «закон станет высшей волей в Сербии». Но вскоре он забыл свои обещания и сформировал чисто консервативное правительство, которое с декабря 1861 г. возглавил Илия Гарашанин — лидер консервативного политического течения. Как и князь Милош, Михаил хотел добиться от Турции изменения конституции 1838 г., однако Порты требовала, чтобы и новая, измененная конституция Сербского княжества была дарована в форме султанского хатти-шерифа. Тогда сербский князь внял советам России и Франции и вступил на путь фактической отмены существующей конституции путем принятия новых конституционных законов.

Все предложения либералов, касавшиеся ответственности министров перед скупщиной и принятия закона о свободе печати, были отвергнуты по настоянию князя на Преображенской скупщине, состоявшейся в августе 1861 г. На ней были одобрены законы о Государственном совете, о народной войске, новый Закон о народной скупщине, который окончательно низвел этот важный институт сербской государственности до положения чисто совещательного органа. Состав депутатов скупщины сокращался в четыре раза. Ее руководители больше не избирались, а назначались князем, на заседаниях имели право присутствовать члены правительства. Депутаты за выступления могли быть подвергнуты судебному преследованию. И все же, несмотря на дальнейшие ограничения прав скупщины, новый закон сохранял скупщину как государственный институт в противоположность конституции 1838 г., в которой скупщина даже не упоминалась. Это была вынужденная уступка князя Михаила, обусловленная временем.

Закон о Государственном совете превращал этот некогда грозный олигархический институт в послушный, чисто чиновничий орган при князе, который назначал и смещал его членов по собственному усмотрению. Совет обсуждал и принимал законы только с ведома и согласия князя и, самое главное, был лишен какой бы то ни было возможности проводить самостоятельную политику. Однако Государственный совет не был ликвидирован полностью, ибо в таком случае неизбежно пришлось бы значительно расширить права и полномочия скупщины.

Одной из важнейших реформ стала военная: было создано так называемое народное войско и введена всеобщая воинская повинность. Это позволяло княжеству иметь значительную армию, что князь Михаил и его премьер-министр считали важнейшей предпосылкой выполнения своих внешнеполитических планов.

В 1862 г. был принят закон об управлении княжеством. Вместо попечительств были созданы министерства и Совет министров, членов которого назначал и сменил князь. Тем самым исполнительная власть в стране оказывалась полностью подчиненной князю. Он упорно противодействовал попыткам либералов добиться установления политической ответственности министров перед скупщиной. Несколько лет спустя (в 1866 г.) был принят специальный закон об общинах, поставивший их под непосредственный контроль полицейских властей. Всеми этими законами завершалось создание абсолютистской полицейско-бюрократической системы государственного управления Сербии.

Принятие новых законов и активизация внешней политики княжества привели к резкому обострению сербско-турецких отношений.

В ходе белградского кризиса 1862–1863 гг. сербское правительство убедилось еще раз в необходимости объединения усилий балканских народов для успешной борьбы с Портой. Илия Гарашанин в начале 60-х гг. сделал первые попытки начать переговоры о возможном союзе против Османской империи с Черногорией и Грецией. Однако эти переговоры не принесли позитивных результатов, что в значительной мере было обусловлено противоречиями между самими балканскими государствами, усугублявшимися вмешательством великих держав.

Австро-прусская война 1866 г. и поражение Австрии, главного противника осуществлению сербских планов на Балканах, создавали, по мнению князя Михаила и Гарашанина, благоприятную обстановку для активизации действий Сербии по созданию Балканского союза. На заседании совета министров Сербии в июле 1866 г. было принято решение ускорить военную подготовку страны, активизируя одновременно переговоры по созданию Балканского союза<sup>4</sup>.

Князь Михаил и Гарашанин считали его создание важнейшим условием для начала вооруженной борьбы с Османской империей. Они понимали, что силы отдельных балканских государств слишком слабы, чтобы нанести поражение такому сильному противнику. При помощи двусторонних переговоров с балканскими странами и представителями освободительных движений сербское правительство рассчитывало избежать противоречий (или, по крайней мере, смягчить их) по территориальным вопросам, обнаружившихся уже на начальной стадии переговоров в первой половине 60-х гг.

И. Гарашанин рассматривал союз с Черногорией как краеугольный камень создаваемого Балканского союза.

Провозглашение Черногории светским княжеством способствовало консолидации разрозненных племен и упрочению государственности. После прихода к власти князя Николая (1860–1913) несколько улучшилось экономическое и политическое положение страны. Ведя непрерывную борьбу с Турцией (в 1862 г. было отражено очередное нашествие турецких войск, угрожавших Цетинью), князь Николай был заинтересован в сближении с Сербией.

Исторически так сложилось, что за право играть ведущую роль в национально-освободительном движении сербского народа соперничали два государства, два княжества — Сербия и Черногория. Князь Николай вполне разделял «заветную» мысль князя Михаила и Гарашанина о необходимости объединения и освобождения сербского народа, но если последние видели результатом этого процесса создание «великой Сербии» во главе с династией Обреновичей, то князь Николай хотел, чтобы новое государство возглавила династия Петровичей-Негошей. Эти династические разногласия порождали взаимное недоверие сербского и черногорского правителей, они постоянно соперничали и домогались руководящей роли в национально-освободительном движении (особенно в Боснии и Герцеговине). Вместе с тем и тот, и другой ощущали настоятельную необходимость взаимного сотрудничества. Распыление и без того ограниченных сил княжеств вело лишь к поражениям.

С мая 1866 г. возобновились сербско-черногорские переговоры. Каждая сторона разработала свой проект соглашения. Князь Николай не желал смириться с ведущим положением Сербии в союзе, однако не мог не считаться с общественным мнением черногорского и сербского народов в пользу объединения усилий двух княжеств для борьбы с Османской империей. Отказ от подписания договора неминуемо привел бы к умалению роли Черногории в национально-освободительном движении на Балканах. Поэтому князю Николаю пришлось пойти на определенные уступки. 23 сентября (5 октября) 1866 г. договор был подписан в Цетинье. Обмен ратификационными экземплярами состоялся в Белграде 14(26) октября 1866 г.

Согласно тексту подписанного договора<sup>5</sup>, состоявшего из 12 статей, основной целью сербо-черногорского союза была совместная деятельность княжеств «по скорейшей подготовке восстания против Османской империи для освобождения всего сербского народа

в Турции от турецкого ига и соединения его в едином сербском государстве». В случае успеха этого предприятия князь Николай обещал присоединить Черногорию к новому государству во главе с Михаилом Обреновичем, который со своей стороны брал на себя обязательство обеспечить в новом государстве князю Николаю ранг принца правящей династии и ежегодное содержание в размере 20 тыс. дукатов, а также право первенства в наследовании сербского престола перед всеми после князя Михаила, его сына или законного наследника, если таковой будет. Из уважения к заслугам черногорцев сербский князь должен был проявлять всяческое снисхождение при распределении налогов в новом объединенном государстве. Поскольку в Черногории не было обязательной воинской повинности, черногорцы на 25 лет освобождались от рекрутских наборов, но могли вступать в армию как добровольцы.

Ряд статей договора был посвящен конкретизации обязательств сторон по подготовке к войне с Портой. Оба князя согласились, каждый в границах своих возможностей, привлекать союзников, вести подготовку к восстанию среди подвластных Османской империи народов и добиваться поддержки их планов со стороны великих держав. Черногорский князь должен был начать войну вместе с Сербией всеми наличными силами. Черногория должна была во всем следовать выработанному совместно военному плану. Сам договор сохранялся в строжайшей тайне.

Заключение союзного договора между Сербией и Черногорией было важным шагом на пути претворения в жизнь планов Гарапанина и князя Михаила в деле создания Балканского союза, его становым хребтом.

Идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против Османской империи была в тот период чрезвычайно популярна как в кругах сербской интеллигенции, так и среди широких народных масс обоих княжеств.

Значение договора трудно переоценить. Впервые после Первого сербского восстания 1804–1813 гг. идея объединения сил Сербии и Черногории для борьбы против османских угнетателей получила свое материальное воплощение. Он отражал объективно назревшую необходимость сплочения сил княжеств для решения стоявшей перед ними главной исторической задачи — освобождения и объединения сербского народа. Вместе с тем нельзя не отметить, что в договоре получила свое воплощение концепция создания «великой Сербии»,

заклучавшаяся в присоединении новых территорий к Сербии или, как писал С. Маркович, в увеличении числа подданных «великих Обреновичей». Правящие круги сербского княжества хотели закрепить главенствующую роль Сербии в национально-освободительной борьбе сербского народа.

Черногорский князь вынужден был согласиться с гегемонией Сербии, позиции которой были усилены поддержкой России. Однако взаимное соперничество и недоверие династий Петровичей и Обреновичей не исчезло в результате подписания союзного договора 1866 г. Это отразилось на дальнейшем развитии сербско-черногорских отношений. Руководители Сербского княжества делали все возможное для удержания Черногории в фарватере внешней политики Сербии, в то время как князь Николай стремился укрепить авторитет и влияние Черногории в Герцеговине, при этом часто действуя вопреки договору о союзе.

Важное значение для готовившегося столкновения с Османской империей имело и соглашение с Грецией — единственным в то время независимым государством на Балканском полуострове. Переговоры с греками вел сербский представитель в Стамбуле Йован Ристич. Но сначала успеха в ходе переговоров добиться не удалось. Только после прихода к власти в Афинах в 1866 г. группировки А. Кумундурса дело сдвинулось с мертвой точки. После долгих переговоров союзный договор был подписан в августе 1867 г. В договоре<sup>6</sup>, в частности, указывалось, что после объявления войны Османской империи обе стороны обязывались вести борьбу до полного освобождения всех христианских народов в Европейской Турции и на островах Архипелага. В случае невозможности осуществления этой конечной цели, союзники давали друг другу обязательство обеспечить присоединение следующих территорий: к Греции — Эпира и Фессалии, к Сербии — Боснии и Герцеговины. Союзники обязывались уважать волю народов, которые присоединятся к общей борьбе. Всем им обеспечивалась возможность либо присоединиться к одной из договаривающихся сторон, либо создать собственные государства, входящие в совместную с Сербией и Грецией конфедерацию.

Договор вступал в силу после ратификации его греческим королем и князем Сербии.

Ход сербо-греческих переговоров выявил значительные противоречия между двумя сторонами, прежде всего по вопросу о разделе подлежащих освобождению территорий Европейской Турции. Про-

тивоборство двух национальных программ — панэллинской и великосербской стало главным препятствием на пути объединения их усилий в борьбе против Османской империи. Сербо-греческое соглашение представляло собой компромисс, не дававший значительных преимуществ ни одной из сторон. Туманные упоминания о возможности создания конфедерации дальнейшего развития не получили.

Сербскому княжеству также удалось достигнуть соглашения о дружбе с Румынией, правда, не предусматривавшего военный союз, но и в таком ограниченном виде оно было очень важным для Сербии, так как обеспечивало ее коммуникации с Россией, которая оказывала поддержку Сербии в ее планах<sup>7</sup>. Наряду с заключением договоров и соглашений с независимыми и полунезависимыми балканскими государствами И. Гарашанин в своих планах большое значение придавал вовлечению в борьбу с Османской империей народов, лишенных своей государственности. Здесь Сербия стремилась опереться на политические организации и группы, готовые к сотрудничеству с ней. Так И. Гарашанин, в соответствии со своей внешнеполитической программой, рассчитывал привлечь лидеров хорватских буржуазных партий к сотрудничеству с Сербией. Он поддерживал личные контакты с главой хорватской Национально-либеральной партии (народняков) епископом Й. Штросмайером. Политическая программа народняков не исключала возможности достижения соглашения с Сербией. Их югославизм получил свое выражение в определении конечной цели партии, заключавшейся в государственном объединении всех южных славян. Однако югославизм в идеологии народняков сочетался с австрославизмом, т. е. стремлением добиться равноправия славян с помощью федерализации Австрийской империи<sup>8</sup>.

В марте 1867 г. Анте Орешкович, бывший капитан австрийской армии, дезертировавший в Сербию в 1862 г. и ставший доверенным лицом Гарашанина, составил проект программы югославянской политики Сербии, который был отредактирован Гарашанином и отослан Штросмайеру. Хотя никакого документа в этой связи не было подписано и, следовательно, юридически соглашение осталось неоформленным, Штросмайер и руководство народняков согласились с основными принципами, изложенными в проекте, о чем уведомили Гарашанина<sup>9</sup>. Отсутствие формального договора по всей видимости объяснялось позицией сербского правительства, не желавшего заключать международные акты с теми, кто не имел на это права с точки зрения государственных юридических норм, и опасавшегося компрометации Сербии.

«Неизменной и вечной» целью сербов и хорватов в проекте программы объявлялось освобождение христиан, изнывавших под гнетом Османской империи и создание условий для образования объединенного союзного югославянского государства, политическое устройство которого определяют объединившиеся в нем народы. Достичь этой цели предполагалось постепенно, поэтапно. Ближайшей задачей программы, ее первым этапом было освобождение и присоединение к Сербии Боснии и Герцеговины. Возглавить борьбу за их освобождение должны были «два столпа югославянского дела» — Белград и Загреб. Основой будущего единого государства признавался национальный принцип. Освобождение Боснии и Герцеговины являлось первой ступенью к достижению «великой цели». Хорватия со своей стороны также должна была готовиться к ее осуществлению, избегая усиления зависимости от Вены и Будапешта. Программа предусматривала целый ряд конкретных мер по организации восстания в Боснии и Герцеговине, которое должно было начаться «еще в этом году». При этом предусматривалось перебросить в Боснию и Герцеговину ряд чет, которые затем стали бы ядром повстанческой армии. Четы должны были формироваться и получать снабжение из Сербии, Черногории, Хорватии и Военной границы. Для координации этнической деятельности предполагалось создать специальные комитеты в Белграде и Загребе. Важным условием успеха восстания, по мысли авторов программы, являлось обеспечение невмешательства великих держав. Для этого нужно было представить дело так, чтобы восстание выглядело как спонтанное движение народов Боснии и Герцеговины. После освобождения значительной части их территории должно быть основано правительство, которое провозгласило бы объединение этих областей с Сербией при сохранении вассальных отношений с Портой. Расчет делался на то, что Османская империя не сможет собственными силами подавить восстание, а великие державы, как и в случае с Критом, не решатся на прямое вмешательство. Однако в данном случае договаривающиеся стороны ошибались. Австро-Венгрия не исключала возможности вторжения Сербии в Боснию. В декабре 1867 г. Андраши говорил австро-венгерскому послу в Константинополе А. Прокешу-Остену, что в таком случае «монархия немедленно оккупирует Сербию»<sup>10</sup>.

Ясно прослеживается главная цель сербской стороны при создании программы — обеспечить содействие хорватской Народной партии в деле присоединения Боснии и Герцеговины к Сербии. В обмен на это содействие давались туманные обещания о создании в будущем объединенного югославянского государства.

Народняки соглашались с планами Гарашанина—Орешковича, рассчитывая на поддержку Сербии в их борьбе за права хорватского народа. Уже в мае 1867 г. был создан Главный комитет в Загребе. Близкий соратник Штросмайера М. Мразович, приехав в Белград в апреле 1867 г., сообщил Гарашанину, что несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное на руководство Народной партии поездкой князя Михаила в Константинополь, она не отказывается от сотрудничества и согласна, в случае необходимости, ожидать нового срока начала совместных действий. Гарашанин заверил Мразовича в искренности намерений Сербии и, по сообщению российского консула в Белграде Н. П. Шишкина, просил передать лидерам Народной партии, что пока следует «содействовать приготовлению по знаку Сербии восстания в Боснии; когда же настанет час действия, помочь княжеству присылкою офицеров, волонтеров и всяких средств для поддержания движения»<sup>11</sup>. Мразович заявил, что в случае восстания, хорваты готовы выйти из состава Австрии и присоединиться к Сербии.

Перемена международной обстановки и изменение внешнеполитического курса Сербии в конце 1867 г., когда князь Михаил пытался присоединить Боснию и Герцеговину при содействии Австро-Венгрии, привели к тому, что контакты сербского правительства с хорватской Народной партией не получили дальнейшего развития. Тем не менее рассмотренная выше программа явилась важным шагом на пути объединения сил балканских народов в их борьбе за национальное освобождение.

Сербское правительство вело также переговоры о возможном участии в совместном антиосманском выступлении и с Добродетельной дружиной, объединявшей представителей крупной болгарской эмигрантской буржуазии<sup>12</sup>. Сербское правительство при этом стремилось установить контроль над действиями болгарского освободительного движения, рассчитывая использовать восстание болгар прежде всего для реализации собственной внешнеполитической программы.

До заключения формального соглашения дело не дошло, хотя представители Добродетельной дружины предлагали проекты соглашения, предусматривавшие создание объединенного сербско-болгарского государства. Очевидно, И. Гарашанин не хотел связывать себя слишком серьезными обещаниями на будущее, не доверяя своим болгарским партнерам.

Еще одним неотъемлемым элементом планов сербского премьер-министра была организация сербской политической пропаганды в



пограничных с Сербией областях Османской империи и подготовка там восстания. По его мысли одновременно с выступлением участников Балканского союза должно было начаться восстание в Боснии и Герцеговине, на Косово и в Албании. Самым важным сербский министр считал создание хорошо организованной сети тайных агентов в турецких областях из местных жителей. «Если послать человека из Сербии, — писал И. Гарашанин Й. Мариновичу, — то в таком случае это расценивалось бы уже не как внутреннее дело угнетенного народа, а как эгоистические устремления Сербии. В этом случае предприятие не имело бы никакого смысла, а Сербия подвергалась бесполезной компрометации»<sup>13</sup>.

В 1862 г. был создан специальный комитет, задачей которого было руководство и координация всей деятельности по организации сербской пропаганды за пределами княжества и подготовка восстания. Комитет составляли: председатель — государственный советник Л. Арсениевич-Баталака и два члена: полковник Ф. Зах — начальник артиллерийской школы и А. Николич, выполнявший обязанности секретаря. Деятельностью комитета непосредственно руководил сам И. Гарашанин. Ему передавались все донесения агентов, содержание которых сообщалось и князю Михаилу. Технической стороной дела ведал А. Николич — он знал подлинные имена агентов и их псевдонимы, высылал им деньги<sup>14</sup>.

Практический результат работы агентов И. Гарашанина состоял в сборе информации о положении дел в Европейской Турции и распространении там влияния сербского правительства. Однако сфера деятельности и влияние малочисленных агентов были очень ограниченными. После отставки И. Гарашанина с поста премьер-министра в конце 1867 г. подготовка княжеством вооруженного выступления против Османской империи прекратилась.

Ошибочным было представление сербских государственных деятелей, что в любом районе Европейской Турции можно вызвать восстание в нужный момент, благоприятный с точки зрения международной обстановки в Европе, используя для его организации своих доверенных лиц. Сербские политики недоучитывали тот факт, что у крестьянского населения Боснии, Герцеговины и других, сопредельных с Сербией областей Османской империи, на первом месте стояли социальные противоречия, усугубленные непомерным гнетом феодальной Османской империи.

Для И. Гарашанина и его соратников подготовка восстания в Европейской Турции всегда была вспомогательным средством в реали-

зации сербской внешнеполитической программы. Они хотели организовать такое движение, которое с самого начала было бы ограничено строгими рамками и не выходило из-под контроля. Это заранее обрекало подобную акцию на неудачу.

С формальной точки зрения к маю 1868 г. сербскому правительству удалось добиться максимальных результатов в деле создания Балканского союза. Было достигнуто соглашение с Черногорией, заключен союзный договор с Грецией. В начале 1868 г. была подписана сербо-греческая военная конвенция, ратифицированная в мае, и был заключен договор о дружбе с Румынией. В сербско-греческой военной конвенции была даже намечена дата совместного выступления против Порты — сентябрь 1868 г. С большим или меньшим успехом сербское правительство вело переговоры о сотрудничестве с хорватами, болгарами и албанцами. Правительству удалось добиться в 1867 г. вывода турецких гарнизонов из всех крепостей, расположенных на территории Сербского княжества.

Но Балканский союз так и не проявил себя в действии. В ноябре 1867 г. князь Михаил неожиданно уволил в отставку И. Гарашанина, а в мае 1868 г. сам был убит заговорщиками. После этого практическая деятельность по реализации идей Балканского союза прекратилась. Однако причины неудачи союза нельзя сводить только к гибели князя Михаила и смене его симпатий.

Одной из главных причин отказа от осуществления этих планов была военная слабость всех союзников и прежде всего Сербии, что не могло не отражаться на политике князя Михаила, понимавшего огромную степень риска для Сербии. Это обстоятельство сыграло важную роль в том, что Михаил начал весьма сложную игру с графом Андраши, обещавшим ему получение Боснии и Герцеговины мирным путем, без войны<sup>15</sup>.

На деле это была лишь хитрая приманка для Сербии — Австро-Венгрия сама имела претензии на Боснию и Герцеговину, но в это время стремилась не допустить каких-либо обострений на Балканах, поэтому оказала большое давление и на Порту, чтобы та согласилась передать Сербии оставшиеся крепости на сербской территории.

Еще одной важной причиной неудачи союза были резкие противоречия между участниками, прежде всего по территориальным вопросам. Если понимание необходимости объединения усилий для освобождения от власти Порты присутствовало у всех, то перспективы дальнейшего развития событий в случае победы все видели по-разному.

Наконец, свой вклад внесли и противоречия великих держав на Балканах. Еще очень слабые в тот период балканские государства не могли обойтись без поддержки извне. Гарапанин всячески стремился обеспечить для Сербии поддержку нескольких великих держав, но на практике лишь Россия, заинтересованная в восстановлении своего влияния на Балканах после Крымской войны, оказала Сербии значительную дипломатическую, материальную и военную поддержку<sup>16</sup>. Остальные великие державы занимали или открыто враждебную позицию, или не оказали никакой поддержки.

Но несмотря на неудачу Балканского союза 60-х гг., сама идея объединения усилий балканских стран и народов в борьбе за освобождение не была дискредитирована.

Консервативные взгляды князя Михаила и И. Гарапанина на способы и методы реализации национальных сербских идей отнюдь не исчерпывали весь спектр сербского идейного наследия 60-х гг. XX века.

Либеральное направление было представлено движением Омладины сербской молодежи, центр которого находился в Воеводине. Омладина объединяла различные по своему характеру группы и организации: литературные кружки, политические союзы, студенческие общества. Основное направление ее деятельности было культурно-просветительное. Главной своей задачей Омладина и ее идеологи Владимир Йованович и Светозар Милетич считали создание политического единства всех сербских земель. Таким образом, если понимание необходимости освобождения и объединения сербского народа как важнейшей задачи присутствовало как у консерваторов, так и у либералов, то в отношении средств достижения этой цели и форм ее реализации единства не было.

Гарапанин и князь Михаил пытались привлечь на свою сторону Омладину и воеводинских либералов. Но из этого ничего не получилось. Либералы были недовольны авторитарным режимом, установленным князем Михаилом в Сербии. На Белградском съезде Омладины дело дошло до ее полного разрыва с сербским правительством.

Главным идеологом революционно-демократического направления сербской общественной мысли был Светозар Маркович, который выступал за ликвидацию монархии и установление демократической республики. Внешнеполитическая часть его программы включала в себя освобождение и объединение всех составных частей сербского народа посредством национально-освободительной революции

гожнославянских народов, в результате которой был бы создан союз (федерация) свободных и равноправных народных республик.

После смерти князя Михаила сербский престол остался без прямого наследника. Князем был провозглашен малолетний Милан Обренович, племянник князя Михаила. До его совершеннолетия власть в стране переходила в руки трех регентов — М. Блазнавца, Й. Ристича и Й. Гавриловича. Главным идеологом регентства был умеренный либерал Йован Ристич. На словах он никогда не отказывался от продолжения прежнего направления внешней политики княжества, разработанного И. Гарашиным, — подготовка Балканского союза, но на деле регенты не вели какую-либо подготовку вооруженного выступления против Османской империи. Ристич считал, что Сербия сможет получить территориальные приращения и осуществить свою главную цель — завоевание независимости — с помощью дипломатических комбинаций при опоре на великие державы.

В 60-е годы XIX в. шел процесс постепенного государственного преобразования институтов сербской национальной государственности, наметился постепенный переход к буржуазно-парламентарному строю. Крестьянские массы, составлявшие абсолютное большинство населения страны, решительно отстаивали народные свободы времен патриархального общественного устройства, олицетворением которых являлось местное самоуправление. Строительство Сербского национального государства в этот период происходило в условиях острой политической борьбы между общественно-политическими течениями консерваторов и либералов. Особое место в этой борьбе занимали революционные демократы. Консерваторы ратовали за ограничение народных прав и свобод и укрепление власти монарха. Их идеалом была государственная система, созданная Михаилом Обреновичем. Либералы выступали за конституционную монархию, предоставление буржуазных свобод и ответственность исполнительной власти перед скупщиной. Если консерваторы и либералы выражали интересы различных групп торговой, и сельской буржуазии, а также чиновничества, то революционные демократы были защитниками интересов широчайших слоев трудового крестьянства.

После смерти князя Михаила, посредством политической сделки между регентами и либералами, к власти пришли умеренные либералы. Их лидером был Й. Ристич, который ратовал за умеренность и постепенность в государственных делах. Политическим кредо правительства стала конституция 1869 г., творцами которой были

Й. Ристич и министр внутренних дел либерального правительства Р. Милойкович<sup>17</sup>.

Конституционный проект сначала рассматривался в специальном комитете (Свято-Никольском), а в 1869 г. был утвержден Великой народной скупщиной. Конституция 1869 г. провозглашала Сербию «конституционной монархией с народным представительством» во главе с наследственной династией Обреновичей. Князь разделял законодательную власть с представительным органом — скупщиной. Однако права князя были неизмеримо шире прав скупщины. Он окончательно утверждал и обнародовал законы, являлся верховным главнокомандующим сербской армии, представлял княжество в сношениях с другими государствами, назначал государственных чиновников. Личность князя объявлялась неприкосновенной, и он не был ответственным в действиях перед скупщиной. Без одобрения скупщины нельзя было изменять или отменять законы, а также издавать новые. Согласие скупщины было необходимо при изменении и введении новых налогов. В то же время законодательная инициатива являлась исключительной прерогативой князя.

Народная скупщина, которую созывал и открывал князь, избиралась на три года и собиралась ежегодно. Она состояла из избираемых депутатов и депутатов по назначению. Министры, чиновники и адвокаты не могли быть избраны депутатами. Князю было предоставлено право на каждых трех избранных депутатов назначать одного «из людей, которые отличились в науках или опытом в народных делах». Депутаты по назначению призваны были обеспечить определяющее влияние князя и его правительства в народной скупщине. Политической ответственности министров перед скупщиной установлено не было. Они могли быть привлечены к ответственности только за уголовные преступления. Их назначал и сменил князь, и только ему они были подотчетны. Право скупщины утверждать государственный бюджет было ограничено. В случае несогласия скупщины правительство могло продлить действующий закон о бюджете на следующий год. Князь имел право вводить чрезвычайное положение в стране и «на время» отменять действие статей конституции, гарантировавших гражданские и политические свободы.

Конституция 1869 г. лишь в самой общей форме гарантировала гражданам классические буржуазные права: свободу личности, равноправие граждан перед судом, свободу печати, неприкосновенность личности, собственности и жилища. Принятые впоследствии консти-

туционные законы существенно ограничивали вышеперечисленные права и свободы.

К числу важнейших законов, принятых народной скупщиной в 1870 г. на основе конституции 1869 г., относились: избирательный закон, законы о длительности скупщины, об ответственности министров, Государственном совете и печати. Избирательным правом по новому закону обладали все мужчины, платившие налоги. Выборы депутатов при открытом голосовании в городах были прямыми, а в срезках, местечках и селах — двухстепенными. Некогда всемогущий Государственный совет был низведен до положения «совещательного органа правительства по административным спорам». Отменялась цензура печати, но взамен нее вводилась строгая уголовная ответственность автора, редактора, издателя и наборщика за «преступления в печати». Правительство после предупреждения могло закрыть любой неудобный ему печатный орган.

Конституция 1869 г. и принятые на ее основе законы стали предметом критики справа и слева. Консерваторы (М. Пирочанац, М. Гарашанин, А. Чумич и др.) указывали на «чрезмерный» либерализм законодательной деятельности регентов, ограничивавший суверенные права монарха и грозивший столкновением правителя с народом. С иных позиций критиковали новую конституцию левые либералы В. Йованович, С. Милетич, С. Бошкович и др. Они считали либерализм конституции недостаточно последовательным. Скупщина не получила права законодательной инициативы и исключительного права утверждения бюджета. В конституции недостаточно гарантировались права и свободы граждан; отсутствовала политическая ответственность правительства перед скупщиной; чрезмерно велики были права князя и правительства; представители интеллигенции были лишены возможности избираться в скупщину.

Самую глубокую и принципиальную критику конституции 1869 г. дали радикал и республиканец Драгиша Станоевич и первый сербский социалист Светозар Маркович. В статье «Сербские обманы», опубликованной в начале октября 1869 г. в новисадской газете «Застава», С. Маркович проанализировал новую конституцию с точки зрения «соответствия ее нуждам народа». Он убедительно доказал, что «правительство по конституции имеет возможность обойтись без санкции народной скупщины или вынудить эту санкцию путем аннулирования решения скупщины или распустив ее», «что скупщина — нуль, как это и было до сих пор». На основании глубокого и всесто-

роннего анализа конституции 1869 г. С. Маркович пришел к выводу, что она не гарантировала необходимых условий для развития народа, преследовала цель сохранить принцип монархизма в Сербии. Стремление правых либералов примирить свободу с абсолютизмом, «народную династию» со «свободой народа» он назвал попыткой с негодными средствами, поскольку в новой конституции «принцип монархизма остается священным и неприкосновенным»<sup>18</sup>.

Хотя конституция 1869 г., как справедливо отмечали ее критики слева, не отвечала всем требованиям поступательного развития Сербского государства и сербского общества и представляла собой робкую попытку приспособить полицейско-бюрократический режим к потребностям буржуазного развития страны, она тем не менее явилась важным этапом в политической жизни Сербии XIX в. Впервые в истории конституционного развития вассального княжества была практически реализована попытка ограничить власть князя не олигархическим Государственным советом, как это было по конституции 1838 г., а народным представительным органом в лице скупщины. Окончательно, не только фактически, но и формально, был отменен Турецкий устав 1838 г. и новая конституция существенно ограничила возможность вмешательства султана во внутренние дела Сербии<sup>19</sup>.

Теперь скупщина собиралась ежегодно, став постоянно действующим компонентом политической и общественной жизни страны. За все время правления регентов (1868–1872 гг.) либералы имели устойчивое большинство в скупщине, которое они умело использовали для стабилизации положения в стране. Сербские умеренные либералы стремились завоевать доверие избирателей и прежде всего укрепить позиции в деревне. Важным шагом в этом направлении было принятие закона от 15 октября 1870 г. о сельских лавках. Поскольку основную массу сербских избирателей составляли крестьяне, то ни одно общественно-политическое течение тогдашней Сербии, от консерваторов до демократов, не могло не считаться с их интересами. Самыми последовательными выразителями интересов трудового крестьянства в Сербии были революционные демократы, возглавляемые их идеологом и вождем С. Марковичем. Консерваторы и либералы их жестоко преследовали. Период правления регентов не был, да и не мог быть, «золотым веком» Сербии, как утверждали сторонники либералов, однако он характеризовался созданием более благоприятных условий для развития капитализма в княжестве и становления национального буржуазного государства.

## Примечания

- 1 Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917 гг. М., 1952. С. 31.
- 2 *Јовановић Ј.* Уставобранитељи и њихова влада. Београд, 1933. С. 243, 244, 367.
- 3 Архив Внешней политики Российской империи (далее АВПРИ), Ф. Отчеты МИД. 1860 г., Л. 229, 229 об.
- 4 *Шкерковић Н. П.* Записници седница Министарског Савета Србије 1862–1898 гг. Београд, 1952. С. 37–38.
- 5 Текст договора см.: *Јакишић Г., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог. 5. Београд, 1963. С. 486–489.
- 6 *Јакишић Ј., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез) // Прилог. 14. Београд, 1963. С. 510–514; *Герзић Славенко.* Србија и Грчка (1856–1903) Борба за Балкан. Београд, 1992. С. 128–138.
- 7 *Јакишић Ј., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С. 519–521.
- 8 *Крестић К.* Хрватско-угарска нагодба 1868 г. Београд, 1969. С. 233–234, 349.
- 9 *Јакишић Ј., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... С. 362; *Вучковић В.* Политичка акција Србије у јужно-словенским покрајинама Хабсбуршке монархије. 1859–1874. Београд, 1965. С. 281–283.
- 10 *Јакишић Ј., Вучковић В.* Спољна политика Србије за време друге владе кнеза Михаила (Први балкански савез)... с. 398; *Крестић К.* Хрватско-угарска нагодба... С. 367–368.
- 11 АВПРИ. Ф. ГА УА2. Д. 252. Л. 59–60.
- 12 *Косев Д.* Русија, Франција и българското освободително движење 1860–1869. Софија, 1878. Док. 28. С. 183–184; *Пирочанин М.* Кнез Михаил и заједничка радња балканских народа. Београд, 1895. С. 36–37.
- 13 И. Гарашанин — Ј. Мариновићу 6(18) мая 1861 г. // Писма И. Гарашанина Ј. Мариновићу. Књ. 2 (1851–1874). Београд, 1939. Док. 176. С. 88–89.
- 14 *Николић Н.* Опис радње по предмету општег споразумења за устанак и уједињење // Мешовита грађа. Књ. VII. Београд, 1979. С. 164.
- 15 *Крестић К.* Хрватско-угарска нагодба 1868 г. ... С. 366–369.
- 16 *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М. 1986. С. 176–177.*
- 17 *Историја српског народа. Књ. V-1 Т. Београд, 1981. С. 380.*
- 18 *Марковић С.* Избранные сочинения. М., 1956. С. 90.
- 19 *Мандић Петар.* Југославија илузија или визија. Корени трагедије српског народа у XX веку. Београд, 2002. С. 148.



И. Ф. Макарова

## Болгарское национально-церковное движение и Россия (1856–1872 гг.)

Характеризуя отношение, сложившееся после Крымской войны (1853–1856) в русских дипломатических кругах к болгаро-греческому церковному конфликту, А. А. Ольхин (российский вице-консул в Варне) писал в 1864 г.: «На распрю у нас два взгляда: как на вопрос канонический и как на вопрос политический. В сущности, он имеет чисто политический характер. Сама Константинопольская патриархия, хотя и старается драпироваться в каноническую рясу, преследует, однако, исключительно гражданские интересы»<sup>1</sup>. Сходный подход к этой проблеме характерен и для большинства исторических исследований, в частности, для последних монографий, посвященных русской политике на Балканах, деятельности министра иностранных дел А. М. Горчакова и посла в Стамбуле Н. П. Игнатъева<sup>2</sup>.

Тезис о том, что на Балканах русская дипломатия была ориентирована, прежде всего, на отстаивание национально-политических интересов собственного государства у историков особых сомнений не вызывает. Так же как и мысль, что, стремясь сохранить свой авторитет на православном Востоке, Россия пыталась противодействовать росту влияния западноевропейских держав, распространявшемуся, в том числе, и благодаря деятельности органов католической и протестантской пропаганды. Единство православных народов воспринималось ее правящими кругами как важнейший инструмент в отстаивании политических интересов Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке, а угроза раскола, реально нависшая над Константинопольской патриархией в результате антагонизма, возникшего между болгарской паствой и греческими иерархами, как прямое их ущемление. Тем самым, возникшая внутри Вселенской церкви узко церковно-административная и каноническая проблема приобретала для российских дипломатов отчетливое политическое звучание.

Опираясь на обширный круг архивных документов, автор попытается проследить особенности реакции российского МИД на

различные этапы развития болгаро-греческого конфликта в период его решающей стадии — начиная со времени обнародования Хатт-и хумайуна (1856), провозгласившего, в частности, курс на реформирование системы миллетов (системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии для иноверных подданных султана) и вплоть до момента провозглашения болгарской схизмы (1872).

Тот факт, что в рамках функционирования системы миллетов категории церковного и гражданского управления не могли подлежать четкой дифференциации, и, следовательно, болгарский вопрос неизбежно нес в себе сразу два аспекта — сугубо канонический и политический, начал находить после окончания Крымской войны все большее понимание в среде аккредитованных в Османской империи российских дипломатов. «По местным условиям края, — писал в 1860 г. в одном из своих докладов секретарь императорской миссии в Константинополе Е. П. Новиков, — в котором всякий церковный вопрос неминуемо принимает политический оттенок, миссия наша облечена в официальный характер двоякого деятеля — политического и религиозного»<sup>3</sup>. Тема двойственности отчасти нашла отражение и в официальном Отчете МИД России за 1860 г. В довольно пуганой форме, обусловленной, вероятно, опасением нареканий со стороны русского Святейшего Синода, в нем отмечалось, что в прошедшем году цель Министерства «состояла в том, чтобы отделить вопрос религиозный от вопроса политического и избежать опасности того, что единство церкви может быть поколебленным»<sup>4</sup>.

Во внутриведомственной переписке российские дипломаты послевоенного периода относились к претензиям болгар, чаще всего, с пониманием и сочувствием. Описывая в 1856 г. ситуацию во Фракии, генеральный консул в Адрианополе Н. Д. Ступин пытался, например, оправдывать действия болгар справедливым возмущением, вызванным преследованием «народных учителей» со стороны греческого духовенства, а также запретом на проведение богослужений на славянском языке. В официальном Отчете МИД за 1856 г. министр А. М. Горчаков открыто поддержал эту позицию, обвинив греческих архиереев в том, что «вместо того, чтобы сблизиться со своей духовной паствой, изучить язык славянский..., греческие духовные лица часто видели в своем сане только источник корысти. Чтобы удержать исключительно за собою это средство к скорому обогащению, епископы... всеми силами старались устранить священников

славянского происхождения... Они даже старались истреблять самые памятники умственной жизни славян. Патриарх константинопольский показал в этом деле недостойное своего сана пристрастие и своекорыстие»<sup>5</sup>.

Однако на официальном уровне российское внешнеполитическое ведомство вынуждено было постоянно учитывать позицию другого профильного министерства, непосредственно курировавшего дела церкви, — русского Святейшего Синода, продолжавшего придерживаться взглядов строго канонических. Сотрудникам императорской миссии в Константинополе не раз приходилось оправдываться перед своими духовными властями за инициативы, направленные на урегулирование болгаро-греческого конфликта. Особенно тяжелым оказался период 1860–1861 гг., связанный с событиями вокруг самопровозглашенной православной и учреждением униатской болгарской церкви. Весной 1860 г. А. Б. Лобанов-Ростовский был вынужден объясняться перед митрополитом московским и коломенским Филаретом за свою излишнюю активность на этом поприще. Оправдываясь, он, в частности, заверил митрополита Филарета, что «чисто светская и политическая власть императорской миссии не оказывала слишком сильного давления в вопросах, относящихся к ведению церкви»<sup>6</sup>. Весной 1861 г. суровые нарекания со стороны Св. Синода вызвала его попытка привлечь к урегулированию ситуации дипломатов Великобритании и Франции<sup>7</sup>. На этот раз в вину главе императорской миссии была поставлена неправославная принадлежность его собеседников, а на будущее дано указание обсуждать подобные вопросы «непосредственно и исключительно с патриархом»<sup>8</sup>.

В мае 1860 г. Е. П. Новиков откровенно жаловался директору Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевскому на сложную ситуацию, в которой оказалась императорская миссия из-за постоянного давления со стороны Святейшего Синода. «Поставленные между здравым, вполне православным политическим воззрением министерства и строгою безвыходностью мнений нашего духовного начальства, — писал он, — мы теряем всякую свободу суждения и действия. Два совершенно противоположных и равнообязательных для нас воззрения господствуют в высших слоях нашего собственного отечества»<sup>9</sup>. На докладе сохранилась помета императора Александра II: «Нахожу взгляд его совершенно правильным», однако практических последствий это мнение государя не имело. В 1867 г. новый глава преобразованной в посольство императорской миссии

Н. П. Игнатъев (1864–1877) продолжал сетовать в переписке с вновь назначенным директором Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоуховым, что болгарскому вопросу дано направление «не политическое (как следовало), а церковное», и «теперь нет никаких средств свернуть с этого несчастного пути»<sup>10</sup>.

На протяжении всего болгаро-греческого противостояния позиция Святейшего Синода отличалась завидным постоянством. Создается впечатление, что, строго придерживаясь установки на достижение согласия, Синод был обеспокоен не столько самим болгарским вопросом, сколько проблемой собственных взаимоотношений с Константинопольской патриархией, пытаясь избежать обвинений во вмешательстве во внутренние дела другой патриархии. Свои личные рекомендации для ознакомления с ними вселенского патриарха осмеливался в частном порядке передавать через дипломатов лишь митрополит московский и коломенский Филарет — признанный авторитет в сфере канонического права. Однако вместе с его смертью в 1867 г. и эта практика фактически заглохла.

Против привлечения Порты к решению болгаро-греческого конфликта русское духовное ведомство выступало жестко и категорически, будто не подозревая о наличии в Османской империи системы миллетов и принадлежности Константинопольской патриархии к ведению османского Министерства иностранных дел. По наблюдениям З. Марковой, эта линия особенно рельефно прослеживается в предписаниях, направляемых Св. Синодом российским дипломатам в период 1856–1864 гг.<sup>11</sup> Существенных изменений не произошло и в дальнейшем. Установка на невмешательство и самоустранение осталась приоритетной во внешней политике этого профильного министерства. Например, в августе 1868 г. попытка руководства российского МИД привлечь его к процессу болгаро-греческого умиротворения обернулась суровой отповедью. В ответе обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого подчеркивалось, что «Святейший Синод не находит со своей стороны возможным принять участие в этом вопросе в смысле предрешения оного или принять какие-либо предварительные, возможные со стороны его меры по сему предмету, потому что Синод пока еще считает греко-болгарский вопрос внутренним вопросом самостоятельной Константинопольской церкви, в дела коей не почитает себя в праве вмешиваться, не получив на то приглашения Вселенского патриарха, так и потому, чтобы могущий оказаться неблагоприятным какой-либо совет по столь важному делу не обра-

тился для Святейшего Синода в препятствие, в случае если впоследствии константинопольский патриарх пожелал бы, чтобы Святейший Синод принял в нем участие»<sup>12</sup>. В аналогичной тональности были составлены ответы Св. Синода на запросы российского внешнеполитического ведомства в 1869 г. и 1871 г.<sup>13</sup>

Вынужденный учитывать мнение духовного ведомства, российский МИД действительно старался действовать «в духе примирительном» и придерживаться линии нейтралитета. Директивы на этот счет консулы, аккредитованные в болгарских землях, получали из Константинополя достаточно регулярно. С течением времени мотивировки менялись, но необходимость соблюдения внешне беспристрастной формы оставалась. В 50-х – первой половине 60-х гг. в основе директив подобного рода лежала исключительно забота об единстве православия. В апреле 1858 г. министр А. М. Горчаков, объясняя в письме к Н. Д. Ступину важность миротворческой тактики, особо подчеркивал, что «именно забота о сохранении единства православных народов составляет главнейший предмет забот нашего правительства. Существующая же вражда между народностью греческой и славянской служит вернейшим средством к успеху католической пропаганды»<sup>14</sup>.

Приверженность российского правительства принципу защиты единства православия, не являвшаяся секретом для Константинопольской патриархии, сильно затрудняла деятельность дипломатов. В 1857 г. посланник А. П. Бутенев откровенно жаловался А. М. Горчакову: «Положение мое относительно греческой церкви в этом (болгарском — *И. М.*) вопросе весьма затруднительное и щекотливое. Видя со стороны вселенского патриарха явное недоброжелательство даже к законным и умеренным требованиям болгар, я, тем не менее, не могу действовать на него слишком настойчиво, дабы не отступить от вековых правил защиты и покровительства, которые Россия не переставала оказывать главе православной церкви на Востоке. Его святейшество знает это и пользуется этим»<sup>15</sup>.

Касаясь причин, побуждающих Константинопольскую патриархию акцентировать внимание российского правительства и Святейшего Синода исключительно на канонической стороне конфликта, в ноябре 1858 г. Е. П. Новиков изложил собственный, весьма оригинальный взгляд на мотивы этого подхода. В частности, он обратил внимание на уникальный статус Константинопольской патриархии в рамках Османской империи, связанные с этим преимущества и двой-

ственность отношения греческих иерархов к России<sup>16</sup>. «Восточная церковь боится, что может быть поглощена русской церковью, — писал Е. П. Новиков, — она разделяет опасение турок, что придет день, когда этот град попадет во власть русских. Какова тогда будет судьба патриархии? Согласится ли Россия сохранить ее ненормальное положение относительно государства, которое ей создало османское завоевание? Согласится ли русская церковь... потворствовать не вполне христианскому стремлению высшего греческого духовенства к абсолютному господству в османских землях?». Именно страхом перед русской угрозой Е. П. Новиков объяснял обвинения, распространяемые греческим духовенством в адрес России, что она якобы «встала во главе агрессивного движения славян против греков, имеющего целью порабощение эллинского мира и установление варварского панславизма на останках эллинской цивилизации». Распространяя подобную клевету, делал вывод Е. П. Новиков, это духовенство пытается заручиться поддержкой той же России против движения славян, используя болгарскую проблематику. Патриархия, по его мнению, будучи прекрасно осведомлена о болезненной реакции российских правящих кругов на угрозы, связанные с деятельностью западных миссионеров, искусственно перемещает «вопрос из политической сферы в религиозную», замыкая вопрос на теме прозелитизма. Духовенство постоянно «твердит, и это излюбленная тема в его жалобах, — продолжает Е. П. Новиков, — что раздор, вспыхнувший между ним и славянской паствой, представляет серьезную опасность единству веры, что в основе его лежит влияние Запада, интересов пропаганды и враждебного вмешательства великих держав, которые стоят за ней, а также теории, которые вынесли из Парижа и Германии несколько распаленных славянских голов». На самом же деле, на взгляд Е. П. Новикова, «речь идет не о вере, не о догме, а лишь о национальной автономии по церковным вопросам», а потому «нет никаких оснований опасаться раскола, вопрос в высшей степени политический».

По мере разрастания и углубления конфликта политическая составляющая в деятельности российского МИД постепенно выдвигалась на первый план, однако от формы внешнего нейтралитета дипломаты никогда не отказывались. Даже после объявления схизмы Н. П. Игнатъев, инструктируя консулов, продолжал настаивать на соблюдении внешне беспристрастной позиции. В этом отношении показательным его предписание, направленное в феврале 1873 г. гене-

ральному консулу в Русуке А. Мошнину. В частности, посол писал: «Явное сочувствие, выраженное нами какой-либо народности, влечет за собой на нас лишь самые ярые и несправедливые нарекания со стороны противника и подает повод к бесчисленным обвинениям в возбуждении и поддержании распри из наших собственных видов. Таким образом, крайняя сдержанность и осмотрительность, старание насколько возможно уклониться от заметного участия во внутренних делах общин как болгарской, так и греческой в их распрях и несогласиях, совершенно сообразно с нынешними интересами нашими и согласно видам императорского Министерства»<sup>17</sup>.

На практике соблюдение нейтралитета и балансирование между двумя подходами — политическим и каноническим — удавались русским дипломатам плохо. Как писал позднее в своих «Дипломатических записках» Н. П. Игнатьев, уже к середине 60-х гг. положение императорской миссии оказалось «критическим». «Официальное вмешательство, — отмечал он, — превышало наши полномочия и могло вызвать большие неудобства. Все же мы не могли оставаться безучастными наблюдателями. ...Имея в виду поддержание единства, которое составляло силу Восточной церкви, старались, насколько это было возможно, поддерживать полный нейтралитет... и никому не отказывать в помощи к примирению... Эта позиция не была, однако, легка. ...Греки сразу стали... подозрительны. Болгары обвиняли нас в грекофильстве»<sup>18</sup>.

Дополнительную сложность в деятельность российской миссии привносило и то обстоятельство, что логика болгарской стороны подчас плохо вписывалась в европейские стереотипы восприятия ситуации, складывающейся вокруг церковного конфликта.

... В современной историографии давно и прочно утвердился тезис, что в основе позиции болгар лежал протест народа против засилья греческого духовенства, чрезмерных поборов и политики денационализации, проводимой Константинопольской патриархией по отношению к славянской пастве. Определяя цели болгарского движения, исследователи обычно называют громко декларируемые современниками требования — желание иметь архиереев своей народности, свободно использовать славянский язык в богослужении, право открывать народные училища, издавать литературу на родном языке, иметь собственный приход в столице и далее в том же духе. В этом контексте претензии относительно создания самостоятельной церковной организации, зазвучавшие после окончания Крымской

войны, выглядят с позиций современной ментальности абсолютно естественно, однако, тактика борьбы на этом поприще, как точно подметила Р. П. Гришина, не всегда понятна даже профессиональным историкам<sup>19</sup>.

Как показало недавнее исследование Ил. Тодева, в переговорном процессе представителей болгарских общин с Портой и Константинопольской патриархией особой активностью отличались сторонники крайнего националистического или, как его еще называют в историографии, туркофильского крыла. Именно они пользовались наибольшим авторитетом в среде своих соотечественников и оказывали решающее влияние на позицию болгарской стороны в целом<sup>20</sup>. Однако инициативы именно этой группы труднее всего укладываются в привычную для европейцев логику восприятия ситуации. Среди наиболее сложных с точки зрения мотиваций можно выделить следующие инциденты: две скандальные акции — Пасхальная и Богоявленская (1860 и 1872 гг.), ликование по поводу отлучения от церкви болгарских владык (1861) и антиканонических проектов Порты (1868), реакция на объявление схизмы (1872).

Для дипломатов церковный конфликт создавал проблемы, в первую очередь, политического характера, а потому их восприятие событий естественным образом дрейфовало именно в этом направлении. Ментальность же представителей болгарских общин была продуктом качественно иной — исламской цивилизации. Сформированная в недрах традиционного османского общества, а точнее, в рамках многовекового функционирования системы миллетов, она не могла не оперировать категориями иного характера.

Деятели националистического крыла и, в первую очередь, наиболее активный из них — делегат от болгарских общин Пловдива и Софии доктор Стоян Чомаков (1819–1893), своих целей не скрывали. Однако эти цели никак не были связаны ни с сугубо каноническим, ни со строго политическим подходом к проблеме, а находились исключительно в русле национальных интересов болгар, причем, понимаемых ими в контексте османских реалий. Многочисленные статьи и документы Ст. Чомакова, опубликованные И. Тодевым<sup>21</sup>, дают основания предполагать, что главной целью нарождающейся болгарской буржуазии было не столько отстаивание принципа народных владык или сохранения славянского языка, сколько создание в рамках системы миллетов новой болгароориентированной структуры. Для соотечественников многочисленные публичные заявления Ст. Чома-



кова о желании болгар добиться равного положения с греками, армянами, иудеями и получить, подобно им, возможность напрямую обращаться со своими проблемами к правительству и султану звучали как заявка на создание отдельного от греков болгаро-православного миллета (равного по статусу греко-православному, армяно-григорианскому и иудейскому).

В брошюре «Болгарский вопрос» Ст. Чомаков прямо ставил вопрос об исторической несправедливости по отношению к болгарским подданным султана, изначально лишенных властями собственного миллета. «Странная и горькая игра случая, — писал он в начале 1868 г., — когда другие подчиненные османской власти нации получили благодаря милости победителей религиозную автономию, значительную гражданскую автономию, болгарская нация, наиболее многочисленная...; единственная была лишена этих выгод. ...Греки, армяне, евреи под защитой своих собственных органических законов, сумели до известной степени не считаться подданными господина, отличного от них по происхождению; они смогли накопить сокровище идей, опыта в общественной жизни, материальное богатство... Мы, болгары, были не просто подчинены чужой династии, но были также подвергнуты и духовному владычеству чужого народа... мы жили не как прямые подданные султана, но как истинная рая, стадо, отданное османами в аренду господам Фанара»<sup>22</sup>.

Главная причина столь неблагоприятного для болгар положения вещей крылась, на взгляд Ст. Чомакова, в особенностях османской общественно-политической системы. По его словам, турки, рассматривая «христианских священников в качестве законных представителей христианского населения», сделали именно их представителями разных народов, ответственными перед Портой «за поведение своих подчиненных». «Облеченные полной властью управлять духовными делами своей общины, — продолжает далее он, — они стали господами и в том, что представляет материальный интерес. Общественное образование, гражданское состояние, мировое судопроизводство, надзор над нравами, распределение государственных налогов, обложение верующих данью для покрытия нужд церкви, все, что относится к внутренней и привычной жизни народа, было в их ведомстве. Официальные посредники между своей паствой и Портой, только от них зависело — поощрить или оборвать связи своих подчиненных с верховной властью; в их власти было открыть путь или создать стену между падишахом и райей»<sup>23</sup>.

В рамках этой исторической несправедливости Ст. Чомакова особенно задевала ее этническая составляющая, а точнее — тот факт, что «за исключением болгар, каждое вероисповедание соответствовало отдельной народности: армянский обряд представлял армянскую народность, греческий обряд — греческую, израильянский обряд — израильянскую. Таким образом, население каждой общности прикреплялось к своему пастырю двойной связью — религии и народности... Турки, следовательно, предоставляя покоренным народам религиозное самоуправление, даровали им через него и действительное народное самоуправление»<sup>24</sup>. Именно достижения этого народного самоуправления, реализуемого через самоуправление религиозное, и попытались добиться после обнародования Хатт-и хумайуна болгары. В статье «Изложение болгарского церковного вопроса», написанной в феврале 1868 г., Ст. Чомаков четко сформулировал главное требование своих соотечественников: «Мы не просим ничего более, кроме того объема мирского самоуправления, которое по необходимости влечет за собой религиозное самоуправление, и которое Порта предоставила всем общинам»<sup>25</sup>. На практике реализация этой цели означала выход болгарской паствы из состава Константинопольской патриархии, устранение посредников из схемы контактов между болгарами и османскими чиновниками всех уровней, появление возможности для формирования нового слоя национальной болгарской элиты (в лице слоя чиновников от духовенства) и, наконец, официальное признание болгар в качестве самостоятельного субъекта в системе османских правовых отношений, т. е. нации (по-турецки — миллета). Решение проблем прикладного характера — выборы национального духовенства, употребление болгарского языка в богослужении и так далее — осуществлялось в этом случае автоматически.

Важно также иметь в виду, что в Османской империи все религиозные общины-миллеты изначально формировались (с XV–XVI вв.) по экстерриториальному принципу, т. е. включали в свою юрисдикцию всех без исключения представителей соответствующей конфессиональной или этноконфессиональной группы. Поэтому претворение в жизнь идеи болгаро-православного миллета означало возникновение в рамках Османской империи новой экстерриториальной церковно-административной и конфессионально-юридической автономии — болгарской. И, наконец, еще один штрих, способный во многом объяснить особенность тактики, выбранной болгарскими представителями на данном этапе церковного движения. Поскольку

прерогатива учреждения нового миллета относилась исключительно к компетенции Порты, для достижения практического результата договариваться необходимо было именно с ней.

Следует отметить особо, что собственно политический аспект церковного вопроса активисты болгарского церковного движения начали осваивать относительно поздно. В январе 1864 г. российский консул в Тырново В. Ф. Кожевников докладывал о проявлении с их стороны элементов политиканства как об откровенном новшестве. В частности, он писал: «Желая вызвать сочувствие к себе со стороны турецких властей, они начали мало-помалу распространять в народе и городах мнение, что Порта давно бы исполнила данное болгарам обещание — защитить права их против насилия фанариотов, если бы тайное вмешательство русской политики не рождало новых и весьма значительных затруднений»<sup>26</sup>. Факт использования антироссийской риторики не дает, однако, серьезных оснований для предположений о смене приоритетов в стратегии и тактике болгарского движения. Его основная цель продолжала оставаться в русле османских стереотипов — достижения народного единства и самоуправления в рамках экстерриториальной, отдельной от греков автономии.

Для болгар реформа заявленной Хатт-и хумаюном системы миллетов была в середине XIX в. назревшей необходимостью. Рост экспортной торговли продуктами сельскохозяйственного производства, резко возросший после заключения фритрейдерских договоров 1838–1841 гг. и последовавшего вскоре неурожая в Европе (1846–1847), способствовал укреплению экономических позиций болгарской буржуазии. Однако система функционирования православного миллета во главе с греческим патриархом, синодом и митрополитами, представлявших перед султаном, Портой и губернаторами всю палитру интересов своей паствы (в том числе и экономических), фактически блокировала возможность прямого контакта болгар с органами власти. В условиях развития буржуазных отношений эта схема не только не соответствовала амбициям социально-экономической верхушки болгарского общества (чорбаджиев), но и мешала лоббированию интересов национального бизнеса. Этим обстоятельством в значительной степени можно объяснить и чрезвычайно высокую степень активности именно руководства общин на второй стадии церковного конфликта. Данный факт был очевиден даже для сторонних наблюдателей — русских консулов, вынужденных конста-

тировать необычно высокую степень заинтересованности именно чорбаджиев в продвижении церковного вопроса<sup>27</sup>.

Появление Хатт-и хумайуна оказалось для болгарских общин подарком судьбы. Вслед за изданным в 1839 г. Гюльханейским хаттом он торжественно декларировал свободу вероисповедания, личные права граждан и неприкосновенность имущества. Однако в остальных своих обещаниях шел гораздо дальше. Вопрос ставился о полном правовом равенстве мусульман и иноверцев в сфере налогообложения, исполнения воинской повинности, образования, при назначении на административные и судебные должности. В документе подчеркивалась необходимость учреждения смешанных судов, призванных рассматривать гражданские, уголовные и коммерческие дела между ними. Одной из главных задач провозглашалось создание основ светского общества. С этой целью объявлялся курс на ограничение правовых прерогатив духовенства и реформирование системы миллетов.

Для болгар издание Хатт-и хумайуна и демонстрируемая Портой готовность к ширококомасштабным реформам стали сигналом для инициатив, предопределивших переход давно тлеющего конфликта с Константинопольской патриархией на качественно новый уровень. Правовую базу для этого предоставил третий параграф Хатт-и хумайуна. В этом параграфе султан Абдул Меджид I торжественно провозглашал: «Всем христианским и другим немусульманским религиозным общинам будет разрешено... с содействием составленной в ее среде комиссии приступить с моего высочайшего позволения и под наблюдением Высокой Порты к изучению ее... привилегий с тем, чтобы обсудить и предложить Высокой Порте реформы, которые обуславливаются прогрессом просвещения и временем»<sup>28</sup>. Благодаря этому параграфу болгарские общины приобретали право легитимизировать свои претензии к Константинопольской патриархии, соотнеся их с работой по подготовке предложений по реформированию системы миллетов.

Реакция болгар на султанский указ была мгновенной. После его обнародования представители общин не стали обращаться за поддержкой ни к российской, ни к какой иной дипломатической миссии. Предоставленной Портой возможностью старейшины воспользовались незамедлительно, инициировав легитимное по форме и методам движение за выход из состава греко-православного миллета. Уже в начале 1856 г. болгарская община Стамбула подала на имя султана петицию, реализация некоторых положений которой — независи-

мый от Константинополя выбор духовного и одновременно, как это было принято в миллетах, светского главы, возможность его прямого контакта с османскими властями — означала бы фактическое отложение от патриархии. В конце 1856 г. столичные болгары отправили в провинцию обращение, призывающее руководство местных общин прислать своих представителей для передачи Порте аналогичного документа от имени всего болгарского народа (оформленного по всем правилам, т. е. удостоверенного общинными печатями). Эта инициатива получила широкую поддержку. В начале 1857 г. в Стамбул прибыли, имея на руках необходимые бумаги, уполномоченные Тырнова, Свищова, Казанлыка, Старой Загоры, Рущуга, Шумлы, Сливена, Врацы и Пловдива.

Попытка болгар решать вопросы канонического характера, касающиеся проблем административного устройства Константинопольской патриархии, в обход ее руководства вызвала у российских дипломатов шок. В сентябре 1856 г. бывший генеральный консул в Адрианополе Н. Я. Мухин писал по этому поводу, что «несообразность такого притязания в настоящую минуту не требует даже и опровержения», что «в самой сущности это притязание... неосновательно до заблуждения», поскольку кто же «из православных, какой болгарин признает и будет повиняться патриарху или митрополиту, посвященному халифом ислама без согласия и ведома Вселенского Синода?»<sup>29</sup>. По мнению Н. Я. Мухина, это прошение следовало классифицировать исключительно в качестве проделки группы ловких аферистов, а потому оно не должно восприниматься в качестве выражения «общественного твердого намерения»<sup>30</sup>.

Немногие из дипломатов были способны на тот момент адекватно оценить инициативу болгарских общин. К числу исключений можно отнести посланника А. П. Бугенева и секретаря миссии Е. П. Новикова. Уже в марте 1857 г. в своем докладе А. М. Горчакову А. П. Бугенев смог точно расставить все основные акценты и правильно прокомментировать обстановку, аналогов которой не было и не могло быть ни в России, ни в любой иной стране Европы. В частности, он посчитал необходимым обратить внимание руководства на особую ситуацию в сфере церковно-гражданского управления Османской империи. «Так как до сих пор константинопольский патриарх служил перед Портою представителем всех ее православных подданных не только по делам религиозным, но и гражданским, — писал А. П. Бугенев, — то из желания болгар отделиться от греков в виде особой

народности вытекало само собой другое желание: иметь независимого духовного главу, который считался бы в глазах правительства ходатаем по всем делам народа болгарского, тогда как на долю вселенского патриарха остались бы только одни греки. Таким образом, нынешние домогательства болгар в обширном смысле есть не что иное, как первый отважный шаг к гражданской самостоятельности»<sup>31</sup>. В секретной записке, датируемой ноябрем 1858 г., основные положения доклада А. П. Бугенева еще раз повторил Е. П. Новиков<sup>32</sup>. Однако в Петербурге эта позиция должного понимания не нашла. К урегулированию внезапно обострившегося конфликта там упорно пытались подойти с рецептами общества, живущего по принципиально иным законам. На Балканы с завидной регулярностью продолжали поступать инструкции, предписывающие действовать исключительно «в духе примирительном», изыскивать средства «к потушению между единоверцами возникших ссор за разноплеменность», «разъяснить болгарам, что добродетели не составляют принадлежности одного племени», и «ни в каком случае не прибегать к посредничеству турецких властей в делах церкви»<sup>33</sup>.

Впрочем, самих болгар, судя по всему, позиция российских дипломатов на данном этапе смущала мало. Кроме Хатт-и хумайуна, в своих притязаниях на самостоятельную церковную организацию они опирались на недавний прецедент. В 1850 г. по настоянию английского посланника Ч. Стрэтфорда Каннинга немногочисленные протестанты Османской империи впервые были признаны Портой в качестве отдельного миллета. С 1831 г. аналогичный статус имели армяне-католики, позднее добились признания и греки-униаты. Определенные перспективы в данном направлении открывались перед болгарами также в связи с инициативой Порты по созыву православного церковно-народного собора из представителей духовных лиц и делегатов от провинций. На этом соборе планировалось обсудить проект реформы греко-православного миллета в свете обещаний Хатт-и хумайуна по пересмотру прав и привилегий иноверческих общин. И хотя болгарский вопрос в повестке работы собора не значился, сам факт присутствия в среде делегатов представителей болгарских общин предопределял неизбежность его обсуждения.

Церковно-народный собор открылся в патриаршем дворце в октябре 1858 г. и продолжался более года (до февраля 1860 г.). Заседания проходили под непосредственным патронатом Порты и в соответствии с предложенной ею программой. Предписания правительства

включали в себя обсуждение вопросов, относящихся исключительно к компетенции церковных соборов: выработку новых правил по выбору иерархов, формированию и составу синода, проблемам материального обеспечения клира. По мнению автора анонимной аналитической записки, поступившей в распоряжение российского МИД и составленной по итогам этой «национальной ассамблеи», Порты, прикрываясь рассуждениями о «пресечении злоупотреблений и заботой о достоинстве духовенства», на самом деле «добивалась секуляризации церкви и отмены национальных привилегий»<sup>34</sup>. К числу решений, наносящих прямой урон интересам Восточной церкви, автор относил принятое под давлением министра иностранных дел Фуад-паши постановление, упраздняющее аристократическую систему Синода. Замена постоянно действующего совета «геронтов» органом, собирающимся лишь периодически, лишала, по его мнению, Синод реальной власти. Оценивая уровень информативности и объективности данного документа, следует особо отметить, что наиболее важные решения собора автор по непонятной причине вовсе не удостоил своим вниманием. В частности, он не упомянул о постановлениях, согласно которым при главах церковных ведомств учреждались советы с участием мирян, а также об обсуждении проекта по введению для духовенства постоянной и фиксированной заработной платы (т. е. превращению духовенства в разновидность османских государственных служащих). Между тем, именно эти решения, а не статус Синода, имели важнейшие последствия для местной православной паствы. По замыслу Порты, эти инициативы должны были способствовать ослаблению позиций церковных институтов и дать новый импульс к реализации главной доктрины эпохи Танзимата — идеи «слияния наций».

Представители болгарских общин, допущенные к участию в заседаниях народно-церковного собора, не замедлили воспользоваться случаем для напоминания о своих претензиях к греческому духовенству. Первоначально озвученные ими требования выглядели традиционно — назначение народных владык, право участия в их выборе, употребление болгарского языка в богослужении. Однако Константинопольская патриархия оказалась к уступкам не готова. Среди ее делегатов превалировало мнение, что болгарские инициативы представляют собой продукт активности «безответственных интриганов», действующих в личных интересах, тогда как основная масса прихожан продолжает проявлять «еще большую приверженность канони-

ческой власти великой церкви, чем сами греки»<sup>35</sup>. Собор завершился скандалом — болгарские представители отказались подписывать итоговый протокол.

Потрясший Османскую империю в 1860–1861 гг. политический кризис, вошедший в историю под названием Ливанский, но напрямую повлиявший на ситуацию на Балканах, резко политизировал болгарский вопрос. Возросший интерес европейских дипломатов к судьбе османского общества и выражаемая Портой готовность к его реформированию способствовали не просто подъему болгарского церковного движения, а его стремительной радикализации.

После окончания Крымской войны исследователи считают возможным различать в этом движении три условных направления, отличающихся отношением к тактике борьбы<sup>36</sup>. Лица, близкие к российской императорской миссии в Константинополе и генеральному консульству в Бухаресте, были склонны следовать в фарватере внешней политики России и решать церковный вопрос в ходе переговорного процесса с патриархией. Сторонники прозападной ориентации рассматривали в качестве наиболее перспективного направления сотрудничество с папской курией. Так называемые туркофилы делали основную ставку на османское правительство, полагая, что лишь оно одно обладает необходимыми полномочиями и, к тому же, напрямую заинтересовано в урегулировании опасного для социальной стабильности конфликта. Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что именно Ливанский кризис положил начало нивелированию этих изначально условных градаций и постепенной консолидации радикалов различного толка на пути к достижению общей и жизненно важной для всего народа цели — учреждению нового болгарского миллета. С 1860 г. решение задачи по его созданию перешло в практическую плоскость. Причем, активность радикалов развернулась сразу в двух направлениях — и в сторону организации самостоятельной болгаро-православной церкви, и болгаро-униатской.

Уже в марте 1860 г. болгарская община Стамбула подала Порте прошение, в котором, указывая на проявленную в ходе заседаний церковно-народного собора пристрастную и несправедливую позицию Константинопольской патриархии, просила об учреждении независимой от греков церковной организации. Вскоре на базе той же общины состоялось собрание, на котором было принято решение о демонстративном разрыве с патриархией и учреждении самопровозглашенной церкви. Главная роль в готовящейся акции отво-



дилась епископу Иллариону Макариопольскому. Во время торжественной литургии на Пасху, когда наступало время произнесения здравницы патриарху, Иллариону предстояло (якобы под давлением толпы) совершить откровенно противозаконное действие — скорректировать некоторые детали текста, озвучив их в соответствии с канонами, предусмотренными лишь для самостоятельных церквей, опустив при этом упоминание имени патриарха. Все задуманное было осуществлено 3 апреля 1860 г. в переполненной болгарской церкви Стамбула. Заключительным аккордом скандальной акции стало исполнение специально составленной для данного случая хвалебной песни султану.

На следующий день община торжественно передала Порте прошение об учреждении независимой церкви, под которым стояло около 1000 подписей. Депутация была принята благосклонно. Возмущенная патриархия потребовала от османских властей немедленного наказания Иллариона, но получила отказ со ссылкой на то, что данный вопрос не нуждается в согласованиях с правительством, поскольку «канонические взыскания — прерогатива церкви»<sup>37</sup>. Османские чиновники явно не горели желанием вмешиваться в это скандальное дело, оправдываясь тем, что создавшаяся ситуация отличается особой степенью деликатности и требует «тщательного изучения»<sup>38</sup>.

Впрочем, по информации А. Б. Лобанова-Ростовского, в частной беседе с патриархом Иоакимом II великий визирь Али-паша все же выразил главе Вселенской церкви свою личную поддержку. По убеждению Али-паши, требования болгар противоречили традициям и принципам построения миллетов. В частности, великий визирь заметил, что «не может себе представить, чтобы две нации, исповедующие в Турции одну и ту же православную веру, имели двух различных первосвященников»<sup>39</sup>. Для подтверждения этого бесспорного, на его взгляд, постулата он привел в качестве примера гипотетическую ситуацию: «Предположим на мгновение, — предложил он, — что в результате каких-то политических обстоятельств к владениям султана прибавилась новая провинция, населенная христианами православной веры; какова бы ни была их национальность, оттоманское правительство не признает за этой провинцией право на независимое религиозное представительство, и она, безусловно, станет частью иерархического домена одного из ныне существующих глав восточной церкви»<sup>40</sup>. Али-паша посоветовал патриарху достичь с болгарской папствой разумного компромисса, предложив в обмен на отказ от кон-

фронтации значительные уступки — назначение болгарских епископов на вакантные должности и отзыв греческих владык, «против которых имеются жалобы со стороны населения»<sup>41</sup>.

Князь Лобанов-Ростовский оценил противозаконный демарш столичных болгар как «попытку основать новую церковь» и высказал опасение, «что их примеру последуют в большинстве болгарских епархий и отступничество станет всеобщим»<sup>42</sup>. Поэтому после пасхальных событий консулам были срочно разосланы инструкции, предписывавшие разъяснять непричастность Вселенской церкви к происходящим событиям. Дипломатам надлежало объяснять болгарам, что административное разделение церковей «помимо религиозного аспекта» имеет «по существу своему характер политической мерь», а потому зависит не от воли патриарха, а от намерения османских властей. По признанию самого российского посланника, основная цель данной акции была одна — «утвердить непричастность Великой церкви к решению этого деликатного вопроса и возложить в глазах болгар всю ответственность за отказ исключительно на правительство»<sup>43</sup>.

Параллельно со стороны императорской миссии была предпринята попытка склонить патриарха к компромиссу. По распоряжению императора Александра II князь Лобанов-Ростовский получил предписание «удвоить настояния» и предложить «восстановить прежние болгарские патриархаты в Ипекке, Охриде и Тырново», причем, митрополитов, во главе этих подчиненных Константинополю церковных структур, надлежало ставить из этнических болгар<sup>44</sup>.

Пользуясь явным нежеланием османского правительства вмешиваться в конфликт и давать ему публичную оценку, как выразился князь Лобанов-Ростовский, «с политической точки зрения»<sup>45</sup>, епископ Илларион 24 апреля вновь провел богослужение без позволения патриарха. И вновь на требование об его наказании Порты ответила отказом. Пытаясь понять причину столь уклончивой позиции Порты, российский посланник склонен был связывать ее с интригами турок против патриархии. «Эта умеренность Порты вызвана нежеланием оказывать патриарху реальную помощь в подавлении повстанческого движения народа против великой церкви, — писал он в апреле 1860 г. в Петербург, — она даже рада случаю возложить в глазах болгар всю ответственность за преследования епископа Иллариона на эту церковь»<sup>46</sup>.

Двусмысленная позиция правительства действительно создавала в православном миллете нездоровую атмосферу и почву для возникновения иллюзий о законном статусе самопровозглашенной церкви.

По наблюдениям А. Б. Лобанова-Ростовского, ее формальное признание со стороны Порты выглядело вопросом ближайшего времени<sup>47</sup>. В конце апреля посланник счел необходимым предупредить А. М. Горчакова, что среди болгар распространяются слухи о готовности правительства удовлетворить их требования, что Porta якобы сама «тайно поощряет главарей радикальной партии», рассматривая именно болгар (в силу их численного превосходства) в качестве своей главной политической опоры в регионе<sup>48</sup>.

Для османских властей распространение вымыслов подобного рода не было, по всей вероятности, тайной. Во всяком случае, великий визирь пытался их пресечь, обязав, в частности, болгарскую общину Шумлы (во время своего пребывания в этом городе) восстановить при богослужении имя константинопольского патриарха и местного митрополита-грека<sup>49</sup>. Однако повлиять на общественный настрой это распоряжение не могло. Судя по информации, стекавшейся в императорскую миссию, в провинции идея самопровозглашенной болгарской церкви «встретила самое горячее одобрение»<sup>50</sup>. Нерешительность правительства лишь провоцировала радикалов на дальнейшие действия и способствовала разрастанию конфликта. На местах начался переход владык на сторону новой самопровозглашенной церковной структуры. Софийский митрополит грек Гедеон в ходе службы на Петров день не упомянул имени патриарха, а произнес здравицу Иллариону (за что и подвергся немедленному заточению); велеский митрополит Авксентий (имевший конфликт с патриархией) осмелился отслужить литургию на Пятидесятницу в болгарской церкви Стамбула без патриаршего разрешения; присоединился к болгарской церкви и пловдивский митрополит — албанец Паисий.

.. Судя по официальному Отчету российского МИД за 1860 г., в Петербурге к создавшейся неординарной ситуации продолжали подходить с традиционными шаблонами, даже не пытаясь принять в расчет местную специфику. Ответственность за эскалацию конфликта на данном историческом отрезке в Министерстве возлагали исключительно на Константинопольскую патриархию, оценивая претензии болгар как «справедливые»<sup>51</sup>. По мнению составителей этого документа, основной «источник зла находился в Константинополе», а главная причина состояла в корыстных интересах, которыми определялось назначение епископов, что, в конечном итоге, предопределяло появление чрезмерных поборов с населения. В Отчете особо подчеркивалась этническая составляющая распри, а именно, тот факт, что

епископы-греки «часто даже не говорили на языке» местного населения. В создавшейся ситуации свою задачу Министерство видело в отстаивании права болгар вести богослужение на славянском языке и в оказании помощи при назначении епископов болгарского происхождения. Что же касается причин обострения конфликта, то составители связывали их с невниманием, которое патриархия проявляла к советам императорской миссии.

В болгарской и российской историографии давно и прочно утвердился тезис о якобы преднамеренной непоследовательности Порты в церковном конфликте, определявшейся ее приверженностью формуле «разделяй и властвуй» и стремлением к подрыву авторитета России на православном Востоке. Этого взгляда придерживались и многие современники. Например, генеральный консул в Адрианополе Н. Д. Ступин полагал, что именно «турецкое правительство, созная свои выгоды в разделении... здешних христиан..., подстрекает всячески самолюбие болгар, оказывая в политическом отношении явное покровительство особенной их народности, даже до предпочтения»<sup>52</sup>. Аналогичных взглядов придерживался и А. Б. Лобанов-Ростовский. В марте 1861 г. он докладывал А. М. Горчакову: «Все эти колебания, противоречивые заверения, щедро раздаваемые обеим сторонам, полностью совпадают с привычным языком Али-паши. Обласкивать одних, жалеть других, подталкивать греков к неуступчивости и суровости, подначивать болгар к сопротивлению, сеять раздор между народностями и сваливать вину за все промахи перед одними и другими на Россию — так было всегда, таким и остается сейчас поведение турецкого министра по болгарскому вопросу»<sup>53</sup>. Основной причиной этой тактики, по его мнению, был страх Порты перед политическими последствиями болгарского движения — «начавшись провозглашением религиозной автономии», оно могло завершиться «политическим освобождением этого народа»<sup>54</sup>.

Признавая обоснованность данной оценки, нельзя, впрочем, исключать и более простого объяснения. Кроме соображений общего стратегического или тактического характера могла иметь место и обыкновенная растерянность властей перед угрозой разрастания социального конфликта. Как отмечал в 1864 г. русский консул в Тырново В. Ф. Кожевников, «призванное быть судьей и миротворцем в вопросе чисто христианском, турецкое правительство колеблется и не знает, в чью пользу решить дело. Если политика его не допускает обидеть греков, то опасно также раздражить и болгар. А между тем

тяжелый вопрос этот столь сложен, что нет никакой возможности удовлетворить и тех и других»<sup>55</sup>. Это замечание представляется особенно точным, учитывая, что в рассматриваемый период именно Порты являла собой силу менее всего заинтересованную в нарушении социальной стабильности в регионе и провоцировании интереса европейцев к положению христиан.

Ситуация в болгарских епархиях действительно не могла не вызывать беспокойства. Противостояние славянской паствы с греческими архиереями все чаще начинало выходить за рамки легитимности, приобретая форму открытых столкновений. Среди многочисленных конфликтов рубежа 50–60-х гг. особым ожесточением выделялись события в Тырново, нацеленные на изгнание митрополита Неофита. В начале 1857 г. дело дошло до уличных потасовок между его сторонниками и противниками. Аналогичным образом складывалась ситуация и в Пловдиве. В обоих случаях итогом противостояния стал отзыв митрополитов, а вновь назначенные владыки (в Тырново — грек Григорий, в Пловдиве — албанец Паисий) были вынуждены действовать подчеркнуто корректно. С течением времени ситуация в епархиях лишь накалялась — даже вновь назначенные патриархией епископы из этнических болгар не могли быть уверены в благосклонном отношении паствы. В сентябре 1861 г. А. Б. Лобанов-Ростовский сообщал в Петербург о большой группе этой категории священнослужителей, опасавшихся отправляться из столицы к месту пастырского служения из страха, что они «не будут приняты народом»<sup>56</sup>.

По мере приобретения Ливанским кризисом все более явственного международного звучания, и без того непростая ситуация в сфере церковного конфликта начала осложняться за счет обособления в нем качественно новой составляющей. Благоприятной внешнеполитической ситуацией попыталась воспользоваться группа радикально настроенной болгарской молодежи прозападной ориентации — Др. Цанков, Г. Миркович, М. Иванов, Х. Ваклидов. Курс был взят на полный разрыв с Константинопольской патриархией и учреждение самостоятельной болгаро-униатской церкви. Осуществить этот план предполагалось через реанимацию контактов с польскими эмиссарами и патронируемыми Францией органами католической пропаганды. Индифферентные собственно к религии, Др. Цанков и его сторонники были склонны рассматривать решение церковного вопроса исключительно через призму отстаивания болгарских на-

циональных интересов, поэтому перспектива перехода в унию воспринималась ими, главным образом, в рамках политической целесообразности<sup>57</sup>.

Летом 1860 г. Др. Цанков развернул в среде болгар открытую католическую пропаганду (через издаваемую им и финансируемую миссией лазаристов газету «Болгария»). Тогда же были начаты тайные переговоры об условиях перехода в униатство с главой лазаристов Евг. Боре, католическим архиепископом П. Брунони и резидентом князя А. Чарторыйского в Стамбуле Вл. Йорданом. Результатом достигнутых договоренностей стало вручение 18 декабря 1860 г. архиепископу П. Брунони официального ходатайства на имя римского папы о признании автономной болгарской церкви (с сохранением традиционных обрядов и обычаев), а также просьбы о посредничестве папы в установлении над ней покровительства Франции. В тот же день был подписан акт о присоединении новой болгаро-униатской церкви к Риму. Ее главой был избран 80-летний архимандрит Иосиф Сокольский. Порта незамедлительно объявила, что готова признать новую церковную структуру. В марте 1861 г. Сокольский прибыл в Рим, где был рукоположен в сан архиепископа. По возвращении он получил признание османских властей, а новая конфессиональная община право использовать печать со столь желанной гравировкой: на одной стороне — «булгар миллети», на другой — «Соединенная болгарская патриархия»<sup>58</sup>.

Опираясь на негласное покровительство Порты, болгарское униатское движение смогло достичь в 1861 г. определенных успехов. Общины униатов были зарегистрированы в Пловдиве, Видине, Тырново, Старой Загоре, Свищове, Шумле, Скопье, Водене, Велесе, Струме и некоторых других населенных пунктах. В количественном отношении они были относительно невелики. Например, в октябре 1862 г. в Тырново насчитывалось 100 униатских семей, в Габрово — около 200, в Лясковице — 46, в Свищове — 32<sup>59</sup>. По информации российских консулов, в провинции униатское движение чаще всего возглавляли патриотически настроенные учителя (например, П. Славейков), полагавшие этот путь наиболее перспективным для достижения церковно-административной независимости<sup>60</sup>.

Говоря об униатском движении, необходимо особо отметить, что как сам переход в унию, так и угроза этого шага нередко использовались населением в лишь тактических целях — шантаже Константинопольской патриархии и российского дипломатического ведомства.

Например, болгарская паства Пловдива, первоначально с возмущением отреагировавшая на факт униатства своих столичных соотечественников, узнав о решении патриархии отстранить от должности их митрополита Панарета (признавшего самопровозглашенную болгарскую церковь), подала петицию в его защиту, угрожая в противном случае массовым переходом в униатство. Определенную роль играл и экономический фактор. В консульских донесениях нередко можно встретить информацию о случаях прямого подкупа прозелитов, в том числе и о выплатах им постоянного «жалования из сумм пропаганды»<sup>61</sup>. Предлагались и выгодные кредиты. Консул в Битоле М. А. Хитрово сообщал, например, что в Македонии из денег папской курии селу Скачанцы был выдан кредит на три года в размере 70 тыс. пиастров (около 4 тыс. рублей серебром) всего под 6 % годовых<sup>62</sup>.

Впрочем, объясняя успехи католических миссионеров, вряд следует излишне акцентировать внимание на меркантильной стороне вопроса. Нравственный облик и моральные качества западных проповедников составляли разительный контраст с местными архиереями, что не могло не привлекать к ним православных прихожан. Этот факт был вынужден признать во внутриведомственной переписке А. Б. Лобанов-Ростовский. В декабре 1860 г. он писал А. М. Горчакову: «Правда в том, что болгары не могут долго колебаться между привлекательностью просвещенного, дисциплинированного, неподкупного духовенства, которое совершает вокруг себя много благодеяний и обещает всяческую материальную помощь и все блага цивилизации, и упорной пассивностью невежественного и алчного духовенства, которое ради низменных и эгоистических целей пренебрегает законными интересами православной церкви и ее верховной миссией среди христиан Востока, и которое, не совершая никакого добра, отнимает у бедняков последнее»<sup>63</sup>.

Учитывая чрезвычайную ситуацию, возникшую в связи с образованием болгаро-униатской церкви, российский МИД попытался подключить к урегулированию ситуации русский Святейший Синод. С этой целью в конце января 1861 г. А. М. Горчаков обращался за посредничеством к митрополиту московскому и коломенскому Филарету. В своем письме он обратил внимание митрополита, что болгарский церковный вопрос «дошел ныне до крайних своих пределов. Он может разрешиться только двояким образом: или болгары составят отдельную православную церковь, как в былые времена, — церковь, имеющую во главе своей патриарха, который будет заседать в цар-

градском Синоде, признавая первенство вселенского патриарха, или же они примут унию и подчинятся папе. Государь император, видя необходимость употребить все меры к удержанию болгар в православной вере и предпочитая самостоятельную болгарскую церковь переходу болгар под власть Рима, желал бы, чтобы российская православная церковь присоединила свои усилия к настояниям нашего посланника в Константинополе для представления патриарху всей существенной потребности решиться на уступку желаниям болгар и на прекращение пагубного раздора признанием болгарской церкви самостоятельным членом православной семьи, подобно тому, как один из его предшественников поступил с церковью эллинскою»<sup>64</sup>. Однако Св. Синод вновь устранился от участия в распре.

Что касается Порты, то для нее униатство болгар было, пожалуй, оптимальным вариантом решения проблемы. В рамках логики системы миллетов — люди одного вероисповедания должны подчиняться одному церковному главе — добровольный и официально оформленный отказ болгарской паствы от православия был для правительства легитимным основанием для удовлетворения всех ее требований без формального ущемления привилегий Константинопольской патриархии. Позицию Порты по данному вопросу исчерпывающе объяснил в своем частном разговоре с французским вице-консулом в Адрианополе Ш. Шампоазо Киприсли-паша, занимавший на момент событий тех лет пост великого визиря<sup>65</sup>. В частности, он отметил, что Порта не может согласиться на учреждение самостоятельной православной болгарской патриархии хотя бы по той причине, что та, скорее всего, не замедлит оказаться под враждебным влиянием России. Поэтому в идеале правительство предпочло бы, чтобы болгары и впредь оставались под юрисдикцией уже существующей патриархии, причем, безразлично какой именно — греческой, армянской, греко-униатской или даже иудейской. Но поскольку они желают устроения вне этих церковных структур, для Порты предпочтительнее юрисдикция папы, которого ей нечего бояться.

Это мнение разделял и Али-паша. В феврале 1861 г. А. Б. Лобанов-Ростовский докладывал по итогам своей беседы с ним, что Порта «по политическим соображениям» не склонна «санкционировать разделение церквей», но одновременно не имеет ничего против перехода болгар в католичество. Из этого разговора у посланника сложилось впечатление, что данная позиция объясняется страхом Порты перед угрозой усиления русского влияния — «если болгары



смогут обособиться в качестве независимой церкви, то полностью попадут в наши (т. е. русские — *И. М.*) объятия»<sup>66</sup>.

Что касается реакции на унию со стороны местных турецких властей, то она отличалась полным равнодушием. Как сообщал в ноябре 1862 г. В. Ф. Кожевников, глава тырновской администрации Сабри-эфенди и другие чиновники не раз высказывали мысль, что они нисколько не намерены «противиться желанию народа переменить веру, если только это признается крайней необходимостью и связано с интересами его благосостояния»<sup>67</sup>.

В России весть об унии вызвала шок. Получив в декабре 1860 г. шифрованную телеграмму о том, что «болгары признали вчера верховенство Папы», А. М. Горчаков потребовал от А. Б. Лобанова-Ростовского дословного подтверждения шифровки, прежде чем докладывать о ней императору<sup>68</sup>. В самом Константинополе дипломаты среагировали поразительно оперативно. Несмотря на то, что, по словам Е. П. Новикова, после Пасхальной акции практически все контакты императорской миссии с болгарами были порваны<sup>69</sup>, позиции прозелитов удалось подорвать силами их же соотечественников. По совету вице-консула в Пловдиве Н. Герова (этнического болгарина) и через его посредничество удалось склонить к сотрудничеству одного из наиболее активных деятелей униатского движения — П. Славейкова. Тот, в свою очередь, смог убедить отказаться от верховенства Рима самого Иосифа Сокольского. 5 июня 1861 г. неожиданно выяснилось, что архиепископ Сокольский скрывается в российской миссии в Константинополе. Спустя некоторое время его следы обнаружались в Одессе, а затем в Киеве (где он и оставался до конца жизни). Более того, П. Славейкову удалось убедить отказаться от унии и других ее приверженцев, включая Др. Цанкова. В конечном итоге бывшие руководители униатского движения публично обратились к своим соотечественникам с призывом возвратиться к православной вере. В этом начинании их активно поддерживал на страницах газеты «Дунавски лебед» популярный в среде молодежи и болгарских радикалов Г. С. Раковский. Ряды приверженцев унии начали таять. От этого удара болгарское униатское движение полностью не смогло оправиться уже никогда.

Российским дипломатам удалось снизить уровень поддержки болгарского прозелитизма и со стороны Франции. Внешнеполитическое ведомство смогло договориться на этот счет со своими французскими коллегами. В марте 1862 г. А. М. Горчаков сообщил А. Б. Лобанову-

Ростовскому о достигнутых договоренностях. «Французское правительство, — писал он, — так же как и мы, признает, что частые недо-разумения между консулами двух сторон на Востоке, вызванные их излишне активным вмешательством в религиозные вопросы, являются причиной серьезных неудобств. Вы, конечно, знаете, что еще в 1857 г. после Штутгартской встречи перед двумя правительствами возникла необходимость отстраниться, насколько возможно, от этого источника локальных затруднений, который может повредить установлению между ними хорошего понимания»<sup>70</sup>. Министр поставил посланника в известность, что эти договоренности ныне реанимированы, и обе стороны обязались воздерживаться впредь от соперничества на ниве религиозных разногласий<sup>71</sup>. Соответствующие циркуляры были разсланы консульским службам.

Между тем, в феврале 1861 г. на церковном соборе подвергся отлучению главный фигурант Пасхальной акции — Илларион Макариопольский, а также поддержавшие его владыки — Авксентий Велесский и Паисий Пловдивский. Одновременно на том же соборе Константинопольская патриархия выступила с инициативами по урегулированию болгарского вопроса (в историографии они известны как «15 пунктов»). В частности, было принято решение учитывать при назначении владык этнический состав паствы и не препятствовать использованию славянского языка в богослужении. Однако реакция болгар оказалась бурной и, с точки зрения европейцев, абсолютно неадекватной. В то время как весть о вроде бы столь желанных народных владыках и славянском языке особого внимания паствы не привлекла, информация об отлучении вызвала бурный восторг. Объяснение этой реакции попытался дать А. Б. Лобанов-Ростовский. В марте 1861 г. он сообщал на этот счет А. М. Горчакову буквально следующее: «Вице-консул в Пловдиве (Н. Геров — *И. М.*) пишет, что новость об отлучении от церкви была по всей стране воспринята радостно. Болгары говорят, что счастливы, что патриарх исполнил их желание, объявив об их отделении от греческой церкви. Митрополит Паисий в присутствии всего духовенства провинции отслужил торжественную службу, после чего было произнесено отлучение в отношении патриарха Иоакима и всех сановников греческой церкви. После этого был изготовлен акт, который устанавливал полное отделение болгарской церкви и который сразу же получил многочисленные подписи. Подобные демонстрации, сопровождаемые криками энтузиастов, произошли в Плевене, Свищове, Руссуче, Шумле, Карнобате, Сливене и Тырново»<sup>72</sup>.

В истории церковного движения начиналась новая фаза — руководство болгарских общин попыталось добиться заветной цели путем прямых и открытых переговоров с Портой. В середине 1861 г. в Стамбуле было учреждено официальное Народное болгарское представительство, основной задачей которого стало решение церковного вопроса. Роль главного посредника между Портой и болгарскими общинами досталась доктору Ст. Чомакову. Судя по признанию Н. П. Игнатьева, сделанному им в 1867 г., своим особым положением Ст. Чомаков был обязан временно исполнявшему в 1862–1864 гг. обязанность посланника Е. П. Новикову, передавшему с подачи Н. Герова в руки Чомакова и епископа Иллариона «все нити болгарского вопроса»<sup>73</sup>.

Народное представительство отвергло предложенные церковным собором «15 пунктов» и выдвинуло собственные, откровенно провокационные условия примирения с патриархией. В историю они вошли под условным названием «8 пунктов». Среди них неожиданной новизной и оригинальностью выделялись следующие: предлагалось участие болгар в выборах патриарха (причем, количество голосов соотносилось с численностью паствы), половина членов Синода должна была быть представлена болгарами, в смешанных епархиях национальная принадлежность владыки определялась этническим составом основной части населения (но знание двух языков объявлялось обязательным в любом случае). Принятие этих условий гарантированно обеспечивало приход к власти патриарха-болгарина.

Источник происхождения «8 пунктов» не вполне понятен и вызывает у историков споры. Существуют два основных предположения. Некоторые исследователи склонны приписывать авторство этого документа российской дипломатической миссии, другие — польской агентуре князя А. Чарторыйского. Первое предположение основано, главным образом, на поддержке, оказанной «8 пунктам» А. Б. Лобановым-Ростовским, посчитавшим возможным рекомендовать патриарху данную программу в качестве основы для дальнейших переговоров<sup>74</sup>. Снисходительно, хотя и критично, отнесся к болгарским предложениям и один из наиболее авторитетных экспертов русского Св. Синода в области канонического права митрополит Филарет<sup>75</sup>. Однако русской версии происхождения болгарских предложений серьезно противоречит доклад польского резидента в Стамбуле Вл. Йордана, в котором «8 пунктов» оцениваются с точки зрения перспектив удачной провокации<sup>76</sup>. Если учесть, что главный переговорщик со стороны Болгарского представительства — Ст. Чомаков, со времени

своего обучения в Париже поддерживал тесные личные контакты с польскими политическими эмигрантами<sup>77</sup>, то появление польского следа в документе не выглядит слишком неправдоподобно. Особенно, если учесть, что прогнозы Вл. Йордана полностью оправдались. Патриархия, расценив болгарские требования как незаконные и антиканонические, полностью их отвергла. Впрочем, по мнению А. Б. Лобанова-Ростовского, главной причиной столь жесткой реакции была неправильная оценка патриархией масштабов и характера болгарского церковного движения. В июле 1861 г. он писал по этому поводу А. М. Горчакову: патриарх, считая его «делом небольшого количества подстрекателей», убежден, что «основная масса народа так предана православию, ... что рано или поздно непременно вернется на путь полного послушания Вселенскому престолу»<sup>78</sup>.

Выполняя обещания, сформулированные в 1856 г. в Хатт-и хумайуне, в 1862 г. Порта приступила, наконец, к реформе, нацеленной на постепенное отстранение духовенства от системы управления. Реформирование системы миллетов перешло из области дебатов в реальную плоскость.

В 1862–1863 гг. османским правительством был обнародован Органический статут, ограничивший властные полномочия православного и армяно-григорианского духовенства. В соответствии с ним и рядом других актов заново регулировался статус основных иноверческих общин, порядок избрания и финансирования их высших органов. Контроль над мирскими делами передавался в гражданские советы при главах миллетов. На эти советы возлагались не только административные функции, традиционно связанные с курированием школ, больниц, но и судебные, находившиеся ранее исключительно в компетенции духовенства и касавшиеся решения вопросов, относящихся к сфере обычного и канонического церковного права — проблемы наследования, бракоразводные дела и так далее. Все эти шаги должны были, по замыслу разработчиков, способствовать постепенной секуляризации общества и благоприятствовать процессу его гомогенизации. Финансирование институтов православной церкви фактически переходило в ведение османского правительства. В соответствии с соглашением, заключенным в 1865 г. между новым константинопольским патриархом Софронием III и Портой, правительство обязалось ввести новый фиксированный налог, собираемый с паствы местной администрацией, все сборы с которого должны были идти на нужды церкви<sup>79</sup>.

В 1867 г. управляющий российским консульством в Адрианополе М. И. Золотарев оценил последствия Органического статута для православных общин крайне отрицательно. По его мнению, инициативы Порты в этом направлении способствовали лишь распространению в среде христиан «безнравственности и коррупции»<sup>80</sup>. Падение нравственности он связывал, в частности, с отстранением священников от исполнения ими судебных функций и передаче дел в ведение общей для мусульман и иноверцев системы светского судопроизводства. Это нововведение, на его взгляд, лишь приобщило христиан к процветавшей в османском суде коррупции<sup>81</sup>. Сильно пострадало, по его словам, и дело народного образования. Причину этого он видел в злом умысле османских властей. Если раньше болгарские училища, докладывал он в марте 1867 г. Н. П. Игнатьеву, «содержались благодаря сбору незначительного налога, то с целью воспрепятствовать развитию образования власть строго запретила его сбор, и они лишены сейчас средств и находятся в исключительно жалком состоянии»<sup>82</sup>. Из всех иноверцев, по мнению М. И. Золотарева, наиболее успешно смогли противостоять разрушительному действию Органического статута еврейские общины. Хотя иудейский миллет попал под действие этого закона лишь в 1865 г., судя по оценке М. И. Золотарева, до 1867 г. его руководству удавалось уклоняться от реализации наиболее радикальных новшеств и сохранять тем самым свой традиционный уклад. «Насколько восстановление вековых привилегий христианских общин сейчас неотложно и полезно, — писал М. И. Золотарев, — можно видеть на примере турецких евреев, которые... сохранили свою полную автономию и находятся в относительно цветущем состоянии»<sup>83</sup>.

Для болгарского церковного вопроса Органический статут имел последствия особого рода. Новшество, согласно которому контроль над мирскими делами передавался в гражданские советы, формируемые из представителей духовенства и мирян, открывало возможность для прямого участия прихожан в решении проблем своих епархий. Болгарские общины воспользовались этим правом незамедлительно и в полной мере. Собранный П. Никовым богатый архивный материал свидетельствует, что, начиная с этого момента, в болгарских епархиях развернулось движение за отстранение назначенных патриархией владык (вне зависимости от их этнической принадлежности) и передачу церковно-административной власти непосредственно под контроль местных общин<sup>84</sup>. Наиболее активно сторонники разрыва с

Константинопольской патриархией действовали в районах, прилежавших к Балканскому хребту. Например, в Тырновской епархии в середине 60-х гг. с ней открыто порвали все города. И хотя митрополит Григорий держался по отношению к пастве осторожно и примирительно, приходы отказывались выполнять его распоряжения, в том числе и платить налоги. В январе 1864 г. В. Ф. Кожевников писал из Тырново в Стамбул: «В настоящее время Тырновская епархия по делам церковного управления представляет картину совершенного безначалия: граждане... захватили в свои руки не принадлежащую им власть и произвольно распоряжаются приходами и монастырями»<sup>85</sup>. В самом Тырново всеми приходскими делами фактически управлял общинный совет во главе с архимандритом Феодосием, учителем Н. Златарским и торговцем П. Кисимовым. По их примеру общины других епархиальных центров также взяли управление церковными, училищными и общинными делами в свои руки. Причем, в частных беседах активисты борьбы с митрополитом Григорием откровенно признавались, что они руководствуются исключительно идеей и ничего не имеют против личности самого владыки. «Он не фанариот и даже очень почтенный человек, но могло ли нас это остановить в то время, когда сами обстоятельства сложились в нашу пользу и требовали решительности, чтобы фактом доказать патриарху, что болгары действительно не хотят более иметь дела с греками»<sup>86</sup>. Для митрополита Григория итог противостояния оказался печален — после очередной бурной демонстрации он был вынужден покинуть епархию, которая фактически отложила от Константинополя.

Аналогичная ситуация складывалась и в других епархиальных центрах. В марте 1863 г. вице-консул А. А. Ольхин сообщал из Варны: «Решение болгар не платить владычины митрополитам остается неизменным. Это противодействие тем сильнее и упорней, что оно совершается единодушно и систематически. Селяне действуют заодно с горожанами, малые города слушаются больших, а все смотрят на константинопольских болгар. Последние понимают свое положение и пользуются им, чтобы руководить почти весь болгарский народ, по крайней мере, в церковном вопросе. В последнее время они даже начали рассылать по городам и селам печатные объявления и наставления, как вести себя при различных обстоятельствах»<sup>87</sup>.

В Пловдивской епархии (в самом Пловдиве, Пазарджике, Копривщице, Калофере, Карлово, Панагюрище, Чирпане) административно-церковная власть также полностью перешла в руки руководства

местных общин. То же самое произошло в Самоковской, Шумленской, Ловечской, Кюстендильской епархиях. В Софии паства отказалась принимать назначенного Константинополем митрополита Дороефа (этнического болгарина). Во Врачанской епархии вновь назначенный митрополит Паисий (также болгарин) был вынужден пробиваться в свою резиденцию с помощью полиции. Формально вступив в должность, он так и не смог приступить к исполнению обязанностей. Паства его игнорировала, а руководство церковными делами фактически узурпировала центральная община во главе с Н. Занкиным. В Видинской епархии конфликт вокруг фигуры греческого митрополита Паисия принял крайние формы. В 1865 г. недовольные прихожане напали на него прямо в церкви. Полиция была вынуждена применить оружие. Отзыв Паисия и назначение вместо него болгарина Антима напряжение не сняли. Община отказалась его принять и, взяв власть в свои руки, собрала подписи под актом о разрыве с Константинопольской патриархией. В Рушуке возбужденная толпа устроила в 1864 г. беспорядки, разгромив не только резиденцию митрополита Сенесия, но заодно и здание медресе. Даже в этнически пестрых епархиях Причерноморья, Добруджи и Македонии болгарские общины начали инициировать конфликты с властями, отказываясь платить налоги.

Волна беспорядков в пограничных районах не могла не вызывать беспокойства центральных властей. К тому же, процесс подготовки Органического статута позволил Али-паше непосредственно ознакомиться с проблемами церковно-административного характера. В итоге он пришел к выводу, что предоставленные сами себе, болгарская и греческая стороны договориться не смогут, и что правительству необходимо взять решение проблемы в свои руки<sup>88</sup>. В марте 1862 г. под председательством Али-паши была учреждена согласительная болгаро-греческая комиссия для обсуждения вариантов выхода из кризиса. Параллельно Порты попыталась оказать давление и на вновь избранного патриарха Софрония III, которому во время первой же аудиенции во дворце (1863) было недвусмысленно высказано пожелание употребить «все силы, чтобы восстановить порядок в делах миллета»<sup>89</sup>.

Колеблясь между нажимом греческих националистических кругов, Портой и Россией, новый патриарх в конечном итоге заявил, что не может самостоятельно решить затянувшийся церковный спор и требует созыва собора. С разрешения Порты церковный собор был

собран в феврале 1864 г. В нем приняли участие все бывшие константинопольские патриархи, а также патриарх александрийский, антиохийский, иерусалимский, члены Синода, авторитетные богословы и депутаты от греческих общин. От болгар присутствовали три владыки и светский представитель — юрист Г. Крыстевич. Болгары вновь предложили для обсуждения свою программу — «8 пунктов». И вновь она была раскритикована и отвергнута как антиканоническая.

Пытаясь хоть как-то умиротворить возмущенную болгарскую паству, Порта приняла решение об освобождении из заточения Иллариона Макариопольского и Авксентия Велесского. Вернувшись в Константинополь в сентябре 1864 г., владыки подписали письменное обязательство не совершать богослужений вплоть до получения на то разрешения патриархии и урегулирования церковного конфликта. На фронтах болгаро-греческого противостояния наступило временное, хотя и относительное затишье, которое сохранялось вплоть до конца 1866 г., когда новый международный кризис не открыл перед болгарским вопросом новые блестящие перспективы.

Это затишье старалось поддерживать и российское внешнеполитическое ведомство, пытавшееся брать на себя, по словам составителей Отчета МИД за 1864 г., роль «услужливого посредника между борющимися интересами»<sup>90</sup>. Впрочем, необходимо сразу оговориться, после печально знаменитой Пасхальной акции 1860 года контакты дипломатов с болгарскими представителями имели весьма ограниченный характер. По признанию Е. П. Новикова директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому, сделанному в мае 1860 г., на данном этапе императорская миссия фактически не имела «никакого влияния» на развитие конфликта, ее «примирительная роль кончилась», а «лучшее и единственное», что она могла, на его взгляд, предпринять — «это воздержаться от всякого участия в ходе событий»<sup>91</sup>. К 1864 г. ситуация существенным образом не изменилась. В феврале 1864 г. тот же Е. П. Новиков вынужден был констатировать в докладе А. М. Горчакову, что уверенность в отсутствии поддержки со стороны России, а также желание лишний раз продемонстрировать Порте свою лояльность заставляют болгар относиться «к нам с крайней сдержанностью»<sup>92</sup>.

Обстановка начала меняться лишь после назначения в 1864 г. на должность главы императорской миссии генерала Н. П. Игнатьева. Молодой, энергичный, обладавший влиятельными связями в Петербурге, не чуждый славянофильских увлечений, он смог придать работе вверенного ему учреждения качественно новый импульс.



Болгаро-греческий конфликт сразу занял одно из приоритетных мест в деятельности нового посланника. Принцип устранения он считал крайне пагубным для интересов Российской империи. В греко-болгарском противостоянии Н. П. Игнатъев склонен был особо выделять национальную составляющую, как он выражался, — «увлечение возрождающимся духом народности», характерное для народов балканского региона данного периода<sup>93</sup>. Для выстраивания Россией эффективной политики на Балканах он считал необходимым («кроме поддержания православия») непременно поддерживать и «принцип народности»<sup>94</sup>. К решению болгарского вопроса эта установка имела, на его взгляд, самое непосредственное отношение. «Еще несколько лет мертвящего бездействия, — писал он в 1867 г. в Петербург, — и целые массы болгарского народа бросятся в унию не по религиозному убеждению, а для того, чтобы под сенью Запада оградить свою народность от завоеваний эллинизма»<sup>95</sup>.

Работу в данном направлении Н. П. Игнатъев пытался вести одновременно с тремя заинтересованными сторонами — Портой, Константинопольской патриархией и болгарами. Османский кабинет, по его признанию, он пытался запугивать угрозой социальных и политических потрясений, советуя Али-паше «успокоить умы, смягчить раздражение населения против греческого духовенства и, прежде всего, ограничить спор, пока он не получил характера национальной и политической борьбы, последствия которой придутся на Порту»<sup>96</sup>. Али-паша с Н. П. Игнатъевым вежливо соглашался, но в возможность достижения разумного компромисса верил слабо. Причина кризиса, по его мнению, крылась в излишне жесткой позиции болгар, которые требовали «полного разделения церквей», т. е. реализации принципа, «с которым Порта не желала и не могла согласиться», поскольку ей было достаточно, по его словам, «головной боли с одной православной церковью, и Порта не желала, чтобы возникли две, которые соперничали бы между собой»<sup>97</sup>. В разговорах с патриархом Н. П. Игнатъев настаивал на необходимости «скорейшего разрешения церковного вопроса в виду развивающейся деятельности западной пропаганды»<sup>98</sup>. Болгарам в качестве возможной базы для переговоров Н. П. Игнатъев предложил осенью 1865 г. новую комбинацию, открывающую возможность для появления их представителя в Синоде. Она предусматривала разделение епархий на 6 территориальных зон (одна из них должна была включать в себя Дунайский вилайет), каждой из которых предстояло ежегодно избирать

в Синод по одному епископу<sup>99</sup>. Впрочем, до начала политического кризиса 1866–1869 гг. инициативы российского дипломата особых плодов не приносили. Болгарская и греческая стороны конфликта продолжали оставаться на прежних позициях, что же касается Порты, то она не была готова к процедуре кардинального реформирования греко-православного миллета.

События вокруг о. Крит до крайности охладили отношения Порты с Греческим королевством. Данное обстоятельство не могло способствовать росту взаимопонимания между османским правительством и Константинопольской патриархией. Параллельно менялся и международный статус России. Переговорный процесс вокруг урегулирования Критского вопроса позволял ей усиливать давление на греческое правительство, а через него и на Константинопольскую патриархию ради достижения разумного компромисса в церковном споре. Не без участия Н. П. Игнатьева в феврале 1867 г. был даже избран новый патриарх — Григорий VI.

Новый глава Вселенской церкви энергично приступил к решению затянувшегося конфликта. В начале мая 1867 г. он ознакомил Н. П. Игнатьева с собственным проектом его урегулирования. В основе предложений патриарха лежала идея автономной болгарской церкви (Экзархии) во главе с митрополитом, зависящим от патриарха Константинополя. Прямые контакты экзарха с Портой не предусматривались. В состав Экзархии должны были войти лишь епархии, расположенные между Дунаем и Балканским хребтом, где болгарское население численно преобладало. Таким образом, Григорий VI фактически предложил признать возможность введения национального начала в церковно-административное устройство Константинопольской патриархии, что до 1867 г. и впоследствии упорно объявлялось греками филетической ересью.

Проект Григория VI устраивал и Порту, и Россию. Н. П. Игнатев склонен был приписывать наметившийся прогресс усилиям российской дипломатии и себе лично. В данной связи он прямо написал в «Дипломатических записках»: «С большим трудом мне удалось убедить патриарха Григория взять на себя инициативу по договоренности, которая впервые допускала создание автономной Болгарской экзархии»<sup>100</sup>. Действительно, если учесть, что проект патриарха практически полностью совпадал с рекомендациями, высказанными в 1861 г. митрополитом московским и коломенским Филаретом<sup>101</sup>, эта версия выглядит убедительно. Али-паша, в свою оче-

редь, рекламировал в общении с болгарами собственные заслуги в появлении проекта, особенно подчеркивая, что «патриарх делает им уступки благодаря настоянию Порты»<sup>102</sup>. Отчасти это было тоже верно, поскольку вопрос о необходимости удовлетворить требования болгар действительно всерьез обсуждался на заседании правительства. Речь даже шла о возможности учреждения болгарского миллета. Однако на столь радикальное решение вопроса Порты все же пойти не решилась, опасаясь не только окончательного разрыва отношений с греками, но и появления в будущем «русского следа»<sup>103</sup>. По мнению Н. П. Игнатьева, турецкие министры также опасались, что «церковно-административный вопрос может послужить впоследствии орудием для образования политического организма, с которым придется считаться»<sup>104</sup>. В этом контексте компромиссные предложения патриарха Григория VI выглядели для обеих сторон особенно привлекательно. Неудивительно, что они без проблем прошли предварительные согласования и уже в июне были официально переданы в правительство.

Однако члены Народного болгарского представительства в Стамбуле, особенно их националистическое крыло во главе с Ст. Чомаковым, воспринимали ситуацию иначе. Поскольку в Османской империи все миллеты традиционно формировались по экстерриториальному принципу, планы болгарских представителей изначально были ориентированы именно на эту схему. Предложенный патриархом проект ей не только не соответствовал, но и оставлял за пределами новой церковной структуры болгар Фракии и Македонии. Такой вариант решения церковного вопроса устроить Болгарское представительство не мог. Скорее всего, Ст. Чомаков был искренен, когда недоумевал по поводу отказа новой структуре в экстерриториальности, — «если возможна отдельная церковь для части болгар, то почему невозможна для всех»<sup>105</sup>. В августе 1867 г. болгарские представители проект отвергли.

Со стороны российских дипломатов понимания этот жест не нашел. Они поспешили возложить ответственность за провал переговоров на османское правительство. В марте 1868 г. советник посольства Е. Е. де Сталь писал: «Порта использовала все средства противодействия, ...особенно стараясь возбудить национальные чувства болгар против уступок, которые им представила как ничтожные и иллюзорные», распуская при этом слухи, что правительство предоставит болгарам преимущества реальные<sup>106</sup>.

Вершина политического кризиса — 1868 год — стал поворотным для судьбы церковного вопроса. События вокруг острова Крит поставили в 1868 г. Порту и Грецию на грань войны. Это обстоятельство сыграло, по всей видимости, решающую роль в изменении позиции османского правительства по отношению к церковному конфликту. Порты не чувствовала себя более обязанной чутко заботиться о защите традиционных прав и привилегий Константинопольской патриархии в ущерб собственной безопасности. Кабинетом было принято решение не полагаться более на заседания бесконечных согласительных комиссий и взять на себя ответственность в решении вопроса, от которого ранее правительство упорно пыталось дистанцироваться. Уже в марте 1868 г. министр иностранных дел Фуад-паша попросил болгар представить ему письменную записку, обосновывающую необходимость введения самостоятельного церковного управления. Тогда же великий визирь Али-паша принял болгарскую депутацию и обнадежил ее, заявив, что «Порты расположена признать болгар в качестве отдельной народности», т. е. миллета<sup>107</sup>.

В октябре 1868 г., когда к границе с Фессалией подтягивалась турецкая армия, а османское правительство готовилось к разрыву дипломатических и торговых отношений с Афинами, Порты подготовила и официально направила в патриархию два проекта решения церковного вопроса. Мотивация решения приводилась в сопроводительном письме. В качестве главной причины указывалось фактическое положение дел — «поскольку болгарский народ отделился в духовном отношении от греческой церкви и имеет горячее желание получить духовных пастырей своего рода», правительство не считает более возможным отказывать ему в этом<sup>108</sup>.

Проекты Порты, обнародованные в октябре 1868 г., предусматривали создание новой церковной структуры, базирующейся на принципе экстерриториальности. Так же как и все другие миллеты, болгарская церковь признавалась самостоятельной церковно-административной единицей, объединяющей паству вне зависимости от места ее проживания, а глава нового миллета получал прямой выход на курирующее дела иноверцев Министерство иностранных дел и резиденцию в столице. Официальное утверждение этих предложений означало бы свершившийся выход болгар из состава Константинопольской патриархии (хотя упоминание имени патриарха при богослужении все же предусматривалось) и юридическое признание болгарского народа в качестве самостоятельного субъекта правовых отношений — нации-миллета.

Проекты Порты поставили российских дипломатов в крайне затруднительное положение. В ноябре 1868 г. Н. П. Игнатъев был вынужден обращаться за директивами к русскому Святейшему Синоду. «Наше положение стало очень деликатным, — писал он, — мы не можем ни принять местонахождения болгарского Синода в Царьграде, ни войти в общение с болгарской автокефальной церковью до тех пор, пока ее не признает патриархия. Иначе мы окажемся отчужденными не только от вселенского патриарха, но и от всех остальных греков. Если же совсем не признаем болгарскую иерархию, славяне будут видеть в нас врагов, которые солидаризируются с греками. Кроме того, болгары могут соблазниться внушениями западных сил и турок, обратившись к Риму и приняв унию»<sup>109</sup>.

Растерянность Н. П. Игнатъева разделял и А. М. Горчаков. В ответном послании он вынужден был признать, что Синод фактически уклонился от обсуждения данного вопроса, предпочтя позицию невмешательства, а вместо конкретных инструкций направил в МИД лишь выражение сожаления «по поводу нынешнего положения вещей и расплывчатые увещания на будущее»<sup>110</sup>. В итоге А. М. Горчаков был вынужден взять груз ответственности на себя и диктовать инструкции от собственного лица. Текст был выдержан в нарочито размытой форме и содержал оговорки по поводу того, что высказываемые предложения ни в коем случае не имеют характера инструкций, а являются исключительно личными «наметками касательно политической позиции» по вопросу, «носящему чисто религиозный и клерикальный характер». Смелости министра иностранных дел хватило лишь на то, чтобы практически дословно повторить процитированный выше запрос Н. П. Игнатъева и рекомендовать послу вновь обратиться к вселенскому патриарху и болгарским представителям с призывом о примирении.

Патриарх проекты Порты отверг категорически (как противоречащие церковным канонам), предложив, со своей стороны, созвать для решения вопроса Вселенский собор. Лишь убедившись в полном отсутствии поддержки со стороны османских властей, он согласился передать дальнейшее обсуждение вопроса в очередную болгаро-греческую согласительную комиссию.

В среде болгар проекты вызвали бурю ликований. Однако, как сетовали в российском посольстве, вместо того, чтобы оперативно воспользоваться моментом и добиться официального утверждения документа, народ начал праздновать учреждение новой иерархии, на-

ивно полагая, что «проекты правительства имеют силу решения». При этом Народное представительство не могло придумать ничего более своевременного, как обратиться «с окружным письмом ко всем общинам и архиереям, приглашая их немедленно прибыть в столицу для составления синода вновь учреждаемой болгарской церкви и сочинения ее органического устава»<sup>111</sup>.

Между тем, время для принятия благоприятного для болгар решения истекало. 9 января 1869 г. в Париже открылась конференция великих держав по урегулированию Критского вопроса, а в феврале комитет греческих повстанцев был распущен. В этой ситуации демонстративное обострение отношений с греками в лице Константинопольской патриархии становилось для Порты несвоевременным. Единственным решением церковной проблемы вновь оказывался поиск компромисса.

В январе 1869 г. под эгидой Али-паши была образована очередная согласительная комиссия. Поскольку предложения Порты (особенно принцип экстерриториальности и присутствие двух архиереев в одном месте) Константинопольскую патриархию категорически не устраивали, все иные варианты подразумевали обсуждение проектов учреждения автономной церкви. Однако в этом случае сразу возникала проблема разграничения этнически смешанных епархий и определения границ новой автономной церкви. Камнем преткновения стали Фракия и Македония, которые обе стороны считали своей этнической территорией. По сообщению врача российского посольства В. К. Караконевского, датируемому мартом 1869 г., болгарская сторона в лице Ст. Чомакова, Ив. Пенчовича и Стояновича заняла непримиримо жесткую позицию: «Фракия и Македония или ничего»<sup>112</sup>. Переговоры быстро зашли в тупик.

В этот сложный для болгар момент неожиданная помощь пришла со стороны русских дипломатов. Неудовлетворенность Греческого королевства решениями Парижской конференции по урегулированию критской проблемы привела в 1869 г. к резкому охлаждению отношений с Петербургом. Новые угрозы для интересов России наметились и со стороны органов католической пропаганды: Именно в это время в Риме заседал Вселенский собор, на который польские делегаты усиленно приглашали болгарских представителей. Эти факторы способствовали решительному повороту российской дипломатии в сторону поддержки болгар в церковном споре. По единодушному мнению исследователей, со второй половины 1869 г. этот поворот стал очевиден.

Можно предположить, что на пересмотр российской позиции могло также повлиять оформление новых угроз, связанных с продвижением Турции по пути Танзимата. С 1867 г. данная проблема начала находить все большее понимание в среде русских дипломатов.

В январе 1868 г. Н. П. Игнатьев высказался по этому поводу предельно откровенно: «Европейские переговоры о реформах, — писал он в Аналитической записке, — не нацелены ни на что другое кроме офранцузивания страны и укрепления Османской империи через ее экономическое, интеллектуальное и социальное переустройство. Если эти реформы успеют пустить глубокие корни и если франко-австро-бельгийская линия будет осуществлена, Балканский полуостров изменит свой вид за несколько лет, и от этого наши интересы значительно пострадают. Французские агенты не упускают случая воспользоваться нажимом, связанным с Критским вопросом, чтобы принудить турок двинуться по этому пути с надеждой заручиться поддержкой Запада и воздвигнуть барьер против предполагаемого стремления России к захвату ее территории. Вопрос о реформах в Турции ставит нас всегда в затруднительное положение, так как если он не будет решен в центробежном направлении, сообразно с традициями различных национальностей, он вреден цели, которую мы преследуем. Улучшения, изыскиваемые европейцами, обыкновенно диаметрально противоположны нашим видениям и направлены на денационализацию христианского населения, цивилизуя его и все более подчиняя Западу»<sup>113</sup>.

Опасения подобного рода нашли непосредственное отражение в Отчете МИД за 1868 год. В документе впервые на официальном уровне был четко сформулирован тезис об опасностях, таящихся для России в инициативах Запада и реализуемых Портой в мероприятиях Танзимата. Цель политики Франции и Великобритании в данной сфере была определена в документе следующим образом — «все больше и больше извлекать христианский Восток из сферы нашего влияния, связать его с Западной Европой, вначале с помощью системы реформ, предпринятой под покровительство двух дворов и предназначенных стереть расовые, религиозные и национальные различия в ходе материального прогресса, а затем с помощью системы железных дорог, имеющей в виду не только поставить Балканский полуостров в коммерческую зависимость от Европы, но еще и обеспечить быструю переброску западных армий — либо для защиты Турции от нас, либо для того, чтобы атаковать нас»<sup>114</sup>. Практический

вывод из Отчета был очевиден — поддержка национальных движений славян, вне зависимости от формы их проявления (в том числе и в сфере церковного вопроса), должна была стать приоритетным направлением внешней политики России на Балканах.

Политический кризис 1866–1869 гг., спровоцировав всплеск дипломатической активности западных дипломатов, направленной на спасение, т. е. модернизацию Османской империи, стал мощнейшим локомотивом реформ Танзимата. В октябре 1867 г. османскому правительству была вручена коллективная нота великих держав — стран-гарантов Парижского мирного договора, в которой дипломаты подводили итоги одиннадцатилетней деятельности Порты по реализации Хатт-и хумайуна<sup>115</sup>. Результат был признан неудовлетворительным. Правительству суверенного государства фактически ставился ультиматум, обязывающий его немедленно приступить к конкретным мерам по европеизации исламского общества. Предлагалось реформирование судопроизводства в соответствии с общепринятыми европейскими нормами; снятие всех ограничений для развития частной земельной собственности; отмена ильтизама и ограничений для проникновения европейского капитала в экономику страны, повсеместный допуск христиан к государственной службе и т. д.

Реализацией именно этих рекомендаций Порты и занималась с переменным успехом вплоть до 1871 г., когда смерть великого визиря Али-паши и попытка султана Абдул Азиза взять бразды правления в свои руки не привели к некоторой корректировке курса. Скорее всего, именно реформаторская волна конца 60-х – начала 70-х гг. помогла Порте принять административное решение и по урегулированию чрезмерно затянувшегося конфликта внутри греко-православного миллета. В феврале 1870 г. на свет появился знаменитый султанский фирман об учреждении новой церковной структуры — Болгарской экзархии.

Первоначально этот проект церковной реформы вызвал у русских дипломатов большие сомнения. Н. П. Игнатьев не одобрял, в частности, пункт о плебисците и уговаривал Али-пашу утвердить один из вариантов решения согласительной комиссии, в котором границы диоцеза точно фиксировались<sup>116</sup>. Однако впоследствии посол исключительно трезво и прагматично оценил эту реформаторскую акцию османского правительства, усмотрев в ней вполне очевидную для России политическую выгоду. В «Дипломатических записках» он прямо сформулировал: «Несомненно, прямая договоренность без вмеша-



тельства турецкого правительства была бы предпочтительней со всех точек зрения. ... Впрочем, невозможно оспаривать право местной власти решать политические и национальные вопросы. ... Порты оказала нам большую услугу: она полностью взяла на себя бремя по решению этой неблагодарной задачи, которая, если бы ее пришлось осуществлять под нашим прямым патронатом, стоила бы нам бесконечных упреков и ненависти»<sup>117</sup>.

Фирман 1870 года постановлял, что болгарская церковь представляет собой автономную по отношению к Константинопольской патриархии канонически легитимную церковную структуру — Экзархию. Болгарская экзархия должна была управляться самостоятельным Синодом под председательством главного митрополита (экзарха) в соответствии с выработанным им и утвержденным Портой уставом. Управление Экзархией, выборы епископов и самого экзарха осуществлялись без вмешательства Константинопольской патриархии. Экзарх назначался султанским бератом. Он был уполномочен обращаться по гражданским делам непосредственно к османским властям (в первую очередь, к курировавшему дела иноверческих миллетов Министерству иностранных дел). Издание бератов для иерархов Экзархии осуществлялось по его ходатайству. Пункт 10 определял территориальный охват новой церковной структуры. Епархии с преимущественно болгарской паствой были перечислены в фирмане поименно и в полном составе включены в состав нового диоцеза (Рушукская, Силистренская, Шумленская, Тырновская, Софийская, Врачанская, Ловечская, Видинская, Нишская, Пиротская, Кюстендилская, Самоковская и Велесская). Ряд епархий, расположенных в этнически смешанных зонах, в фирмане упоминались также поименно, но входили в состав Экзархии частично (Варненская епархия без самой Варны и двух десятков близлежащих сел; Пловдивская без Пловдива и Станимака; Сливенский санджак без Анхиало и Месемврии; Созопольская каза без причерноморских сел). И, наконец, наиболее спорные епархии Македонии и Адрианопольской Фракии в фирмане названы не были, но за ними оговаривалось право самоопределения через плебисцит (большинством в 2/3 голосов).

Оценивая подготовленный османским правительством документ, можно согласиться с мнением болгарских историков З. Марковой и И. Тодева о том, что фирман 1870 года представлял собой компромиссный вариант между безупречным с точки зрения канонов проектом патриарха Григория VI (1867) и антиканоническими по своей су-

ти предложениями Порты (1868)<sup>118</sup>. В отличие от проекта патриарха фирман трактовал Экзархию не как совокупность епархий во главе с митрополитом, которому патриарх поручил управлять данной церковной областью, а как автономную церковь. Однако признать вслед за И. Тодевым этот документ максимально выгодным для болгар все же трудно. Бесспорно, болгары добились главной цели. Наравне с главами других миллетов болгарский экзарх получил прямой доступ к османским властям. Тем самым, болгары добились права напрямую отстаивать перед правительством и местной администрацией свои национальные (в том числе и экономические) интересы. Однако отход от традиционного для миллетов экстерриториального принципа влек за собой угрозу потери значительной части нации в лице многочисленных болгарских анклавов, разпыленных по территории Фракии и Македонии. Другое дело — положительная оценка фирмана в контексте исторической перспективы. С этой точки зрения официальная демаркация границ расселения основного массива болгарского этноса (в целом совпадающая с диоцезом Экзархии) оказалась как нельзя более своевременной. В преддверье грядущего распада Османской империи появление официального документа подобного рода нельзя не признать фактором, открывавшим для болгар самые благоприятные перспективы, в том числе, в вопросе демаркации будущих государственных границ.

Реакция на фирман со стороны Константинопольской патриархии была вполне предсказуема. Признать его она отказалась, объявив документом, не имеющим необходимой канонической силы (акт светской, притом, иноверческой власти). Патриарх демонстративно пригрозил отставкой и потребовал немедленного созыва Вселенского собора. Порта это предложение отвергла, а отставку принять отказалась. На провинциальном уровне греческое духовенство первоначально попыталось не драматизировать ситуацию. В мае 1870 г. консул Г. Иванов сообщал из Адрианополя, что по распоряжению местного митрополита, не желавшего обострять накал страстей, в греческих приходах было зачитано послание о «нераздельности греческой и болгарской церквей». И хотя болгарские общины сразу начали составлять «подушные списки» для проведения плебисцита и отказали «в содержании греческому клиру», последний, по его наблюдениям, продолжал старательно избегать «открытых столкновений»<sup>119</sup>.

Россия вмешательство мусульманских властей в дела православной церкви не одобряла, однако была готова признать фирман в каче-

стве основы для дальнейших переговоров. В отчете российского МИД за 1870 г. высказывалась досада, что из-за «корыстных стараний фанариотского духовенства» патриарху Григорию не удалось достигнуть «соглашения с болгарам» и «признать иерархическую независимость их церкви». При этом констатировалось, что благодаря фирману болгары смогли «достигнуть признания Портой своей народности, выработать устройство церковного управления и разделение епархий»<sup>120</sup>. В создавшейся ситуации едва ли не главную озабоченность в МИД выражали по поводу сохранения престижа России в среде болгар. Эту озабоченность разделял и император Александр II<sup>121</sup>.

На удивление двойственной в отношении свершившегося раскола оказалась позиция русского Святейшего Синода. Отказавшись поддержать созыв Вселенского собора, Св. Синод фактически поддержал предложенный фирманом путь выхода из церковного кризиса. В ответ на окружное послание константинопольского патриарха к главам самостоятельных церквей, в котором предлагалось обсудить «распрю» с болгарам на Вселенском соборе, было заявлено, что созыв подобного собрания правомерен лишь «в случае ереси, подрывающей основные догматы православия, между тем как вопрос греко-болгарский не затрагивает этих догматов». В документе было обращено также особое внимание на опасность, которая угрожает спокойствию православных церквей в том случае, если болгары откажутся подчиниться «неблагоприятному для них постановлению»<sup>122</sup>. Одновременно обер-прокурор Св. Синода граф Ю. А. Толстой отправил Н. П. Игнатьеву распоряжение, предписывающее отклонять в будущем обращения подобного рода, поскольку они ставят «Синод в крайне затруднительное положение»<sup>123</sup>. В ответ Н. П. Игнатьеву пришлось пространно оправдываться, поскольку первоначально он поддержал идею созыва Вселенского собора. Свою позицию он обосновал тем, что предписываемая посольству позиция устранения от «деятельного вмешательства» и осторожного «наблюдения» вряд ли приемлема в вопросе, который способен повлечь «весьма серьезные последствия» и представляет «столь животрепещущий для православия и для славянства интерес»<sup>124</sup>.

Уклончивая позиция русского Св. Синода и непризнание Экзархата со стороны Константинопольской патриархии серьезно осложнили жизнь российских дипломатов в провинции. В создавшейся ситуации они не имели права поддерживать официальные контакты с болгарскими иерархами. Например, Н. П. Игнатьев был вынужден

сделать выговор генеральному консулу в Русуке только за то, что тот поздравил и принял в своей резиденции поставленного экзархом митрополита, а также позволил себе присутствовать на службе в болгарской церкви (других православных храмов в городе просто не было). Впрочем, выговор сопровождала рекомендация избегать сношений лишь официального характера, в то время как частные контакты и хорошие личные отношения с болгарским митрополитом будут, по словам Н. П. Игнатьева, только приветствоваться<sup>125</sup>.

В то же время формальное самоустранение русского Св. Синода расширило для дипломатов поле деятельности. Именно по настоянию российского посла в мае 1870 г. была организована встреча между представителями болгар и патриархии, а в марте 1871 г. начала свою работу очередная болгаро-греческая согласительная комиссия. По признанию самого Н. П. Игнатьева, его главной целью в ходе начавшихся переговоров было достижение канонического признания Болгарской церкви<sup>126</sup>.

Последовавшая в 1871 г. смерть великого визиря Али-паши, попытка султана Абдул Азиза I взять бразды правления в свои руки и скорректировать курс в отношении реформ сильно укрепила позиции российского посла. Действуя в согласии с новым главой османского кабинета — Махмудом Недим-пашой и пытаясь достичь на переговорах по церковному вопросу разумного компромисса, Н. П. Игнатьев смог добиться смены руководства Константинопольской патриархии. Место Григория VI на патриаршем престоле занял Анфим VI, пользующийся, по информации российского внешнеполитического ведомства, репутацией деятеля, «известного своим сочувствием к России»<sup>127</sup>. Одновременно по дипломатическим каналам была достигнута договоренность о возможности урегулирования церковного конфликта с афинским кабинетом министров, имевшим большое влияние на Константинопольскую патриархию. Греческому поверенному в делах в Стамбуле поступило распоряжение от правительства Ал. Кумундурса «сообразовываться в этом деле» с Н. П. Игнатьевым<sup>128</sup>. В октябре 1871 г. в Петербурге состоялась встреча греческого посланника с директором Азиатского департамента. В ходе переговоров была принята установка на скорейшее завершение конфликта. Суть договоренностей сводилась к следующим пунктам: за Россией признавалась роль посредника в церковном споре, но право его урегулирования закреплялось за патриархией; Россия и Греция отказывались от публичности своих действий в данном вопросе; резиденция болгар-

ского экзарха выносилась из Константинополя<sup>129</sup>. Судя по Отчету МИД за 1871 г., патриарх Анфим VI, оказавшись под давлением сразу трех заинтересованных сторон, был вынужден «вступить на путь широких уступок», дав согласие «на все требования болгар относительно иерархии», а также сделал по настоянию Н. П. Игнатьева довольно важные уступки в вопросе «разграничения будущего экзархата», согласившись отдать «епархии Велеса, Преспа и другие» области<sup>130</sup>.

Провал переговоров произошел по вине националистического крыла деятелей болгарского церковного движения. По сведениям Н. П. Игнатьева, имея серьезные основания опасаться территориальных уступок со стороны своих представителей — Г. Кръстевича, М. Балабанова, Н. Михайловского в ходе «намечающегося соглашения» с патриархией, радикалы организовали на праздник Богоявления провокацию<sup>131</sup>. 5 января 1872 г. группа столичных ремесленников и торговцев, руководимая Ст. Чомаковым и П. Славейковым, вынудила трех болгарских владык — Иллариона Макариопольского, Панарета Пловдивского, Иллариона Ловчанского, давших некогда подписку не проводить богослужений до урегулирования церковного конфликта, демонстративно нарушить запрет патриарха и отслужить литургию в болгарской церкви Стамбула. Эта акция вызвала легко предсказуемый скандал. Порта была вынуждена удовлетворить требование патриархии о заточении владык. Реакция болгар была также предсказуема. Последовали массовые демонстрации протеста. Опасаясь серьезных беспорядков, великий визирь постарался умиротворить болгарскую паству, разрешив приступить к выборам экзарха. 16 февраля 1872 г. первым главой Болгарской церкви был избран видинский митрополит Антим. 11 мая 1872 г. экзарх Антим I провозгласил болгарскую церковь независимой от Константинопольской патриархии.

Богоявленская акция была резко осуждена русским Святейшим Синодом и охарактеризована Н. П. Игнатьевым как «антиканоническая демонстрация», организованная крайней партией Ст. Чомакова и митрополита Панарета с целью сорвать соглашение с Константинопольской патриархией. По мнению российского посла, ее инициаторы полагали, что, организуя «раскольническую церковь», они, по большому счету, ничем не рискуют: «болгары не потеряют ни одного своего соотечественника, а другие автокефальные церкви в конце концов признают новую иерархию»<sup>132</sup>.

В историографии не вызывает сомнений факт, что Богоявленская акция имела гораздо более серьезные последствия для отноше-

ний болгар с Вселенской церковью, чем даже султанский фирман 1870 года. Можно согласиться с мнением Ил. Тодева, что Ст. Чомаков был склонен сознательно провоцировать церковную схизму, рассматривая ее в качестве своеобразной гарантии освобождения болгар и от «фанариотского ига», и от излишне навязчивой опеки со стороны России<sup>133</sup>. Действительно, учитывая равнодушие, с которым болгарская паства встретила сообщение о схизме, этот подход к решению сразу всех болгарских проблем выглядит вполне логично. В условиях функционирования системы миллетов переход болгар на положение схизматиков открывал возможность для полного и окончательного решения церковного спора. Так же как и в варианте с униатством схизматики могли претендовать на автономный церковно-административный статус и равноправное положение с другими, официально признанными Портой общинами-миллетами. Однако для достижения этой цели желания самих радикалов было недостаточно. Без согласия и политической воли со стороны правительства эта цель была недостижима.

В отличие от первой половины 60-х гг., когда Порта старалась избегать обострения отношений с Константинопольской патриархией, Греческим королевством и Россией, в 1872 г. ситуация складывалась не в пользу сохранения статус-кво. После смерти Али-паши Порту несколько лет сотрясала правительственная чехарда. Поэтому о наличии единой и долговременной политики по какому-либо вопросу говорить не приходилось. Попытка султана взять ситуацию под личный контроль и начать проводить самостоятельную политику не удалась. Слишком слабо было османское государство и слишком сильны позиции стран-кредиторов. Летом 1872 г. стараниями английского посла Г. Элиота Махмуд-паша был отправлен в отставку, великим визирем стал сторонник прозападной ориентации — Мидхат-паша. С ним у болгарских радикалов установилась наибольшая степень взаимопонимания.

В церковном вопросе Мидхат-паша фактически следовал линии, сформулированной Фуад-пашой в период последней, наиболее острой фазы кризиса вокруг острова Крит. В своем так называемом «Политическом завещании», направленном на имя султана незадолго до смерти (1869), Фуад-паша высказал мысль о необходимости ослабить политические позиции греков посредством их изоляции от других православных подданных султана. По поводу церковного вопроса он, в частности, написал: «В особенности следует избавить болгар от

господства греческой церкви, не связывая их ни с русским, ни с римско-католическим духовенством»<sup>134</sup>. Оптимальным образом все эти цели достигались именно через объявление церковной схизмы.

Н. П. Игнатъев подозревал лично Мидхат-пашу в подталкивании болгар и греков к схизме. По его мнению, великий визирь руководствовался идеей, что в случае гипотетического примирения «потребуется через разграничение епархий определить политические границы Болгарии», в то время как «создание раскольнической церкви, освободит Порту от необходимости проведения демаркационной линии между двумя национальностями и поддержит выгодный османскому государству антагонизм»<sup>135</sup>. Стремление изолировать болгар в качестве схизматиков от опеки со стороны России также могло играть свою роль. На это косвенным образом указывает весьма знаменательная характеристика, данная Мидхат-пашой деятельности Ст. Чомакова в ходе церковного конфликта. «Среди болгар есть лишь один умный человек — Чомаков, — отметил Мидхат-паша, — он единственный понял, в чем состоят интересы болгарского народа. Все другие болгары готовы стать слугами и рабами России»<sup>136</sup>. Статус схизматиков предоставлял уникальные возможности для разрыва традиционных связей между двумя православными народами.

В августе 1872 г. с разрешения Порты и лично Мидхат-паши для рассмотрения болгарского вопроса был созван Вселенский собор. Представители Русской православной церкви, а также румынской и сербской, участвовать в его заседаниях отказались. Российские дипломаты пытались предотвратить окончательный разрыв, но безуспешно. Работа собора проходила на фоне истерии в греческой прессе и шумных антиболгарских демонстраций. 16 сентября 1872 г. собор объявил болгарского экзарха, болгарскую церковь и всех к ней присоединившихся схизматиками, т. е. вероотступниками, объясняя это решение внесением в церковь племенного начала (филетизма), чуждого православным канонам.

В день открытия Вселенского собора Мидхат-паша послал в Фанар гонца с сообщением, что принятие решения о схизме не противоречит интересам Порты<sup>137</sup>. Когда же схизма была объявлена, поздравил болгар с благоприятным для них разрешением давнего конфликта, заявив, что отныне они могут претендовать на учреждение отдельного миллета-патриархии, и что он готов издать по этому случаю новый фирман. Вскоре в этом же смысле высказался и министр иностранных дел Шериф-паша, подчеркнув, что после издания нового

фирмана болгары получают право назначать своих владык «куда угодно» (как он выразился, «хоть даже в Петербург») <sup>138</sup>. По информации Н. П. Игнатьева, министр параллельно обещал патриарху, что в новый фирман будет включено название «схизматики», Порта заставит болгарское духовенство принять отличное от греков облачение (в качестве внешнего признака раскола в православии) и разрешит направлять греческих владык в болгарские епархии Экзархии (в качестве представителей другого вероисповедания) <sup>139</sup>.

Учитывая османские традиции экстерриториальности миллетов, в словах Шериф-паши о Петербурге при всей их одиозности крылось зерно истины. Скорее всего, министр хотел подчеркнуть, что новый фирман узаконит правовое положение болгар-схизматиков, что административные границы перестанут иметь для них значение, что все они, вне зависимости от места проживания, будут в церковно-административном отношении единым автономным целым — новой османской нацией-миллетом.

Что касается Н. П. Игнатьева, в инициативах Мидхат-паши, учитывая поддержку со стороны Г. Элиота, он был склонен усматривать очевидные антироссийские интриги английского посольства <sup>140</sup>. Хотя у посла имелись для этого серьезные основания, полностью согласиться с политической подоплекой схизмы все же трудно. Скорее всего, в этом вопросе сплелись различные интересы, среди которых проблема несовпадения ментальности двух цивилизаций — европейской и исламской — занимала далеко не последнее место. Этот фактор отчасти был вынужден признать и сам Н. П. Игнатьев. В докладе, датированном мартом 1873 г., он отмечал, что в вопросе издания нового фирмана османские сановники в значительной степени руководствуются османскими традициями, полагая, что их «долг — поставить в равные условия все вероисповедания» <sup>141</sup>. В этой связи он сетовал по поводу недопонимания, нередко возникающего в ходе бесед с турецкими сановниками на эту тему. «Трудно убедить мусульман, — писал Игнатьев, — что невозможно одновременное присутствие двух владык одного и того же обряда в одной и той же епархии. Они никак не понимают, что в этих условиях, по канонам, одного из иерархов необходимо считать схизматиком». Они исходят из принципа, продолжал он, что у Порты «нет никакого права отказывать поставлять владык ни болгарам, ни грекам» <sup>142</sup>. Вряд ли Н. П. Игнатьев столкнулся в данном случае с нарочитой позой или политиканством. Скорее всего, ему просто пришлось иметь дело с истинно верующими людьми,



воспитанными в поликонфессиональном обществе и привыкшими более серьезно, чем это принято у европейцев, относиться к проблемам культовой практики.

Решения Вселенского собора болгарская паства восприняла равнодушно. Как отмечал в своем докладе от 3 октября 1872 г. консул А. Мошнин, основная масса болгар проявила по этому поводу поразительное «бесчувствие», «только духовенство и несколько здравомыслящих людей, никогда не расположенных прибегать к крайним мерам, грустят о таком исходе дела»<sup>143</sup>. Наблюдение о равнодушии болгар поддержал и аккредитованный в том же Руцуке управляющий французским консульством этнический поляк Петровский. По его мнению, болгар волновал не столько факт схизмы, сколько жадность «новых болгарских прелатов», которые сразу повысили церковный налог<sup>144</sup>. Из Македонии консул Н. Ф. Якубовский сообщал в октябре 1872 г., что в Битольской епархии окружное послание патриарха об объявлении болгар схизматиками также было воспринято без особых эмоций<sup>145</sup>.

В греческой среде вокруг схизмы была развязана истерия. Ответственность за ее нагнетание российский МИД полностью возлагал на греческих радикалов и Афины. В Отчете Министерства за 1873 г. отмечалось, что именно националисты выступили против каких-либо уступок в пользу болгар, а из Афин в Константинополь поступали указания поддерживать идею «религиозного сепаратизма в угоду национальным устремлениям» панэллинистов<sup>146</sup>. Опасаясь потерять контроль над землями, потенциально относящимися к так называемой Великой Греции, радикалы пытались добиться от Порты права направлять греческих владык в те епархии Фракии и Македонии, которые по условиям фирмана 1870 года отошли к диоцезу Болгарской экзархии.

Согласно сообщениям российских консулов, всплеск националистических настроений быстро отозвался обострением застарелых конфликтов в провинции. В Македонии и Фракии вновь были зафиксированы случаи дискриминации болгарского языка. Из Адрианополя в посольство сообщали, что по распоряжению митрополита Кирилла священникам было запрещено проводить службу на славянском языке и допускать к обрядам Св. Таинств болгар, известных своим сочувствием к Экзархату<sup>147</sup>. С целью продвижения идей панэллинизма в местную Центральную школу был выписан учитель из Афин. Оттуда же были получены денежные субсидии, открывавшие возможность для получения наиболее способными учениками высшего образования в Греции<sup>148</sup>. В Сересе духовные власти вновь начали чи-

нить препятствия для обучения болгар на родном языке<sup>149</sup>. В Салониках болгарский священник смог получить разрешение на проведение службы в греческой церкви лишь при условии чтения молитвы о здравии святейшего патриарха на греческом языке и отказа от какой-либо проповеди<sup>150</sup>. Там же в июле 1874 г. произошел публичный скандал, связанный со смертью и отпеванием российского консула Н. Ф. Якубовского: греческое духовенство категорически воспротивилось присутствию на церемонии схизматиков<sup>151</sup>.

К зиме 1872 г. начались конфликты церковно-административного характера. Со стороны греческих общин последовали инициативы, направленные на внешнее обособление от схизматиков. В конце декабря 1872 г. А. Мошнин писал из Рушчука о незаконном открытии в центре болгарской общины (т. е. без получения соответствующего фирмана) наскоро оборудованной новой греческой церкви<sup>152</sup>. Это событие вызвало затяжной скандал, в урегулирование которого оказались в конечном итоге вовлечены не только турецкие власти, но и аккредитованные в городе иностранные консулы<sup>153</sup>.

Русский Святейший Синод встретил известие о схизме молчанием. Лишь для нужд российского МИД по просьбе канцлера А. М. Горчакова им были даны необходимые с церковно-канонической точки зрения разъяснения. В них, в частности, отмечалось, что соборное решение неправомерно и необязательно для церквей, не присутствовавших на соборе; что Россия не обязана относиться к болгарам как к схизматикам, но одновременно должна сохранить дружеские связи с Константинопольской патриархией; что достижение согласия является единственным средством восстановления мира в православной церкви<sup>154</sup>. Позицию русского Св. Синода в полном объеме поддерживала, пожалуй, лишь румынская церковь, также стремившаяся к независимости от Константинополя. Она не одобрила заявление патриарха о схизме и, продолжая поддерживать связи с болгарским духовенством, официально соблюдала позицию нейтралитета<sup>155</sup>.

Стремясь преодолеть схизму, Н. П. Игнатъев пытался сделать ставку на Порту. Однако с середины 1872 г. и до середины 1873 г. власть в Стамбуле была в руках сторонников прозападной ориентации, влияние на которых у российского посольства практически отсутствовало. Ситуация изменилась лишь с назначением на пост великого визиря Рюшди-паши. Не без влияния российского посла в июле 1873 г. Порты отказалась от намерения санкционировать схизму и издавать новый фирман. Н. П. Игнатъев сообщил в Петербург, что ми-

нистр иностранных дел Рашид-паша объявил болгарскому экзарху и константинопольскому патриарху о принятии им решения в пользу фирмана 1870 года, о том, что Порта не намерена признавать схизму и отправлять греческих владык в болгарские епархии, что правительство отныне будет способствовать достижению добровольных договоренностей, направленных на прекращение борьбы в православном милете<sup>156</sup>. Поставленные в безвыходную ситуацию, болгарские и греческие иерархи вынуждены были вновь сесть за стол переговоров.

Если попытаться оценить позицию российского МИД по отношению к болгарскому церковному движению в период 1856–1872 гг. в целом, то придется признать, что она была далеко не всегда адекватна реальной ситуации. Дипломатическое информационное зеркало, отражающее происходившие на Балканах события, было ориентировано, прежде всего, на фокусировку тех элементов, которые в наибольшей степени соответствовали устоявшимся клише и стереотипам европейцев. Соответственно, в практической плоскости работа русских дипломатов оказалась ориентирована, прежде всего, на проработку вопросов узко политического и, отчасти, канонического характера, которые были наиболее понятны в Петербурге и непосредственно затрагивали интересы Российской империи на Балканах и на православном Востоке в целом. Их робкие попытки обратить внимание руководства на особенности османских реалий действительности должного понимания не встречали, а необходимость постоянно учитывать позицию профильного министерства по делам церкви — Святейшего Синода, лишь усложняла ситуацию. Местная специфика, а именно, тот факт, что после 1856 г. болгарский вопрос стал составной частью реформы системы миллетов, упорно ускользала от понимания российских властей. Для болгар, напротив, ситуация была предельно ясна, как, впрочем, и проистекающие от грядущих перемен выгоды. Именно в этом несоответствии и кроется, возможно, главная причина неудач российских дипломатов в деле предлагаемого ими посредничества при урегулировании церковного конфликта.

## Примечания

- 1 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 45.
- 2 *Виноградов В. Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914 гг. М., 2010; *Виноградов В. Н.* Балканская эпопея князя А. М. Горчакова. М., 2005; *Хеврелина В. М.* Николай Павлович Игнатъев. М., 2009; *MacKenzie D.* Count N. P. Ignat'ev:

- The Father of Lies? New York, 2002; Подробную библиографию по истории болгарского церковного движения также см.: *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. София, 2008. Т. 1: Изследване. С. 506–534.
- 3 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 389.
  - 4 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1860 г. Л. 123.
  - 5 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 109.
  - 6 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1860. Д. 44. Л. 228–231.
  - 7 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 99–102.
  - 8 Там же. С. 115.
  - 9 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 388–389.
  - 10 АВПРИ. Ф. Главный архив. I-9. 1862. Д. 25. Ч. I. Л. 455.
  - 11 *Майкова З.* Русия и българският църковно-национален въпрос 1856–1864 // Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. Т. 70. 1980. С. 207–210, 236, 240, 257–258.
  - 12 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 440.
  - 13 *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958. С. 112–113, 135, 142–150.
  - 14 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 202.
  - 15 Там же. С. 135.
  - 16 Там же. С. 217–220.
  - 17 *Жейнов Ив.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейност на генералното консулство на Русия в Русе. 1865–1877. Русе, 2009. С. 80–81.
  - 18 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 1. Записки (1864–1874). София, 2008. С. 438.
  - 19 *Гришина Р. П.* Лики модернизации в Болгарии (Бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 225.
  - 20 *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 183 и сл.
  - 21 *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 2. Документи. София, 2008.
  - 22 *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков. Т. 2. С. 375–377.
  - 23 Там же. С. 393.
  - 24 Там же.
  - 25 Там же. С. 441.
  - 26 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 21.
  - 27 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 255.

- 28 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 234.
- 29 Там же. С. 74.
- 30 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 74.
- 31 Там же. С. 130.
- 32 Там же. С. 216–227.
- 33 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 202, 62, 494; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 169.
- 34 ГАРФ. Ф. 722. Оп. I. Д. 555. Л. 1–9.
- 35 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1860. Д. 527. Л. 116.
- 36 *Маркова З.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989. С. 26; *Тодев Ил. Др. Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, погони.* Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 195.
- 37 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1860. Д. 527. Л. 119.
- 38 Там же. Л. 112.
- 39 Там же. Л. 112–113.
- 40 Там же. Л. 113.
- 41 Там же. Л. 117–118.
- 42 Там же. Л. 140.
- 43 Там же. Л. 140–141.
- 44 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1860 г. Л. 126.
- 45 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1860. Д. 527. Л. 120.
- 46 Там же. 120–121.
- 47 Там же. Л. 141.
- 48 Там же. Л. 124–125.
- 49 Там же. Л. 142.
- 50 Там же. Л. 141.
- 51 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1860 г. Л. 123–124.
- 52 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 96.
- 53 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 61.
- 54 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1860. Д. 527. Л. 142.
- 55 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 22.
- 56 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 150.
- 57 *Ковачева М.* Драган Цанков. Общественик, политик, дипломат до 1878 г. София, 1982. С. 47–48.

- 58 *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. Т. 1. (1859–1865). София, 1965. С. 182; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 10.
- 59 *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. Т. 1. (1859–1865). София, 1965. С. 221–252.
- 60 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 277, 320–321.
- 61 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 34, 343; Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 15.
- 62 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 17.
- 63 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 515.
- 64 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 32–33.
- 65 *Кирил, патриарх Български*. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. Т. 1. (1859–1865). София, 1965. С. 315.
- 66 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 56.
- 67 Там же. С. 274.
- 68 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1860. Д. 56. Л. 288.
- 69 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 390–391.
- 70 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 208.
- 71 Там же. С. 208.
- 72 Там же. С. 69.
- 73 АВПРИ. Ф. Главний архив. I-9. 1862. Д. 25. Ч. I. Л. 455.
- 74 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 144–145.
- 75 Там же. С. 146–149.
- 76 *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 2. Документи. София, 2008. С. 321.
- 77 *Тодев Ил.* Д-р Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 86–87, 185–186, 334–335.
- 78 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 138.
- 79 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1860. Д. 36а. Л. 95–96.
- 80 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 399.

- 81 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. С. 399.
- 82 Там же.
- 83 Там же. С. 400.
- 84 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 226–254.
- 85 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 24.
- 86 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 280.
- 87 Там же. С. 331.
- 88 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 208.
- 89 Там же. С. 209.
- 90 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1864 г. Л. 124.
- 91 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 391–392.
- 92 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 32.
- 93 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1867. Д. 534. Л. 22 об.
- 94 Там же. Л. 24.
- 95 Там же. Л. 23.
- 96 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 2. София, 1990. С. 170.
- 97 Там же.
- 98 Там же. С. 271.
- 99 Там же. С. 230.
- 100 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 1. Записки (1864–1874). София, 2008. С. 442.
- 101 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 1. Ч. 2. София, 1987. С. 146–149.
- 102 *Кирил, патриарх Български.* Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. Изследване и документи. Т. 1. София, 1958. С. 247.
- 103 Там же.
- 104 Там же.
- 105 *Шопов Ат.* Стоян Чомаков. Живот, дейност и архива. София, 1919. С. 404–405.
- 106 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 275.
- 107 Там же.
- 108 *Бурмов Т.* Българо-гръцката църковна распра. София, 1902. С. 367.
- 109 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 297.

- 110 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. 1868. Д. 211. Л. 359–362.
- 111 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 446.
- 112 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 304.
- 113 Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. Т. 3. София, 2002. С. 163–164.
- 114 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1868 г. Л. 13 об.
- 115 *Schoroff A.* Les réformes et la protection des chrétiens en Turquie. 1673–1904. Firmans, bérats, protocoles, traités, capitulations, conventions, arrangements, notes, circulaires, réglemens, lois, mémorandums etc. Paris, 1904. P. 85–89.
- 116 *Маркова З.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989. С. 251–252.
- 117 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 1. Записки (1864–1874). София, 2008. С. 448.
- 118 *Маркова З.* Българската екзархия. 1870–1879. София, 1989. С. 29; *Тодев Ил.* Др. Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 301.
- 119 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426. Ч. IX. Л. 123–126.
- 120 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1870. Л. 279, 280.
- 121 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 34. Л. 279–279 об.
- 122 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1871 г. Л. 255.
- 123 РГИА. Ф. 797. Оп. 27. II отд. 2 ст. Д. 426. Ч. X. Л. 115.
- 124 Там же. Л. 117.
- 125 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. Оп. 181. Д. 760. Л. 13–15 об.
- 126 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1871. Д. 34. Л. 120.
- 127 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1871 г. Л. 255 об.
- 128 Там же. Л. 256.
- 129 *Ников П.* Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, 1971. С. 331.
- 130 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1871 г. Л. 256.
- 131 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 2. Донесения (1865–1876). София, 2009. С. 617.
- 132 Там же. С. 613.
- 133 *Тодев Ил.* Др. Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 365.
- 134 *Farley J.* The Decline of Turkey. London, 1875. P. 36.
- 135 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 2. Донесения (1865–1876). София, 2009. С. 627.
- 136 *Тодев Ил.* Др. Стоян Чомаков (1819–1893). Живот, дело, потомци. Т. 1. Изследване. София, 2008. С. 413.
- 137 Там же. С. 367.
- 138 Там же. С. 367, 369.



- 139 *Граф Игнатиев Н. П.* Дипломатически записки (1864–1874) & Донесения (1865–1876). Т. 2. Донесения (1865–1876). София, 2009. С. 635.
- 140 Там же. С. 627.
- 141 Там же. С. 833.
- 142 Там же.
- 143 *Жейнов Ив.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейност на генералното консулство на Русия в Русе. 1865–1877. Русе, 2009. С. 67.
- 144 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1873. Д. 25. Л. 507.
- 145 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1426. Л. 21–22.
- 146 АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1873 г. Л. 169.
- 147 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. 1872. Д. 21. Л. 4.
- 148 Там же.
- 149 АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2271. Л. 111–112.
- 150 Там же. Л. 65–65 об.
- 151 Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2272. Л. 84–87.
- 152 *Жейнов Ив.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейност на генералното консулство на Русия в Русе. 1865–1877. Русе, 2009. С. 76–78.
- 153 АВПРИ. Ф. Главный архив. V-A<sub>2</sub>. Оп. 181. Д. 764. Л. 19 об.–26 об., 35–39; *Жейнов Ив.* Документи от Архива на външната политика на Руската империя за дейност на генералното консулство на Русия в Русе. 1865–1877. Русе, 2009. С. 79–81, 83–84, 85–86.
- 154 Греко-болгарский церковный вопрос и его решение // Православное обозрение. 1891. № 11/12. С. 720–755.
- 155 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1873. Д. 13. Л. 28–31.
- 156 *Маркова З.* Българската ексархия. 1870–1879. София, 1989. С. 265.

М. М. Фролова

## **Униатское движение в болгарских землях Османской империи и российская дипломатия после Крымской войны (1856–1861 гг.)**

Католическая пропаганда отнюдь не новость на Балканах, но благодаря Хатт-и хумайуну 1856 г., объявившему о религиозной свободе и предусматривавшему реформирование Вселенского патриархата, количество католических миссий в Османской империи значительно увеличилось и сфера их деятельности существенно расширилась. С особым размахом действовал орден «Св. Лазаря». Получив в 1782 г. от папы римского эдикт на духовную деятельность на Востоке и сменив здесь иезуитов, он прочно обосновался в Стамбуле. В 40-е гг. XIX в., опираясь на Гюльханейский хатт 1839 г., при поддержке французской дипломатии лазаристам удалось сделать первый шаг в направлении к унии, когда в 1844 г. ими была организована подача Высокой Порте меморандумов архимандрита Неофита Бозвели (ок. 1785–1848) и монаха Иллариона Михайловского (Макариопольского) (1812–1875) [в 1858 г. он был назначен Константинопольской патриархией епископом (титularным) несуществовавшей Макариопольской епархии]. В меморандумах была сформулирована первая программа по образованию самостоятельной болгарской церкви, что вело к расколу Вселенской патриархии. Лазаристы намеревались в перспективе подвести болгарскую церковь под длань папы римского. Однако Неофит Бозвели и Илларион были сосланы Патриархией на Афон, что обезглавило оформлявшееся болгарское церковное движение и расстроило планы лазаристов.

Развернувшаяся после Крымской войны борьба болгар за самостоятельность своей церкви предоставила миссионерам новые возможности для пропаганды и деятельности. Историография униатского движения в болгарских землях Турции довольно обширна<sup>1</sup>. Исследователи сходятся во мнении, что сильное и энергичное противодейст-

вие со стороны российской дипломатии стало одной из основных причин неудачи унии. Появившиеся в последние десятилетия новые публикации документов<sup>2</sup> содержат важный фактографический материал, что позволяет внимательнее рассмотреть конкретные действия российской дипломатии.

Восстановление престижа России на Востоке после Крымской войны потребовало от министерства иностранных дел создания консульской сети на Балканах. Перед дипломатами были поставлены конкретные задачи, среди которых особое место занимало противодействие латинской пропаганде. Последняя за три года отсутствия официальных представителей России в Турции (во время войны) «усугубила свои усилия» «во многих местностях не без успеха»<sup>3</sup>, что особо подчеркивалось в отчете МИД за 1856 г. Влияние католических миссий особенно начало расти после подачи султану Абдул Меджиду весной 1856 г. петиции от имени 6 400 000 болгар, в которой они просили признать в особом фирмане болгарский народ отдельным народом и позволить ему иметь свою независимую от Константинопольской патриархии церковь, т. е. «создание в рамках» османской «системы миллетов новой болгароориентированной структуры»<sup>4</sup>.

Российские дипломаты оказались в весьма щепетильном положении, поскольку Россия традиционно оказывала поддержку православной церкви на Востоке и покровительствовала славянским народам. Александр II желал сохранить единство Константинопольской патриархии. При первых сведениях о требованиях болгар министр иностранных дел А. М. Горчаков высказал мнение, что «для пользы церкви» богослужение должно отправляться на родном языке, а для этого не только низшее духовенство, но и епископы должны избираться из болгар, в чем русский посланник в Константинополе А. П. Бутенев (1856–1859) должен был убедить патриарха. Директор Азиатского департамента МИД Е. П. Ковалевский выразил надежду на то, что Бутеневу удастся стать посредником между патриархом и болгарам, примирить враждебные стороны, и «тем оказать важную услугу церкви»<sup>5</sup>.

Однако в изменившейся после Парижского мира обстановке русский посланник, несмотря на свою опытность и глубокое знание Востока, оказался в явной изоляции. Холод первой встречи с Вселенским патриархом Кириллом VII (1855–1860) так и не был преодолен. Явное недоброжелательство патриарха в отношении требований болгар, даже самых умеренных, заставляло Бутенева действовать на него

только «дружескими увещеваниями». «Фальшивая нота» в отношении вселенского патриарха к России отчетливо зазвучала в ходе посещения Константинополя российским епископом Кириллом, следовавшим из Петербурга в Иерусалим. После совместного с ним молебна патриарх сделал примечательное признание о том, что Греческая церковь во время Крымской войны совершила великий грех, отрекшись в лице своего главы патриарха Антима от векового союза с Русской церковью, и теперь этот грех ей прощен Русской церковью, которую представлял епископ Кирилл, специально будто бы посланный на Восток как залог примирения. Но тут же спустя несколько часов греческий патриарх негласно уже выпытывал об истинной, т. е. секретной цели поездки русского епископа. Он был уверен, что тот был направлен для того, чтобы раскрыть перед Синодом Русской церкви тайны Восточной церкви. После отъезда русского епископа отношения между патриархом Кириллом и русским посланником приняли прежний вид. Более того, патриарх открыто выказал свою враждебность, провалив в Порте кандидатуру бывшего патриарха Григория, которого Бутенев хотел продвинуть на место Александрийского патриарха<sup>6</sup>. Двуличное поведение патриарха и константинопольского духовенства не способствовало сближению, и вскоре Бутенев и патриарх Кирилл перестали даже встречаться.

Примирительная позиция России в церковном вопросе, подозрительность Порты заставляли константинопольских болгар держаться в стороне от русской миссии. Доверительность в отношениях с ними не появлялась. Они, по словам секретаря посольства Е. П. Новикова (1856–1862), считали чиновников императорской миссии «людьми запоздалыми, жертвами оболъщения ненавистного им Фанара»<sup>7</sup>. Следя за ходом болгарского дела, Бутенев, по его признанию, уклонялся «от всякого непосредственного в нем участия»<sup>8</sup>. Он узнавал о событиях только по их происшествии, как, например, о подаче султану 11 марта 1857 г. новой петиции, в которой просители настаивали на предоставлении болгарскому народу прав, предусмотренных Хатти-хумайуном<sup>9</sup>.

Но Бутеневу удалось внести свою лепту в борьбу с католической пропагандой, которая, по его словам, «тем более опасна, что действует не открытою силою, а под личиною мирного образования и чело-векολюбивых учреждений Запада»<sup>10</sup>. В столице Османской империи, в квартале Бебек, еще в 1843 г. лазаристами было устроено французское училище. В 1855 г. в нем были организованы специальные бол-

гарские классы, был приглашен «особый преподаватель, выучившийся в Одессе русскому языку» (вероятно, Др. Цанков). Сам аббат Е. Боре (1809–1878), известный востоковед, дипломат, великолепный публицист и тонкий теолог, руководитель Ордена лазаристов и его миссий на Востоке, начал изучать русский язык вместе с учениками. «Такое уважение к славянскому языку вообще и к их родному, в особенности, не может не льстить самолюбию болгар»<sup>11</sup>, — подчеркивал Бутенев в своем письме к Горчакову от 20 марта 1857 г.

Кафедра славянского языка в семинарии Патриархии на о. Халки\*, существовавшая с 1850 г., напротив, была закрыта. В греческом коммерческом училище на о. Халки решительно отказывали просьбам болгар ввести преподавание болгарского языка. Кроме того, их национальное чувство ущемлялось тем, что в аттестатах, выдаваемых по окончании училища, у всех воспитанников, даже у болгар, указывалось, что они греки. При этом старосты училища утверждали, что подобной записью делалась «честь болгарам». Без сомнения, при таком отношении болгары начали отдавать своих детей в Бебекское училище лазаристов, которое было хорошо устроено и обеспечено учебными пособиями на болгарском языке, многие из которых были напечатаны не кириллицей, а латиницей.

Успехи лазаристов беспокоили не только императорскую миссию. Для противодействия Е. Боре, Ст. Изворский, закончивший С-Петербургскую духовную академию, выступил с идеей организации в столице Турции народной болгарской школы, которая бы находилась под покровительством и надзором российской императорской миссии, о чем он сообщал в письме от 15 марта 1857 г. к Исидору Новгородскому, митрополиту Санкт-Петербургскому и Финляндскому, и просил его благословения. Князь Ст. Богориди, высокопоставленный турецкий чиновник, поддержал Изворского и предложил эту идею Бутеневу. Причем, дело по организации болгарского училища в Стамбуле до поры до времени держалось в секрете<sup>12</sup>. Весной 1857 г. рядом с болгарской церковью «Св. Стефана» был устроен пансион — вначале для 5 мальчиков из бедных семейств с одним учителем Ст. Изворским и одним священником из болгар. Бутенев выделил на эти цели ежемесячную сумму в 100 руб. сер.<sup>13</sup> и стал хлопотать о ежегодном пособии в 1200 руб., что составляло приблизительно 25 тыс. пиаст-

\* о. Халки — греческое название турецкого острова Хейбелиада, одного из Принцевых островов в Мраморном море, неподалеку от Стамбула.

ров. 5 апреля 1858 г. по докладу Горчакова Александр II распорядился выделять ежегодно требуемую сумму из Государственного казначейства<sup>14</sup>, которую константинопольское училище и получало в течение 20 лет.

Огромная роль в пропаганде унии принадлежала газете «Болгария», которая стала выходить с 28 марта 1859 г. и издавалась до 1863 г. Одновременно с информацией о западноевропейской культуре и ее достижениях в ней помещался материал с жесткой критикой греческого духовенства, который вызывал негодование у болгарских читателей по отношению не только к местному греческому клиру, но и ко всей Константинопольской патриархии, что только усугубляло раздор. Газета активно пропагандировала сначала идею создания самостоятельной болгарской церкви, а затем предложила быстрый и действенный способ решения этого вопроса — переход под юрисдикцию Рима. При этом она объявляла, что в случае оформления унии болгарской церкви гарантировалось проведение служб на славянском языке, сохранение догм и привычной обрядности, а также покровительство Франции и уменьшение налогов. Статьи для «Болгарии» писались талантливыми французскими публицистами-лазаристами, в том числе редактором французской прокатолической газеты в Стамбуле «*Courier d'Orient*» А. Балиго, главой лазаристов Е. Боре и помощником униатского епископа в Стамбуле Ф. Фавериалом. Статьи затем переводились на болгарский язык Др. Цанковым и Хр. Ваклидовым. «Болгария» быстро расходилась и имела успех особенно у болгарской молодежи. В популярности ей сильно уступала газета «Цариградски вестник», придерживавшаяся примирительной линии в болгаро-греческом споре в соответствии с позицией императорской русской миссии. Проигрывал «Цариградски вестник» и в профессиональном мастерстве своей редакции.

Редактор «Болгарии» Драган Цанков (1828–1911) являл собой наглядный пример того, как неудачи России в Крымской войне разрушили надежды болгар на скорое освобождение и переориентировали многих из них на Запад. Начальное образование Драган Цанков получил в родном городе Свиштове, затем в Елене, в 1845 г. поступил в четвертый класс Одесской семинарии, а в 1847 г., вместе с большой группой болгар, приехал в Киев учиться в гимназии. В 1848 г. он тяжело переболел тифом и на летние каникулы уехал в Бухарест к двоюродному брату, где стал свидетелем венгерской революции<sup>15</sup>. Свое дальнейшее обучение Цанков продолжил в Вене. Здесь он

откликнулся на предложение Натанаила Стояновича (Охридского) основать, по примеру хорватов, сербов и чехов, литературное общество «Болгарскую матицу». Издание болгарских книг требовало создания типографии. Цанков обучился типографскому делу и купил оборудование. Однако на открытие типографии в Свиштове требовалось специальное разрешение, за которым Цанков отправился в Стамбул. В июне 1853 г., когда русские войска вошли в Дунайские княжества, Цанков поспешил вернуться в Свиштов, болгарское население которого в августе 1853 г. направило русскому командованию обращение. В нем была выражена вера в освободительную миссию России. В марте 1854 г., когда Франция и Англия объявили России войну, Цанков вернулся в Стамбул, где начал хлопотать об открытии здесь типографии по изданию учебников для болгар. Вначале он получил отказ от властей, заподозривших в нем русского агента. На помощь пришли поляки, с которыми Цанков сблизился еще в первый свой приезд в столицу Османской империи. Его познакомили с Е. Боре, руководителем миссии лазаристов в Стамбуле, расположенной в монастыре «Сан Бенедето». Уже через год Цанков тайно принял католичество<sup>16</sup>, стал преподавателем в католическом училище в Бебеке. Вокруг него начал складываться кружок молодых болгар, которые также пользовались покровительством лазаристов. В 1857 г. заработала его типография, помещение для которой было предоставлено монастырем «Сан Бенедето», и плата за него была низка — 600 пиастров в месяц.

1 января 1858 г. вышел первый номер журнала «Болгарские книжицы», первого научно-популярного журнала на болгарском языке. Его издавала «Община болгарской литературы», председателем которой стал Цанков. Программа журнала предусматривала распространение просвещения «в народном духе, столь долго подавленного преобладающим греческим влиянием, и ограждение родного православия от латинских и протестантских учений», — сообщал в Петербург заступивший в должность российского посланника в Константинополе после Бутенева 35-летний князь А. Б. Лобанов-Ростовский (1859–1863). Первые номера журнала редактировал Д. Мутев, воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, получивший степень доктора философских наук в Берлинском университете.

Журнал «Болгарские книжицы» сразу вызвал к себе интерес, и не только среди болгар. В марте 1858 г. Бутенев рекомендовал это издание новороссийскому и одесскому генерал-губернатору. Однако Мутев вскоре отказался от этого «хлопотного и неблагодарного труда».

Первый же номер «Болгарских книжиц» под редакцией Цанкова (№ 14, июль 1858 г.) содержал «намеку» на возможность произвести в Болгарии унию с римской церковью, не отступая от православия, что вызвало возмущение у членов «Общины болгарской литературы». Цанкова отстранили от редактирования журнала, передав его в ведение Г. Крыстевича, воспитанника князя Ст. Богориди, придерживавшегося весьма умеренной и осторожной позиции в церковном греко-болгарском вопросе.

Осенью 1858 г. в Константинополе находился член Славянского благотворительного комитета А. В. Рачинский (1826–1877), будущий российский вице-консул в Варне (1861–1862). По просьбе императорской миссии он встречался с Цанковым, который объяснил свои действия зависимостью от католической миссии, поскольку его типография была размещена в монастыре «Сан Бенедето». Для устранения ее влияния и опеки, а также перемещения типографии в другое место Цанкову необходимо было расплатиться с долгами. Он говорил, что нуждался как в единовременном, так и в постоянном пособии. Императорская миссия тогда сочла себя не вправе «испрашивать для него пособий у министерства иностранных дел»<sup>17</sup>.

Возвратившись в Москву, Рачинский сообщил членам Славянского благотворительного комитета о трудностях Цанкова и о его типографии, дававшей «дурное направление болгарской литературе». Председатель комитета А. Н. Бахметьев, извещая директора Азиатского департамента Е. П. Ковалевского о новом денежном сборе в марте 1859 г. (который превысил прошлогодний вдвое), справлялся, не «полезно ли сделать пожертвование, чтобы вывести Цанкова, опутанного долгами, из Сан Бенедето, или стараться частным путем убедить Константинопольское настоятельство о переводе издания „Болгарские книжицы“ в другую типографию?»<sup>18</sup>. В начале апреля 1859 г. Ковалевский обратился к Лобанову-Ростовскому, чтобы определить лучший способ остановить «вредное направление» типографии Цанкова.

А тем временем Цанков приступил к выпуску газеты «Болгария», которая с первого номера повела решительную борьбу с греческим духовенством, стремясь возбудить у читателей презрение и ненависть к нему. Константинопольские старейшины призвали к себе Цанкова сразу после появления третьего номера газеты, где осмеивалось предание греческого духовенства в Иерусалиме насчет схождения священного огня в Св. Пасху, которое якобы было специально выдуманно



для привлечения паломников к Гробу Господню. От Цанкова требовали, чтобы подобные святотатственные статьи более не появлялись в его издании.

Со своей стороны Лобанов-Ростовский в начале апреля также пригласил к себе Д. Цанкова для объяснений. Русский посланник указывал на губительность возбуждения газетой страстей в народе, ведущих к вражде между греками и болгарам и даже к расколу, причем в тот момент, когда «Народный совет, заботясь об улучшении в церковном устройстве, вменил уже в обязанность будущему патриарху и Синоду изыскать средства к удовлетворению законных домогательств болгар». Цанкову ничего не оставалось делать, как сознаться в своих прегрешениях, обещать исправиться, сетуя на ложное положение, в каком он находился из-за пребывания его типографии у католиков. Пример с журналом «Болгарские книжицы» и последовавшим изданием газеты «Болгарии» убеждал, что отстранение Цанкова от редактирования или перенос печатания «Болгарских книжиц» в другую типографию, являлись паллиативными мерами. Необходимо было вывести типографию Цанкова из бенедиктинского монастыря, и Лобанов-Ростовский постарался выяснить сумму пособия, необходимую для этого. Оказалось, что Цанков заключил договор с монастырем на год. Но месяца через три, по его заверениям, он смог бы найти благовидный предлог, чтобы перевезти типографию от бенедиктинцев. Кроме того, следовало найти редактора из болгар, чтобы произвести замену двух сотрудников редакции: француза, который сочинял статьи, и «наемного болгарина», который их переводил. Однако Цанков не раскрывал имена своих работников. Лобанов-Ростовский предположил, что француз скорее всего был из числа монахов, а переводчик — из воспитанников бебекской школы лазаристов. За свой труд они получали в месяц всего по 1500 пиастров. Цанков предложил кандидатуру Ивана Богорова, который в отсутствие Мутева, в 1858 г. уже занимался редактированием «Книжиц», и ему была определена плата в 3000 пиастров в месяц. Лобанов-Ростовский добился от Цанкова словесного обязательства «умерить, сколько будет возможно, нынешнее направление» журнала. Он также написал директору Азиатского департамента о необходимости, на его взгляд, «пожертвования», «дабы выручить Цанкова из рук бенедиктинцев»<sup>19</sup>.

Лобанов-Ростовский не замедлил пригласить к себе Ивана Богорова, который учился в Ришельевском лицее в Одессе, а затем окончил Парижский университет со степенью доктора медицинских

наук. Богоров в свое время отказался от редактирования «Болгарских книжиц» из-за недостаточного материального вознаграждения. Он собирался отправиться в Пловдив и там заняться медицинской практикой. На предложение русского посланника Богоров ответил согласием при условии, что месячная плата за редактирование газеты «Болгария» будет в 1000 франков (примерно 6000 пиастров). Второе его условие заключалось в том, чтобы газета была предоставлена ему «в исключительное распоряжение и полную ответственность», что подразумевало решительное отстранение Цанкова от дел. Невыполнимость этих требований была очевидна. Богоров предложил учредить новую независимую славянскую типографию в Стамбуле и перенести туда печатание «Болгарских книжиц», что лишило бы Цанкова ежемесячного дохода в 4000 пиастров и, следовательно, повлекло бы неминуемые затруднения при издании газеты. На организацию новой типографии требовалось не менее 10 тыс. франков (от 50 тыс. до 60 тыс. пиастров), причем прибыльным дело могло стать только через некоторое время, когда в ней будут сконцентрированы все существовавшие болгарские издания. На вопрос, не пожертвуют ли константинопольские старейшины на создание такой типографии, русский посланник получил отрицательный ответ. Впрочем, Богоров был уверен, что они «охотно предложили бы свои услуги для хозяйственного управления оной»<sup>20</sup>.

Беседа Цанкова с русским посланником не изменила тон газеты, напротив, в майских номерах «Болгарии» была четко сформулирована цель для болгарского народа — получить национальное духовенство и церковь, полностью независимые «как от греческого, так и от московского влияния». Лобанов-Ростовский обращал внимание Ковалевского на это совершенно новое явление в болгарской литературе. С одной стороны, оно раскрывало «пути и усердие» латинской церкви, которая, пользуясь раздором между болгарами и греками, вела пропаганду среди болгар. С другой стороны, оно показывало, «до какой степени созрела в народном сознании болгар необходимость иметь национальную иерархию». Константинопольская патриархия, находясь в стадии своего реформирования, не имела возможности, по убеждению Лобанова-Ростовского, деятельно заниматься болгарским вопросом. Газета «Болгария», нападавшая только на греческое духовенство, а не на православную веру, расходилась по Болгарии и в Бухаресте в большом количестве экземпляров. Русский посланник предупреждал, что «при незрелых понятиях читающей молодежи» газета

«может завлечь и самых благонамеренных обманчивою личиною патриотизма и произвести со временем раскол, плодами которого исключительно воспользуется латинская церковь»<sup>21</sup>.

Не обладая на тот момент реальными рычагами воздействия на Цанкова и не имея возможности прекратить издание газеты, Лобанов-Ростовский тем не менее попытался поставить хоть какие-нибудь преграды на пути ее распространения. Так, он предписал консулу в Адрианополе Ступину и вице-консулу в Пловдиве Н. Герову «отклонять болгар» от подписки на газету и разъяснять «потаянные цели» «Болгарии». Следует подчеркнуть, что в 1859 г. на значительной территории Балкан, заселенной болгарами, функционировали всего два российских дипломатических представительства. К. П. Соколов, назначенный в 1857 г. консулом в Видин, в 1859 г. находился в Белграде, являясь одновременно генеральным консулом в столице Сербии и консулом в Видине. В Видине новый консул М. А. Байков появился только в начале июня 1860 г. Императорское вице-консульство в Варне открылось в феврале 1860 г., весной 1861 г. был поднят русский консульский флаг в Битоли, с августа 1862 г. он стал развеиваться в Тырнове. Понятно, насколько сложна была задача, поставленная перед российскими дипломатами, — оказывать действенный отпор католическим миссионерам.

Кроме того, надлежало владеть значительными материальными средствами, чтобы противодействовать западным пропагандистам и, в частности, обуздать Цанкова. Поэтому в докладе от 13 июня 1859 г. Е. П. Ковалевскому российский посланник подчеркнул необходимость «исходатайствовать от монарших щедрот на болгарские нужды продолжение» ежегодного пособия в 10 тыс. руб. сер., которое отпускалось с 1847 г.<sup>22</sup> Но только в конце декабря 1860 г., вероятно, из-за успеха униатского движения, Горчаков склонился поддержать эту просьбу перед императором. Однако министр хотел знать, каким образом эти суммы расходовались прежде, в течение этих 10 лет, и каковы были результаты. Новые ассигнования должны были находиться под непосредственным контролем русского посланника<sup>23</sup>.

В ответ на предписание Лобанова-Ростовского принять меры для сокращения распространения газеты «Болгария» русский консул в Адрианополе Н. Д. Ступин выяснил, что газету здесь получали всего два подписчика, которые были возмущены позицией Цанкова и уже письменно отказались от подписки. Но «Болгария» продолжала поступать, так что получателям ничего не оставалось делать, как

только «истреблять на месте его [Цанкова — М. Ф.] бранные листки». Ступин поспешил «поручить распространение надлежащих болгарам предостережений г. Герову» и своим корреспондентам в Софии, Самокове, Сливне, Ямболе и Казанлыке. Озабоченность русского консула ростом римско-католической и протестантской пропаганды разделяли и «самые известные патриоты греческие, но люди благонамеренные и с верным взглядом на вещи». Они соглашались со Ступиным, что «действительнейшим противоядием влиянию» пропагандистов между болгарами было бы «уничтожение бессильных, но возбудительных препятствий», которые ставились как «развитию воскреснувшей болгарской книжности» со стороны «фанатиков греческой национальности», так и богослужению на славянском языке, которые «носят уже отпечаток невыносимого стеснения и богопротивного гонения»<sup>24</sup>.

Н. Геров, будучи знаком с Цанковым с весны 1857 г., предложил императорской миссии свои услуги в переговорах с ним, поскольку надеялся, что его можно было отклонить от этого пути, исходя из его патриотизма<sup>25</sup>. Благодаря опубликованному в 1931 г. архиву Герова его встречи с издателем газеты «Болгария» хорошо освещены в историографии. Герову не удалось «приобрести» Цанкова: склонить к сотрудничеству с российскими дипломатами. Однако, как подчеркивал патриарх Болгарский Кирилл, идея императорской миссии, состоявшая в призыве к подписчикам газеты «Болгария» отказаться от нее, оказалась плодотворной. Отказы подписчиков и распространителей газеты от ее получения сказывались не только на авторитете Цанкова, но и на его доходах. Впоследствии, в 1860 г., подобная кампания против учебников и книг, отпечатанных в типографии Цанкова, заставила его продать типографию своему сотруднику Хр. Паничкову, также тайному униату<sup>26</sup>.

Католическая пропаганда, с одной стороны, и упорное нежелание греческого духовенства идти навстречу пожеланиям болгарской паствы, с другой, летом 1859 г. в небольшом македонском городке Кукуш Полянинской епархии привели к ситуации, которую предвидел архимандрит Феофан, настоятель русской посольской церкви в Константинополе (1857), когда в письме от 19 марта 1857 г. выразил «немалое опасение, не ожесточились бы болгаре в случае отказа и не обратились бы к папе, который, конечно, готов будет дать им все»<sup>27</sup>. Благодаря стараниям известного просветителя Д. Миладинова (1810–1862), учителя в Кукуше в 1857–1859 гг., вслед за широким

внедрением болгарского языка в преподавание последовала самочинная замена греческого языка на славянский в богослужении, против чего повел решительную борьбу греческий епископ Мелетий, под чьим началом находилась Полянинская епархия в течение 11 лет. Жители Кукуша, в свою очередь, приложили усилия, чтобы избавиться от ненавистного им епископа, известного своей алчностью и сластолюбием. Их очередная жалоба, поданная в начале 1859 г., солунскому митрополиту Неофиту была, наконец, удовлетворена. Мелетий был отстранен от епархии, поскольку при расследовании экзархами его недостойные поступки были доказаны. Кукушане просили себе взамен епископа-болгарина. Российская миссия со своей стороны также несколько раз предстательствовала перед патриархом об удовлетворении этой просьбы<sup>28</sup>. Однако был назначен другой фанариот — Яков Платамонский, заплативший за это место огромную сумму в 300 000 грошей<sup>29</sup>.

В городе Салоники, который по мнению Е. Боре, являлся ключом Македонии и должен был стать городом-моделью для всех верующих, активно действовала миссия ордена «Св. Лазаря», учрежденная еще в 1851 г. Лазаристы, агитировавшие за переход под власть папы римского, убеждали славян в том, что цель унии — в доставлении болгарам независимой иерархии и избавлении их от притеснений греческого духовенства, чтобы при этом не нарушались догматы церкви, и православная вера не подвергалась никаким бедствиям. Они обещали покровительство Франции, а жителям Кукуша еще и открытие хорошо обустроенных мужского и женского училищ. Поэтому столь открытое пренебрежение солунского митрополита просьб кукушан вызвало с их стороны протест. 12 июля 1859 г. кукушане, руководимые старейшиной Нако Станишевым, пользовавшимся в городе уважением и непрекаемым авторитетом, обратились со специальным «Прошением» к папе Пию IX, которое было вручено капеллану католической церкви в Солуне Тюроку и французскому консулу Ш. Тисо. Эти события сохранились до поры до времени в строжайшем секрете.

Кукушская уния достаточно хорошо исследована<sup>30</sup>, но новые документы вносят важные уточнения как в саму последовательность событий, так и в определение роли императорской миссии, о которой в историографии лишь в общих словах отмечается, что она оказала влияние на положительное решение Патриархии в кукушском деле<sup>31</sup>.

О происшествии в Кукуше Лобанов-Ростовский узнал из донесения консула в Салониках А. А. Мустоксида от 1(13) сентября 1859 г.

и немедленно уведомил об этом патриарха. Резолюция посланника, содержащаяся на письме солунского консула, убеждает в том, что в тот момент Лобанов-Ростовский ожидал контрдействий со стороны патриарха<sup>32</sup>. По получении известия об унии «Патриархия испугалась и уныла», — именно так охарактеризовал состояние Вселенской церкви дореволюционный исследователь греко-болгарской распри Н. И. Петров<sup>33</sup>. Он также сообщил, что к архимандриту Петру (Троицкому), настоятелю посольской церкви в Константинополе (1858–1859), тут же «с торопливостью и беспокойством» обратились из Фанара за советом, как следовало бы поступить патриарху. Архимандрит порекомендовал послать в Кукуш преосвященного Иллариона Макариопольского с кем-нибудь из старцев Зографского монастыря, а также удовлетворить все законные требования жителей Кукуша<sup>34</sup>. Последовавшие настоятельные рекомендации в том же духе Лобанова-Ростовского подвигли Вселенского патриарха после совещания с Св. Синодом уступить. Св. Синод уполномочил Иллариона Макариопольского принять Полянскую епархию лично или предложить жителям Кукуша избрать архимандрита Парфения Зографского (1818–1876), которого они прежде просили себе в епископы. Он получил среднее и затем высшее духовное образование, обучаясь сначала в Афинах, затем в Одессе, Кишиневе, Киеве, Москве, и был известен своими трудами на благо просвещения болгарского народа.

Илларион Макариопольский прибыл в Кукуш почти одновременно с главой лазаристов Боре, сопровождаемый Туроком. В первые дни искусный миссионер был успешен в пропаганде, о чем объявила газета «Болгария» 3 октября, подчеркивая, что Илларион потерпел полную неудачу<sup>35</sup>. Вероятно, поэтому Лобанов-Ростовский уполномочил консула в Салониках Мустоксиди поддержать действия Иллариона Макариопольского. В специальном письме от 24 октября 1859 г., poslanном из Салоник с кавасом\*, сообщалось о том, что императорская миссия бдительно следит за исполнением обещаний, которые дала Патриархия, отправляя Иллариона Макариопольского в Кукуш. Владыке следовало напомнить жителям Кукуша о том интересе, который русское правительство не прекращало проявлять к благоденствию болгарского народа и, в первую очередь, к его училищам. Кукушан, при сообщении содержания письма, необходимо было

---

\* Кавас — название почетной стражи в Турции, особ при послах и дипломатических агентах.

уверить от имени российского консула в Салониках и императорской миссии в том, что им будет дан без промедления избранный ими владыка, для чего им нужно было отправить письменное прошение в Патриархию<sup>36</sup>.

26 октября 1859 г. Илларион Макариопольский отвечал Мустоксиди, что Патриархия поставила условие, при котором он или Парфений Зографский могли принять епархию: если жители Кукуша, поступившие под защиту папы римского, дадут гарантии своего возвращения в лоно православной церкви. Однако кукушане не желали подписываться, боясь, что Патриархия начнет на них гонения и разрушит их дома, как это случилось в Охриде и Струмице, где зажиточные люди, преследуемые епископами, прозябали в настоящее время в нищете. Илларион Макариопольский сообщил о законных опасениях кукушан в Патриархию и ожидал от нее предписаний. Он также просил передать Лобанову-Ростовскому, что пребывание в Кукуше господ Боре и Турока и их проповеди не оставили глубокого следа в мировоззрении жителей. Все без исключения жители подходили к Иллариону Макариопольскому и целовали ему руку. Болгары, перешедшие в унию, продолжали исполнять свои религиозные обязанности, как и другие православные. Впрочем, подчеркнул владыка, все христиане, в том числе и покровительствуемые Римом, продолжали не подчиняться церкви, в чем Илларион видел скорее непокорность, нежели истинные религиозные чувства. Он выразил надежду на то, что неподчинение исчезнет, и этот скандал прекратится<sup>37</sup>.

Кукушане подали просьбу в Патриархию о назначении полянинским епископом Иллариона Макариопольского, а затем вновь вернулись к кандидатуре Парфения Зографского, который и был рукоположен епископом полянинским 29 октября 1859 г.<sup>38</sup> Новый епископ был встречен в Кукуше радостно: при его приближении жители вышли ему навстречу из города, демонстрируя свою набожность, уважение и сердечность. Илларион Макариопольский отправился через Салоники в Стамбул. Вслед за ним в Салоники прибыли из Кукуша его старейшины — Нако Станишев и Анастаси. Победа их окрылила, и теперь в разговоре с российским консулом Мустоксиди они заявили, что хотят преобразовать свою епархию в архиепископию по примеру Кассандры и Водена, чтобы избавиться от неприятностей, которые возникали из-за зависимости от солунского митрополита<sup>39</sup>.

Кукушские события заставили директора Азиатского департамента Ковалевского несколько задержать 2750 руб. сер., присланные

в МИД 4 июля 1859 г. согласно единодушному постановлению годовичного собрания Славянского комитета от 28 марта 1859 г. Эти деньги по предложению А. В. Рачинского были выделены на устройство церквей и училищ в Кукуше из суммы в 5963 руб. сер., которую Комитет за год собрал на нужды славян. К концу 1859 г., когда поступили положительные сведения о возвращении кукушан в лоно православной церкви, деньги были доставлены старейшинам Кукуша. В январе 1860 г. Славянский комитет вновь решил послать 2750 руб. сер. в Кукуш<sup>40</sup>.

Итак, жители Кукуша вернулись в лоно православной церкви, в Полянинскую епархию был назначен болгарский архимандрит Парфений, и тем самым была успешно решена двойная задача: отклонены жители Кукуша от унии и получен прецедент назначения в болгарскую епархию болгарского владыки, причем закончившего Московскую духовную академию. Но успех российской дипломатии в Кукуше был временным. В русской миссии не смогли предвидеть дальнейшего разворота греко-болгарского церковного конфликта.

3(15) февраля 1860 г. завершились, наконец, заседания Церковно-народного собора, начавшегося еще 3 октября 1858 г. Он решительно отверг весьма умеренные требования болгар (избрание владыки клиром и паствой епархии, знание ими болгарского языка, фиксирование платы владыкам и прекращение злоупотреблений при сборе церковных налогов). Болгары тайно подготовили и 3 апреля 1860 г. во время торжественной литургии на Пасху провели самочинное провозглашение отделения болгарской церкви от Константинопольской патриархии, о чем заблаговременно была поставлена в известность Порта. Любопытно, что Лобанов-Ростовский стал, сам того не предполагая и естественно не желая, так сказать «побудителем» апрельской акции, поскольку именно пример положительного разрешения дела жителей Кукуша был одним из решительных аргументов на тайном совещании Иллариона Макариопольского, Н. Х. Минчогу, Хр. Топчилештова и др. накануне 3 апреля 1860 г. Своим опытом делился и Нако Станишев, специально приглашенный Илларионом Макариопольским в Стамбул.

Размышляя над болгарским вопросом в письме к Ковалевскому от 17 мая 1860 г., Е. П. Новиков (1856–1862), секретарь посольства, со всей ответственностью заявлял, что русская миссия не может иметь никакого влияния на дальнейший его ход, «по крайней мере, теперь», что ее примирительная роль кончилась, и предлагал в качестве луч-



шей меры — воздержаться от всякого участия в ходе событий. С болгарскими у российской миссии прервались всякие сношения с самой Пасхи. Новиков также указывал, что духовно-нравственная связь между болгарскими и греческой церковью давно потеряна. Исходя из анализа событий, он предвидел, что «римская и протестантская пропаганды смелее поднимут голову, и одна область за другою пойдут отрывать от вселенского единства. И это произойдет тем легче, что, приступая к унии, болгары не принесут в жертву ни своих догматов, ни своих преданий и обрядов, и будут по-прежнему считать себя православными, а римская церковь на первых порах окружит их всеми возможными льготами и потребует от них одной лишь замены имени патриарха именем папы. Не лучше ли, чтобы вместо папы поминался православный, но автокефальный священноначальник?». Новиков утверждал, что создание болгарской автокефальной церкви есть «самая действительная оборона против унии»<sup>41</sup>. Но позиция официальной России принципиально не изменилась: Александр II по-прежнему желал, чтобы разделение Вселенской церкви не состоялось, хотя и не возражал против национальной церкви болгар. Митрополит московский Филарет советовал дать известную церковную автономию в виде болгарской митрополии.

После 3 апреля Порты молчала длительное время, церковь также не налагала «запрещения на болгарского епископа и духовенство», и эта безнаказанность, по мнению Новикова, служила «доказательством бессилия и той, и другой» и оправдывала «до некоторой степени самую идею, лежащую в основании» «болгарского движения»<sup>42</sup>. Болгарский вопрос на время словно повис в воздухе. 5 июня 1860 г. Порты приняла отставку вселенского патриарха Кирилла, и только 4 октября Иоаким II (1860–1863), известный своей неуступчивостью, был провозглашен новым вселенским патриархом. В традиционном берате, которым Высокая Порты подтверждала выбор нового патриарха, перечислялись все епархии, попадавшие под его власть. В берат были включены и болгарские епархии, которые болгары считали отделившимися от юрисдикции константинопольского патриарха в результате Пасхальной акции. Таким образом, надежды на Порты не оправдались.

Ситуацией умело воспользовались католические миссионеры. С лета 1860 г. газета «Болгария» начала массированную подготовку к унии. В начале октября она сообщила о том, что в Стамбуле готовится народная акция: было уже подготовлено прошение, адресо-

ванное Иллариону Макариопольскому. Под ним стояли подписи нескольких тысяч болгар, которые просили Иллариона, чтобы он от имени народа обратился к папе за каноническим подтверждением болгарской иерархии в том случае, если правительство не разрешит болгарского вопроса<sup>43</sup>.

Известие о намерении болгар массово перейти в католическую веру, о чем написали многие газеты, произвело сильное впечатление на Александра II. Горчаков указывал в письме от 19 ноября 1860 г. к Лобанову-Ростовскому, что «отказ болгар от православия будет не только раной для нашей церкви и для нашей совести, но еще будет означать то, что влияние, которое мы имели на наших единоверцев на Востоке, будет заменено иностранным влиянием, — печальный факт как с духовной, так и с политической точки зрения». Министр поручал Лобанову-Ростовскому употребить все усилия, чтобы убедить болгар в том, что «российский император сохраняет к ним любовь и симпатии, которые российские монархи всегда испытывали к нашим единоверцам, находившимся под мусульманским господством»<sup>44</sup>.

На встрече с новым патриархом Лобанов-Ростовский попытался склонить его к мирному урегулированию конфликта. Иоаким II заявил, что созовет комиссию, но предварительно потребовал, чтобы Илларион Макариопольский посетил его в доказательство своей покорности власти Вселенского престола. Илларион решил выяснить мнение своих соотечественников, поэтому 27 ноября состоялось собрание болгарских старейшин с участием болгарского епископа Авксентия Велешского. Ход и резолюции этого важного собрания, о котором в литературе прежде было известно немного, восстанавливаются по донесению Лобанова-Ростовского от 29 ноября (11 декабря) 1860 г. На нем постановили не вступать в унию с Римом, не входить ни в какие переговоры с патриархом. Многочисленные петиции, которые были в свое время переданы Патриархии и Порте, полностью раскрывали желания болгар, поэтому было решено прошений больше не подавать. Илларион Макариопольский был признан духовным главой национальной болгарской церкви, и поэтому он имел право назначать епископов во все болгарские епархии. Собравшиеся были уверены, что со временем факт отделения получит законное признание. Исходя из такой позиции болгар, Лобанов-Ростовский считал, что опасность обращения к католицизму была устранена. Он предполагал, что патриарх все еще имел возможность преодолеть разрыв с

болгарами, если бы быстро, без всякого отлагательства провел реформы церкви. Российский посланник отмечал, что прежние столь настойчивые жалобы болгар на злоупотребления греческого духовенства отошли на задний план, в то время как стремление к полной независимости проявляется все более энергично. 13 декабря, по получении в Петербурге указанного донесения Лобанова-Ростовского, Александр II начертал свою резолюцию: «Единственно хорошо то, что обращение к католицизму устранено»<sup>45</sup>. Но, как оказалось, успокоенность была преждевременной.

Огромное впечатление на константинопольских болгар произвело происшествие «с балчишским священником». В мае Илларион Макариопольский как глава болгарской церкви рукоположил попа Димитрия из Балчика. Однако греческий варненский владыка отказался его признать, а паша предложил попу Димитрию, если тот хочет служить, поцеловать руку владыке и тем самым признать власть патриарха. Поп Димитрий отказался, и его под стражей передали Патриархии, откуда его вызволил с помощью лазаристов и их французских покровителей Цанков<sup>46</sup>. Этот случай еще раз убедительно продемонстрировал то, что Порта защищала интересы Патриархии, и свидетельствовал о силе и влиятельности католических миссионеров.

Лобанов-Ростовский, стремясь сломить упорство вселенского патриарха, попытался воздействовать на него с помощью сербского дипломатического представителя М. Петроновича, но вновь убедился в непоколебимой позиции Иоакима II. Илларион Макариопольский со своей стороны открылся Петроновичу, что и желал бы посетить патриарха, но тогда от него отвернется весь болгарский народ. Илларион подчеркивал, что болгарам оставался один выход: «единственный шанс к спасению — это уния с Римом», крайнее средство, которое, как признавал болгарский владыка, отдаляло болгар и от России, и от Сербии<sup>47</sup>.

Иоаким II не желал прислушиваться к пожеланиям российских дипломатов, что толкнуло константинопольских болгар к очередному использованию кукушского опыта. Русская миссия в силу своей изолированности не смогла помешать подготовке болгар к принятию унии. Группа молодых болгар, руководимая Д. Цанковым, осенью 1860 г. собрала около 3 тыс. подписей в пользу унии и 18 декабря подала прошение папе Пию IX через архиепископа П. Брунони, викария папы в Стамбуле (1858–1869). Лобанов-Ростовский поначалу даже

не сумел достать копию этого документа. В нем были сформулированы условия, на которых болгары желали вступить в унию. Они были очень широкими: болгары просили ничего не менять ни в догматах, ни в ритуалах православной церкви, молитвы о папе произносить только по большим церковным праздникам, патриарха поставить из болгар. Со стороны католических миссионеров было обещано открыть много училищ, церквей. 200 человек уже строили католическую часовню в Пера, в ней должен был служить поп Димитрий из Балчика. Армянский католический архиепископ Хасун, по словам российского посланника, высокоинтеллектуальный и очень деятельный человек, один из авторов проекта перехода болгар в унию, был назначен «представителем болгар перед Портой и папой до тех пор, пока народ не изберет своего духовного главу, который будет носить титул болгарского патриарха». Вечером 18 декабря 1860 г. телеграф разнес новость об унии, приглашая болгар из провинций присоединиться к константинопольским униатам.

Лобанов-Ростовский был дезинформирован относительно участия Иллариона Макариопольского в акции 18 декабря. Хотя его имени не было среди подписей на декларации, врученной Брунони, и болгарский владыка прежде не раз говорил иностранным дипломатам, что чужд этому движению, однако российский посланник, исходя из неверных сведений, полагал, что Илларион Макариопольский надеялся занять пост патриарха, поскольку он де не сомневался, что провинции признают власть папы, а народ благорасположен именно к нему<sup>48</sup>.

18 декабря 1860 г. на болгарском подворье «был собор из более почтенных болгар», как сообщал Т. Бурмов Н. Х. Палаузову. Эту партию умеренных, по сведениям российского посланника, возглавляли два брата Топчилештовы, Христо и Никола, хаджи Николи Минчоглу и Константин П. Ранов. Было решено «ни под каким видом не ходить к патриарху», что предлагала сделать Порта. Собрание также постановило изложить специально для Порты причины, побуждавшие «болгар не послушаться ее в этом случае с более обширным раскрытием прав их на независимую иерархию». В отношении к униатам согласились «увещевать их не делать такого разделения»<sup>49</sup>. Лобанов-Ростовский уточнял, что эта партия имела намерение вручить Порте «историческое изложение мотивов, которые фатальным образом толкали болгар к унии с Римом, что можно было бы избежать, если была бы им дана национальная иерархия»<sup>50</sup>.

Лобанов-Ростовский поспешил также выяснить реакцию вселенского патриарха на униатскую акцию и его намерения, — будет ли он искать способы, чтобы вернуть вероотступников в лоно православной церкви, для чего согласится на реформы, или останется безразличным к схизме всего народа. На встречу был отправлен первый драгоман миссии К. Г. Мострас, поскольку Иоаким II из-за сильной простуды находился в постели. Патриарх был взволнован, но его упорство не было сломлено. Он собирался составить окружное послание для болгарских епархий, в котором бы разъяснялось истинное значение унии. Патриарх был уверен, что этот печальный факт лишь обернется в пользу церкви и ее прославит. Он повторил свое прежнее условие, чтобы Илларион Макариопольский ему подчинился, и только тогда будет поставлен вопрос о созыве комиссии по болгарскому вопросу. Враждебность патриарха к болгарскому владыке, как подчеркивал Лобанов-Ростовский, достигла апогея. Во время беседы он не раз припомнил обещание Али-паши, великого визиря (1858–1859), что Илларион Макариопольский окажется в тюрьме, если будет настойчив в своем отказе посетить патриарха. Иоаким II, подчеркивал российский посланник, только ждал случая, чтобы отлучить от церкви болгарского епископа и отправить его на Афон.

Однако все усилия русской миссии урегулировать греко-болгарский церковный вопрос потерпели неудачу, как подчеркивал Лобанов-Ростовский, из-за «преступной инертности» Иоакима II. Российский дипломат имел мужество признать свое поражение, о чем с горечью писал 21 декабря 1860 г. (2 января 1861 г.) Горчакову. Русский посланник полагал, что его действия только отсрочили развязку, поскольку Патриархия, являвшаяся его «естественным союзником», осталась верна своим «старым заблуждениям». «Истина состоит в том, что болгары не могли долго колебаться между привлекательностью просвещенного, дисциплинированного, неподкупного духовенства, которое творило много благодеяний вокруг себя и обещало всяческую материальную помощь и все блага цивилизации, и упорной пассивностью невежественного и алчного духовенства, которое из-за низких и эгоистичных расчетов пренебрегает исконными интересами православной церкви и своей высшей миссией среди христиан на Востоке, и которое, не творя никакого добра, вымогает у бедняков последние их сбережения». Лобанов-Ростовский откровенно писал, что «в первый раз он полностью теряет надежду на улучшение в состоянии нашей несчастной Восточной церкви. Небо, без сомнения, ее

подвергнет новым испытаниям, пока в ней не произойдет благотворная реорганизация». 2 января 1861 г. Александр II на этом донесении поставил резолюцию: «Все это печально, но это все же не причина, чтобы поддаваться отчаянию»<sup>51</sup>.

Лобанов-Ростовский, несмотря на понимание тщетности своих мер, тем не менее, не прекращал действовать сразу в двух направлениях: пытался уговорить и патриарха, и умеренную партию болгар пойти на взаимные уступки. Но с обеих сторон он встречал «непреодолимое пассивное сопротивление»<sup>52</sup>. Впрочем, князь был информирован о появлении в партии умеренных болгар реакции на жесткую агитацию в пользу унии. Русская миссия приложила все усилия, чтобы эти идеи болгар, «неясные и смутные», обрели четкие формы неприятия унии. Лобанову-Ростовскому удалось убедить партию умеренных болгар выступить с воззванием против заключения церковной унии с Римом<sup>53</sup>. Оно было принято на собрании 22 декабря 1860 г. и его вдохновителями патриарх болгарский Кирилл назвал Иллариона и Авксентия<sup>54</sup>. Этот документ непримиримости к католическим проидам и выражения верности православной вере<sup>55</sup> был по указанию Лобанова-Ростовского напечатан в количестве нескольких тысяч экземпляров для распространения как в столице, так и в провинциях Османской империи. Однако настойчивый совет российского дипломата обратиться к патриарху, чтобы под его верховной властью была сформирована национальная иерархия, остался на собрании не услышанным.

Лобанов-Ростовский, воспользовавшись первым шагом в виде упомянутого воззвания, попытался оказать воздействие на патриарха, который, однако, не был расположен принимать российского посланника. Тогда к Иоакиму был направлен Мострас. Патриарх настаивал в первую очередь на признании своего авторитета, поскольку, как подчеркивал Лобанов-Ростовский, патриарху, вероятно, трудно согласиться провести реформы для народа, который даже не желает к нему обратиться, чтобы их получить. Мострас при повторных переговорах как с патриархом, так и с его непосредственным окружением, которое признавало справедливость болгарских требований, вынес убеждение, что болгары получают всё, если сами придут в Патриархию. Предварительные условия соглашения состояли в следующем: власть константинопольского престола сохранится, назначение избранных болгарскими епископов будет производиться патриархом, Патриархия не будет вмешиваться ни во внутреннее управление болгарской церк-

ви, ни в ее финансовые дела. Об этом было доложено в Петербург в секретной телеграмме от 24 декабря (5 января) 1860 г.

Лобанов-Ростовский незамедлительно обратился к болгарам, чтобы те поторопились прийти к патриарху, пока тот был склонен идти на уступки. Князь вновь прибег к помощи Петроновича и к услугам одного болгарина, имя которого он не называл. Однако собрание болгар встретило предложение русской миссии резко отрицательно: враждебность к греческому духовенству была столь сильна, что даже простая возможность вести переговоры с ним была неприемлема, указывал Лобанов-Ростовский. Впрочем, после жарких споров, решено было созвать 27 декабря собрание для выработки окончательного решения. Но тут подключились протестантские миссионеры, предложившие болгарам присоединиться не к Риму, а к англиканской церкви. Протестанты, апеллируя к истории, предсказывали, что болгары попадут со временем в более тяжелое иго и будут поглощены «латинским элементом». Они убеждали подать в английское посольство свое прошение о создании полностью независимой церкви. Предложение было столь привлекательным, что поколебало недоверчивость болгар, и русская миссия уже предвидела, каких трудов ей будет стоить борьба с новым неприятелем на дипломатическом поле брани<sup>56</sup>. Однако эти опасения не подтвердились.

На собрании во вторник 27 декабря, которое было не менее бурным, чем предыдущее, болгары во главе с Илларионом Макариопольским торжественно заявили, что желают сохранить свою независимость, что отправят петицию Порте для признания болгарской церкви независимой и что все предложения о соглашении, будь то с Константинополем, или с Римом, будут отброшены без дискуссий. Лобанов-Ростовский подчеркнул, что при подобном расположении умов и настроений уступки, на которые было спонтанно согласился патриарх, не имеют шанса быть принятыми болгарами. Российский посланник отметил также изменения в поведении болгарского владыки, который оставил нерешительный и двусмысленный характер своих слов и действий. Решительный язык выступлений Иллариона Макариопольского, которого активно поддерживала болгарская молодежь, выдавала, по наблюдениям российского дипломата, его стремление к престолу болгарской патриархии. Новая просьба была подана министру иностранных дел Османской империи Али-паше. Для изыскания способа удовлетворить обе стороны министр изъявил желание, чтобы была образована смешанная греко-болгарская комиссия. И дело с гре-

ками дошло почти до соглашения, подчеркивал Х. С. Арнаулов, член настоятельства болгарской церкви в Стамбуле, но патриарх издал свое окружное послание для прочтения во всех церквях, в котором осуждалась болгарская уния и стремление болгар к отделению от Константинопольской патриархии. Патриарх также объявил, что Илларион и Авксентий — «суть те самые, которые настроили некоторых сделаться униатами и папистами, и что православная церковь анафемствует их»<sup>57</sup>, что вызвало возмущение болгар. Кроме того, некоторые выражения в этом послании болгарам показались слишком обидными, и они отвечали патриарху подобным же образом, что не способствовало примирению.

Последнее слово, однако, принадлежало провинциям, откуда стали поступать тревожные сведения. После 18 декабря из русской миссии были разосланы циркуляры российским консулам, в которых им предписывалось уведомить болгар об интригах униатов и отклонить их от «пагубного пути». Однако консул в Видине Байков прислал в Стамбул доклад, из которого следовало, что католические миссионеры давно готовили почву для унии в провинциях и что осторожные болгары Видина после второго письма из столицы Турции решились на положительный ответ, предоставляя все свои полномочия константинопольским болгарам. Они «первыми пригласят католических священников крестить своих детей», как только «Болгария встанет под защиту папы»<sup>58</sup>. Этот доклад Байкова ясно показал Лобанову-Ростовскому, что деятельность российских консулов не сможет предотвратить «зло». И, тем не менее, он вновь и вновь направлял указания, чтобы на местах российские дипломаты с неусыпным вниманием следили за действиями иноверных пропаганд и всеми мерами старались поддерживать в славянах чувства их преданности к православной церкви. Посланник рекомендовал установить доверительные отношения со священниками и влиятельными старейшинами<sup>59</sup>.

Противостояние греков и болгар стимулировало энергию католических эмиссаров, которые отправились в Вединскую, Пловдивскую и Шуменскую провинции проповедовать унию, собирать петиции, убеждать сомневающихся присоединиться к унии, используя при этом такой весомый аргумент, как деньги. Именно благодаря им в Адрианополе, по мнению консула И. А. Иванова, появилось значительное число униатов<sup>60</sup>.

30 декабря 1860 г. состоялось провозглашение болгарской унии в епископальной церкви в Стамбуле. Порта сразу признала униатскую



церковь, которая получила от нее свою печать «Соединённая Болгарская Патриархия». Русская миссия постоянно подозревала, что Илларион Макариопольский вел двойную игру, поэтому по возможности следила за его действиями особенно пристально. Архимандрит Антоний, настоятель русской церкви при константинопольской миссии, полагал, что Илларион открыто не поддерживал униатов, но действовал заодно с ними, «или лучше сказать, заставляет их действовать, как ему хочется». Униаты постоянно провоцировали болгарского владыку, причем не ограничивались неоднократным приглашением к высшей должности. В начале января 1861 г. после субботней вечерни в католической церкви было пропето многолетие «святейшему патриарху болгарскому Иллариону».

Илларион Макариопольский, отклоняя все попытки российской миссии помирить его с патриархом, постоянно уверял, что действует не по своей, а по народной воле, и «что народ не успокоится, пока не получит от кого бы то ни было своей и независимой иерархии, получив же ее, он останется православным и сохранит наилучшие отношения к великой церкви». Патриарх решил отлучить Иллариона и отправить его на Афонскую или Синайскую гору. Архимандрит Антоний предполагал, что тогда Илларион, вероятнее всего, прямо присоединится к униатам, выйдет из подчинения патриаршего суда и будет действовать «уже невозбранно на массы народа в качестве политически католического и религиозно православного епископа или патриарха»<sup>61</sup>. Но прогнозы русского священнослужителя не сбылись: Илларион не поддался искушениям униатов и испил чашу отлучения и изгнания до конца.

В Петербурге внимательно следили за событиями, которые лихорадили османскую столицу. 13 января 1861 г. болгарские старейшины в Стамбуле обратились за помощью к протестантам. Получив сведения об ужесточении позиции Вселенского патриарха, 23 января 1861 г. Горчаков отправил шифрованную телеграмму Лобанову-Ростовскому, в которой требовал отказать патриарху в случае, если тот обратится к российскому дипломату, чтобы строго наказать Иллариона и болгар<sup>62</sup>. На следующий день Горчаков вновь телеграфировал в константинопольскую миссию. Было повторено указание удержать патриарха от отлучения Иллариона Макариопольского и болгар<sup>63</sup>.

Порта приняла сторону патриарха, одобрив его программу реформ, состоявших из 15 пунктов, которые удовлетворяли второсте-

пенные требования болгар и не отвечали главным их пожеланиям. Али-паша при встрече с Лобановым-Ростовским заявил, что осуществление больших требований болгар означало санкционирование разделения церквей, чего Порты совсем не желала, поскольку полагала, что независимая болгарская церковь будет брошена «в объятия России», влияние которой усилится. Российский дипломат заключал, что турецкое правительство специально толкало болгар к союзу с Римом. Болгарская униатская община, подчеркивал князь, была признана Портой сразу без проволочек<sup>64</sup>.

Представительный Церковный собор, проходивший в Стамбуле 24–25 февраля 1861 г., лишил сана трех болгарских священников — Иллариона Макариопольского, Авксентия Велешского и Паисия Пловдивского — и осудил их на заточение. Собор также оповестил о программе патриарха с 15 уступками болгарам. Константинопольские болгары обратились со специальной петицией к дипломатам Западной Европы, чтобы те заступились за их священников перед Портой. Однако за отлученных и приговоренных к заключению болгарских священников вступился только Лобанов-Ростовский. Он использовал конференцию дипломатов, собравшихся у посла Франции Лавалета для обсуждения вопросов по Герцеговине, чтобы убедить своих коллег не оставить петицию константинопольских болгар и заступиться перед Али-пашой за опальных священников и, кроме того, поставить вопрос об образовании смешанной болгаро-греческой комиссии. Эти действия русского посланника не были одобрены митрополитом московским Филаретом, который полагал, что князь должен был обсуждать болгарский церковный вопрос только с патриархом, а не с неправославными иностранными послами, представителями Франции, Англии и Пруссии. Однако Александр II нашел мнение митрополита несправедливым. «Главное зло — в непростительном упорстве патриарха, который руководится не православными, а чисто греческими интересами»<sup>65</sup>, — подчеркнул государь. Таким образом, Лобанову-Ростовскому не удалось выполнить указаний Петербурга. Приведенные факты убедительно опровергают утверждение некоторых болгарских историков о том, что турецкое правительство под натиском Патриархии и Лобанова-Ростовского вынуждено было арестовать Иллариона и Авксентия и отправить в тюрьму подальше от Стамбула<sup>66</sup>.

Однако и лазаристы с трудом смогли найти подходящую кандидатуру на место главы болгарской униатской церкви. Свое согласие

дал 72-летний Иосиф Сокольский, архимандрит Сокольского монастыря. Он стал известен императорской миссии с весны 1858 г., когда подал прошение Александру II, в котором отдавал свой монастырь в распоряжение императорского двора, ходатайствуя о выдаче ему на то Высочайшей грамоты. Он также просил, чтобы при монастыре была устроена Духовная академия, а в городах России (С.-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Тифлисе) были устроены подворья монастыря. Архимандрит Иосиф Сокольский предполагал, чтобы на этих подворьях останавливались молодые болгары, приехавшие в Россию для учебы, и чтобы эти подворья давали монастырю доход. Он также желал, чтобы доходы монастыря, которые на тот момент были весьма ограниченными, входили в общую кассу Болгарского благотворительного общества в Одессе, исключая средства, необходимые для поддержания самого монастыря и Духовной академии. Однако по международному праву ни частное лицо, ни какое-либо общество не могли без согласия своего правительства «уступить себя и свою недвижимую собственность чужому правительству». Горчаков счел полезным обратить внимание Бутенева на эту обитель с целью оказывать ей покровительство, а также посоветовать Иосифу Сокольскому на некоторое время отложить поездку в Россию, пока Болгарское настоятельство в Одессе «не откроет своих действий»<sup>67</sup>.

Вице-консулу в Пловдиве Н. Герову поручили разузнать о самом монастыре и его настоятеле. Оказалось, что настоятель, предприимчивый и легковерный человек, действительно сам в 1833 г. основал монастырь в 9 км от Габрово в очень живописной местности. Однако он больше заботился об удобстве помещений для гостей; приезжавших в монастырь как на загородную прогулку. Церковь же оставалась в пренебрежении — не имела не только никаких украшений, но и была не отштукатуренной внутри, не имела храмовой иконы Успения. Герова поразила бедность церкви, невиданная им прежде нигде в Болгарии<sup>68</sup>. 10 октября 1859 г. он сообщал в императорскую миссию о просьбе Иосифа Сокольского разрешить ему приехать в Киев и Москву на поклонение русским святыням. В конце 1860 г. Иосиф оказался в Стамбуле, где его подхватила униатская стихия. Снедаемый честолюбием, желая, по свидетельству Т. Бурмова, получить архиерейский сан<sup>69</sup>, Иосиф Сокольский решил возглавить болгарскую униатскую церковь.

14 апреля 1861 г. в Риме он был торжественно посвящен в архиепископы всех болгар-униатов. Порта официально признала его сан.

Он становился миллет-баши болгароуниатской общины, которая получала благоприятные перспективы для своего бытия и развития в структуре Османской империи. Но 6 (18) июня 1861 г. Иосиф Сокольский в сопровождении П. Славейкова пришел в императорскую миссию, откуда его в тайне, на лодке, доставили на российский пароход «Эльбрус», который немедленно вышел из Константинополя в Одессу. И. Сокольский, и Славейков не имели даже паспортов с собой. Славейков затем вернулся в Стамбул, а И. Сокольский до конца дней своих проживал в Киево-Печерской лавре<sup>70</sup>. Благодаря этой блестяще проведенной русской дипломатией акцией по вывозу Иосифа Сокольского в Одессу уния была обезглавлена, что остановило поступательное развитие униатского движения. Начался процесс отхода болгар от унии.

В историографии распространено мнение, что исполнение этой акции после внимательного обсуждения в Петербурге было возложено на Герова, который действовал через П. Р. Славейкова, потребовавшего хорошего вознаграждения<sup>71</sup>. Немалая роль в увещевании Сокольского принадлежала и самому Лобанову-Ростовскому<sup>72</sup>. Болгарский историк И. Тодев, справедливо отмечая все еще недостаточную изученность этого сюжета, высказал интересное предположение о том, что инициатором акции явился доктор Чомаков, который при личной встрече с русским посланником предложил эту идею. Чомаков вместе с Геровым задумал и провел эту акцию через Славейкова<sup>73</sup>. Многие авторитетные деятели болгарского возрождения, такие как доктор Чомаков, прежде негласно поддерживавшие действия Драгана Цанкова, изменили свою позицию, поскольку уния не поколебала твердости патриарха Иоакима II, и кукушский вариант не прошел. Появилась реальная угроза расколоть болгарский народ. Впрочем, через год в январе 1862 г. в разговоре с Влад. Йорданом, польским резидентом А. Чарторыйского, Чомаков дал совсем иную оценку действиям Сокольского, отозвавшись, что его «отступничество покрыло нас позором в глазах Европы»<sup>74</sup>.

Свой голос против унии возвысил Г. С. Раковский. С ним провел переговоры генеральный консул в Белграде А. Е. Влангали, который затем сообщил в Петербург, что Раковский согласился «служить нашим интересам», не принимая программу Патриархии, чтобы не потерять влияние у соотечественников. Правда, за свое содействие болгарский патриот просил вознаграждение и разрешение распространять свою газету «Дунавски лебед» в России<sup>75</sup>.

Противодействия императорской миссии католической пропаганде и униатскому движению среди болгар не могли не затрагивать интересы дипломатии Франции. В письме от 20 марта 1857 г. Бутенев привел убедительные доказательства содействия латинским миссионерам со стороны французского двора. Опытный дипломат подозревал негласное, но деятельное участие иностранных агентов в болгарском деле. Он отмечал, что не только миссионеры, но и французский посол Тувенел (1855–1860) следил с особенным вниманием за современным положением греческой церкви и тесно связанными с ней судьбами болгар. Он собирал сведения о членах Синода, узнал историю болгарской церкви. В доверительной беседе с Бутеневым посол Франции признался в том, что, по его мнению, болгары имели право на свою национальную церковь, независимую от Константинопольской патриархии, «такую митрополию, какая существовала у них в Охриде в прошлом столетии»<sup>76</sup>.

Успехом российской дипломатии стало достижение договоренностей между Наполеоном III и Александром II в сентябре 1857 г. в Штутгарте. В связи с подготовкой к войне с Австрией Франция за благожелательный нейтралитет России обещала учитывать ее интересы на Востоке и, в частности, воздерживаться от вмешательства в деятельность католических миссионеров, на что обратила внимание И. Ф. Макарова. Эти договоренности, по ее мнению, снизили уровень поддержки болгарского прозелитизма со стороны Франции<sup>77</sup>. Однако действительность была сложнее: французские дипломаты постоянно вели двойную игру. Так, в кукушском деле французский консул в Салониках Тисо с самого начала тайно помогал миссионерам, а французское посольство в Стамбуле ходатайствовало перед Портой за кукушских униатов.

В вопросе константинопольской унии французский посол маркиз де Лавалет (1860–1861), по наблюдениям Лобанова-Ростовского, держался по отношению к болгарам весьма корректно, подчеркивая, что завоевания католицизма не входят в круг его обязанностей<sup>78</sup>. Лавалет категорично отказал католическому духовенству в денежной помощи для обращенных в унию, вновь повторив, что желает находиться в стороне от их дел<sup>79</sup>. Отстраненность французского посольства от происходящих событий демонстрировалась всему дипломатическому корпусу и особенно российскому посланнику, которого просили сообщить об их позиции по отношению к болгарским униатам в Петербург. Но, как убедительно доказал болгарский историк Н. Ген-

чев, посольству Франции в Стамбуле при запрещении открытого и прямого вмешательства в униатское движение было поручено тайно его вести в нужном для Франции направлении. Установив 28 ноября 1860 г. контакты с руководителями болгарских униатов, французская дипломатия оказывала негласную поддержку всему движению и действиям лазаристов. Министр иностранных дел Франции Тувенел (1860–1863) в начале декабря 1860 г. прислал в Стамбул инструкцию, в которой указывалось не пренебрегать ни одним усилием для укрепления тех «тенденций, которые бы довели до мирного и законного распространения католицизма на Востоке». С января 1861 г. Лавалет активизировал свое скрытое содействие униатам. В феврале 1861 г. он официально обратился к Али-паше с тем, чтобы была признана самостоятельность униатской общины, и его просьба была удовлетворена<sup>80</sup>. В июне 1864 г. российский консул в Адрианополе Золотарев представил прямые доказательства того, что в 1860 г. Лавалет тайно действовал против русских дипломатов<sup>81</sup>. Очень активен был французский консул Шампоазо, как в Пловдиве, так и в Адрианополе. В феврале 1861 г. русский консул Иванов отмечал, что французский консул в Адрианополе Тисо не был чужд интригам католиков и что агенты латинского духовенства в Стамбуле, не колеблясь, обещали покровительство Франции всем болгарам, отрекшимся от православия. Эта информация с Балкан сопровождалась резолюцией Александра II: «Необходимо сообщить Монтгелло!»<sup>82</sup>, французскому послу в Петербурге. Горчакову периодически приходилось напоминать французскому МИД о штутгартских договоренностях<sup>83</sup>. Но французская дипломатия в вопросе унии продолжала занимать позицию молчаливого содействия лазаристам<sup>84</sup>.

В историографии высказана точка зрения, что провалу унии способствовало то обстоятельство, что Россия направила на нее «много денег, средств и людей»<sup>85</sup>. Однако простое арифметическое сопоставление количества российских консулов и вице-консулов в болгарских землях (Адрианополь, Салоники, Пловдив, Видин, Варна) и ордена Св Лазаря опровергает это мнение. В 1856 г. в Стамбуле миссия лазаристов состояла из 7 духовных лиц и 4 учителей, в Бебеке работали 9 миссионеров, в Салониках — 3 миссионера, в Битоли было 2 миссионера<sup>86</sup>. Консул в Адрианополе Иванов констатировал в декабре 1869 г., что наблюдать за всеми происками католической пропаганды было нелегко за невозможностью охватить огромное пространство Адрианопольского вилайета, поскольку не было агентов.

Консулам оставалось лишь следить за центральными учреждениями пропаганды в Адрианополе<sup>87</sup>. Так точно дело обстояло и в других районах Балкан.

Финансовые средства, которыми могли располагать российские дипломаты, далеко уступали материальной обеспеченности католических миссионеров, поскольку Россия, вступившая после Крымской войны в период внутренних реформ, находилась в жестких финансовых тисках. Кроме того, в первые годы после Крымской войны российская миссия в Стамбуле не обладала необходимой силой и влиянием: ни А. П. Бугеневу, ни А. Б. Лобанову-Ростовскому не удалось наладить конструктивных отношений ни с турецкой высшей властью, ни с Патриархией, ни с христианскими общинами. Усилия императорской миссии восстановить мир в Константинопольской патриархии, склонив спорящие стороны к компромиссам, потерпели полную неудачу, поскольку не встретили ответное движение со стороны как болгар, так и патриарха.

Но в своем противостоянии католическим миссионерам российская дипломатия получила поддержку со стороны многих болгар, в сознании которых продолжало сохраняться консервативное восприятие понятий «верь» и «народности», слитых воедино. В течение многовекового проживания в составе Османской империи болгарский народ держался за православие, и «борьба за свое вероисповедание ассоциировалась в народном сознании с защитой рода»<sup>88</sup>. Поэтому они откликнулись на идею Лобанова-Ростовского прекратить подписку на газету «Болгария». Они подписали и затем распространяли воззвание против заключения церковной унии с Римом от 22 декабря 1860 г. Против унии вместе с российской дипломатией выступили многие авторитетные лидеры болгарского возрождения, которые, хотя и приобрели религиозную индифферентность в результате постижения европейской цивилизации, но не желали раскола в своем народе.

Массовый исход болгар из унии был вызван и бесцеремонным поведением самих католических миссионеров, которые, попирая национальные чувства, стали вмешиваться в работу болгарской униатской общины. В нарушение обещаний и посулов ими был форсирован ввод католических догматов и ритуалов в церковную службу, в обучение детей. В результате оказалось, что болгары-униаты получили вместо своего самостоятельного национального духовенства полную подчиненность армянокатолическому архиепископу Хасуну, архи-

епископу Брунони, католическим миссионерам-лазаристам, польским эмигрантам<sup>89</sup>.

Быстрое возвращение болгар-униатов в православие убедило Вселенскую патриархию в том, что уния для нее не так опасна и что болгары используют ее как средство шантажа или пугала, по определению вице-консула в Варне А. А. Ольхина<sup>90</sup>. Попытки Лобанова-Ростовского подвигнуть патриарха к компромиссу в болгарском вопросе в начале августа 1861 г., указывая на активизацию латинской пропаганды в Адрианополе и Салониках и сохраняющуюся опасность унии, были напрасны. Вселенский патриарх Иоаким II твердо стоял на том, что болгарский народ в своей массе предан православной церкви, чтобы отречься от веры своих предков, и что недавние волнения болгар — дело нескольких подстрекателей, а пропаганда всегда действовала, но безуспешно. «Впрочем, добавил патриарх, даже если бы и все болгары перешли в католицизм, я бы предпочел этот результат, нежели что-либо изменять в вековых традициях церкви»<sup>91</sup>.

Успокоенность вселенского патриарха отнюдь не разделяли в Петербурге, откуда постоянно поступали указания противодействовать всеми силами западной пропаганде на Балканах, которой в то время нужно было «имя и цифра», а не «чистосердечное религиозное обращение». После 1861 г., учтя и проанализировав свои ошибки, католические миссии основное внимание направили на устройство бесплатных школ, в которых преподавание велось на болгарском языке, чтобы через образование подрастающего поколения развернуть болгарский народ к католицизму. Начался новый виток в наступлении католических миссий на православное болгарское население Османской империи.

## Примечания

- <sup>1</sup> Кирил, патриарх Български. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX век. София, 1962. Ч. 1; Дамянов С. Франция и българската национална революция. София, 1968; Аилуашвили К. С. Национально-освободительная борьба болгарского народа против фанариотского ига и Россия. Тбилиси, 1978; Генчев Н. Франция в българското духовно възраждане. София, 1979; Косев Д. Борба за самостоятелна национална църква // История на България. София, 1987. Т. 6. С. 124–190.
- <sup>2</sup> Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. София, 1987. Т. 1. Ч. 1 и Ч. 2; Т. 2. София, 1990; Т. 3. София, 2002.
- <sup>3</sup> Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 41. С. 109.
- <sup>4</sup> Макарова И. Ф. Болгары и Танзимат. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010. С. 136.



- 5 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 20. С. 65.
- 6 Там же. № 101. С. 217.
- 7 Там же. № 193. С. 390.
- 8 Там же. № 51. С. 134.
- 9 Там же. С. 130.
- 10 Там же. С. 132.
- 11 Там же.
- 12 Там же. № 49. С. 126.
- 13 Там же. № 50. С. 127–128.
- 14 Там же. № 90. С. 201.
- 15 *Ковачева М.* Драган Цанков: общественик, политик, дипломат до 1878. София, 1982. С. 30–34.
- 16 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 107.
- 17 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 113. С. 257–258.
- 18 Там же. № 109. С. 252.
- 19 Там же. № 113. С. 259–260.
- 20 Там же. № 117. С. 270–272.
- 21 Там же. № 126. С. 287.
- 22 Там же. № 126. С. 287–288.
- 23 Там же. № 239. С. 520–521.
- 24 Там же. № 130. С. 293–294.
- 25 Архив на Найден Геров под ред. на М. Г. Попруженко. София, 1931. Ч. 1. С. 94.
- 26 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 118–119.
- 27 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 50. С. 128.
- 28 *Петров Н. И.* Начало греско-българской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886. С. 90.
- 29 *Маджуров Н.* Кукуш и българският църковен въпрос // 100 години от учредяването на Българската екзархия. София, 1971. С. 235.
- 30 *Влахов Т.* Кукуш и неговото минало. София, 1969. С. 72–125.
- 31 *Маджуров Н.* Кукуш и българският църковен въпрос. С. 238; *Жечев Т.* Българският Великден или страстите български. София, 1976. С. 49.
- 32 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 143. С. 311–312.
- 33 *Петров Н. И.* Начало греско-българской распри. С. 91.
- 34 Там же.
- 35 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 124.
- 36 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 151. С. 323–324.
- 37 Там же. № 153. С. 325–326.
- 38 *Маджуров Н.* Кукуш и българският църковен въпрос. С. 239.

- 39 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 157. С. 330.
- 40 Там же. № 170. С. 350.
- 41 Там же. № 193. С. 389–392.
- 42 Там же. С. 390.
- 43 *Жечев Т.* Българският Великден... С. 101.
- 44 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 224. С. 484.
- 45 Там же. № 230. С. 494–495.
- 46 *Жечев Т.* Българският Великден... С. 126–127.
- 47 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 235. С. 505–506.
- 48 Там же. № 235. С. 506–508.
- 49 Там же. № 234. С. 504–505.
- 50 Там же. № 235. С. 507.
- 51 Там же. № 236. С. 513–514.
- 52 Там же. № 240. С. 523.
- 53 Там же. № 241. С. 525.
- 54 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 200.
- 55 Там же. № 237. С. 515–519.
- 56 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 241. С. 525–528.
- 57 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. № 256. Приложение 1. С. 35.
- 58 Там же. Т. 1. Ч. 1. № 241. Приложение 1. С. 532.
- 59 Архив на Н. Геров. Т. 1. № 176. С. 184–185; № 179. С. 189.
- 60 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. № 262. С. 55–56.
- 61 Там же. № 245. С. 10–11.
- 62 Там же. № 252. С. 30.
- 63 Там же. № 253. С. 31.
- 64 Там же. № 262. С. 54–55.
- 65 Там же. № 286. С. 115.
- 66 *Генчев, Н.* Франция в българското духовно възрождане. С. 157.
- 67 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 94. С. 206–208.
- 68 Архив на Н. Геров. № 66. С. 64–66.
- 69 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 234. С. 504.
- 70 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 271–272.
- 71 *Генчев С.* Франция в българското духовно възрождане. С. 164–165.
- 72 *Лилуашвили К. С.* Национально-освободителная борьба... С. 100.
- 73 *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков. (1819–1893). Живот, дело, потомци. София, 2003. Т. 1. С. 172–173.

- 74 *Тодев И.* Д-р Стоян Чомаков. (1819–1893). Т. 2. С. 320.
- 75 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С. 164.
- 76 Там же. Т. 1. Ч. 1. № 51. С. 132–134.
- 77 *Макарова И. Ф.* Болгары и Танзимат. С. 157.
- 78 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 1. № 235. С. 509.
- 79 Там же. № 241. С. 528.
- 80 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С. 153–154.
- 81 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 2. № 29. С. 65.
- 82 Там же. Т. 1. Ч. 2. № 262. С. 55–56.
- 83 Там же. № 334. С. 208.
- 84 *Дамянов С.* Франция и българската национална революция. С. 110.
- 85 *Генчев Н.* Франция в българското духовно възраждане. С. 173.
- 86 Там же. С. 102.
- 87 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 3. № 244. С. 532–533.
- 88 *Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. М., 2005. С. 162.
- 89 *Кирил, патриарх Български.* Католическата пропаганда... С. 271.
- 90 Русия и българското национално-освободително движение. Т. 1. Ч. 2. № 368. С. 286.
- 91 Там же. № 304. С. 145.

И. В. Чуркина

## Пик русофильских настроений у словенских либералов (70–80-е гг. XIX в.)

Русофильство было характерным явлением для многих славянских народов, находившихся под чужеземной властью. И это не случайно, ибо Россия в конце XVIII в. являлась единственной славянской страной, имевшей собственную государственность. Кроме того, она к тому времени стала одной из могущественнейших европейских держав, с которой вынуждены были считаться и европейские государства, и еще достаточно сильная Османская империя. У словенцев, как и у многих австрийских славян, русофильские настроения появились в последней трети XVIII в., когда началось словенское Возрождение, и словенским будителям понадобилась аргументация для доказательства права словенцев на свободное развитие. Они исходили из существовавшего в то время в научной среде убеждения, что славяне являются одним народом, следовательно, словенцы, как и другие славяне, могут по праву гордиться достижениями русских и считать их своими. Помимо этого Россия в то время находилась в союзе с Габсбургской монархией: они вместе сражались в Семилетней войне, в войнах против Османской империи, в войнах против наполеоновской Франции. Русофильские настроения никак не противоречили австрийскому патриотизму. Русофильские идеи у словенских национальных деятелей существовали в том или ином виде на протяжении всего XIX в., то усиливаясь, то ослабевая в зависимости от складывавшейся политической обстановки.

Особую роль в развитии русофильских идей в словенском национальном движении сыграл Балканский кризис, начавшийся с восстания в 1875 г. в Боснии и Герцеговине сербов и закончившийся русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Все словенские национальные деятели, особенно либерального толка, отнеслись с сочувствием к восстанию. Некоторые либералы связывали с ним далеко идущие планы, надеясь на создание после победы повстанцев независимого югославянского государства. Словенские патриоты учредили комитет,

который занимался сбором пожертвований в пользу герцеговинцев. Словенцы приветствовали вступление в войну с Османской империей Сербии и Черногории в 1876 г. Но неуспехи повстанцев, разгром сербских и черногорских войск привели словенских политиков к убеждению, что только вступление в войну России может обеспечить победу славян на Балканах. Объявление Россией войны Турции 24 апреля 1877 г. было встречено словенской общественностью с воодушевлением и великими надеждами. «Каждый словенец и каждый славянин знает и чувствует, что нашей будет родственная кровь, которая потечет в Болгарии, — писал „Словенски народ“ 28 апреля 1877 г., — что успех русского оружия есть успех всего славянства, то есть также и наш»<sup>1</sup>.

С победой России словенские либералы связывали самые смелые планы. «Словенски народ» опубликовал статью хорватского политика П. Томича, в которой он утверждал, что «решение восточного вопроса принесет... и решение чешского, польского и хорватского вопросов». К этому утверждению редакция газеты добавляла: «с хорватским вопросом будет решен также и словенский вопрос»<sup>2</sup>. Под решением чешского, польского, хорватского и словенского вопросов редакция подразумевала их политическое освобождение.

Причины такого горячего сочувствия словенцев борьбе балканских славян и русской армии против османских поработителей очень точно объясняет словенский историк В. Мелик. События на Балканах, указывает он, стали для словенцев неотъемлемой частью их собственной политической борьбы. Поскольку симпатии правительства и немецкой партии были на стороне турок, то «всякая победа повстанцев, сербов или русских являлась вместе с тем и словенской победой, а всякое их поражение — также и словенским поражением»<sup>3</sup>.

Но уже в начале 1878 г. словенским политикам стало ясно, что победа русских не принесет немедленных плодов славянам Австро-Венгрии. «Словенски народ» привел на своих страницах статью одного из чешских лидеров Л. Ригера, в которой он заявлял, что в ближайший год славянский вопрос не будет решен полностью. По его мнению, русско-турецкая война принесет свободу только балканским славянам, а для австрийских славян она будет полезной лишь тем, что создаст условия, которые они смогут использовать затем в своих интересах<sup>4</sup>.

Но надежда на Россию у словенцев оставалась, только планы ее осуществления отдалялись на неопределенное время. В настоящий же

момент словенские патриоты призывали соотечественников изучать русский язык. «Опираясь на знание русского языка и на все духовные достижения этого 80-миллионного народа... мы могли бы успешно сопротивляться распространяющемуся германизму и италянизму и сохранить свой славянский характер и язык», — писал корреспондент из Верхней Крайны. А корреспондент из Триеста советовал изучать русский язык в интересах развития словенской торговли<sup>5</sup>.

Русско-турецкая война содействовала распространению русофильских настроений среди самых широких слоев словенского населения. Об этом свидетельствуют корреспонденции в «Словенски народ» из небольших городков и сел. Так корреспондент из Трбовель (центра угольной промышленности в Крайне) сообщал, что и простой крестьянин, и рудокоп, и чернорабочий с нетерпением ожидают победы русских над турками. Корреспондент признавал, что простые люди в Трбовелях до войны мало чего слышали о русских, а теперь они желают русским самого большого счастья<sup>6</sup>. О том же писал корреспондент из крестьянской Тухинской долины: все ее жители радуются победам русских и никто не сочувствует туркам<sup>7</sup>. Падение Плевны словенская молодежь отметила разжиганием костров на горах, пением и плясками вокруг них, как это обычно делалось в большие национальные праздники со времен язычества. Корреспондент из Краса отмечал: «русский в глазах нашего крестьянина храбрый силач, которого никто не может победить»<sup>8</sup>.

Словенцы приветствовали заключение Сан-Стефанского договора, благоприятного для России и балканских славян. Но против него выступили европейские державы, особенно Англия и Австро-Венгрия. Англичане угрожали России введением в проливы своего флота, Австро-Венгрия стала готовиться к оккупации Боснии и Герцеговины. Эти маневры были восприняты словенской общественностью с неудовольствием. «Влияние и силу на Востоке Австрия может иметь только в дружбе с Россией» — писал «Словенски народ»<sup>9</sup>. Словенский депутат в рейхсрате Йосип Вошняк заявил на одном из его заседаний, что война Австрии против России была бы воспринята как «удар кулаком в лицо 16 млн. австрийских славян, она бы стала началом конца Австрии»<sup>10</sup>. Такие настроения прослеживались и среди сельского населения. «Когда наши крестьяне слышат о войне с Россией, — писал в „Словенски народ“ корреспондент из Краса, — в которую нас хотят втянуть наши мадьяры, они смеются над этим желанием, как над детским поступком... Русско-турецкая война сильно повлияла на нашего

крестьянина... Крестьяне питают такое священное уважение к русскому народу, которое не поддается описанию»<sup>11</sup>.

Резкое осложнение политической обстановки в Европе охладило надежды словенских политиков на скорое освобождение словенцев с помощью России. Но все же Россия в их глазах превратилась в могучую защитницу славянских народов. Пример Болгарии, Черногории, Сербии, славянских государств на Балканах, обретших свою самостоятельность с помощью России, все же давал мечтам и проектам словенских политиков реальное направление. Вера в освободительную миссию России окрепла.

Симпатии к России у словенцев подкреплялись ухудшением их политического и экономического положения. В начале 70-х гг. словенские земли охватил экономический кризис, который разразился во всех землях Австро-Венгрии. Этот кризис привел к разорению десятков тысяч крестьян, ремесленников, средних и мелких торговцев. В начале 70-ых гг. к власти в Вене пришли немецкие либералы, которые начали проводить активную германизацию словенцев и чехов. Венское правительство поддерживали пангерманские националистические организации. Началась усиленная ассимиляция словенцев Штирии и Каринтии, где немцы составляли большинство населения, а во главе провинциальных властей стояли немецкие политики.

В 1879 г. в Вене к власти пришли консерваторы во главе с Э. Тааффе. Умеренный консерватор он предоставил некоторые права славянам, ослабив тем самым германизаторский натиск на них. В новых условиях часть словенских либералов стала сотрудничать с консерваторами. Однако некоторые либеральные деятели из нового поколения не были довольны этой политикой. Они группировались вокруг банкира Ивана Хрибара и писателя Ивана Тавчара. В историографию они вошли под именем радикалов.

К ним близок был поэт И. Стритар, проживавший в Вене. В 1879 г. он стал снова издавать журнал «Звон», в котором пропагандировал идею славянского мессионизма, доказывая, что славянство принесет миру благородство и человеколюбие и этим будет способствовать прогрессу.

С 1881 г. стал выходить в свет литературный журнал либералов «Люблянски звон» (Ljubljanski zvon). В нем с самого начала оформилось русофильское направление, главным представителем которого стал Ф. Целестин. В 1869 г. он эмигрировал в Россию, где в 1869–1870 г. учился в Славянском учительском институте, в 1870–

1873 г. преподавал древние языки во Владимирской и Харьковской гимназиях, в 1873 г. он вернулся в Австро-Венгрию и стал преподавать славянские языки и литературу в Загребском университете. В 1875 г. Целестин опубликовал на немецком языке книгу «Россия со времени отмены крепостного права», в которой резко критиковал российскую бюрократию и способ проведения в ней реформ. Эта книга была запрещена в России. Однако во время русско-турецкой войны Целестин вновь поверил в то, что только Россия сможет стать освободительницей славян. Целестин, как и русские славянофилы, исходил из убеждения, что славянство представляет собою особый культурный тип, при этом православное славянство сохраняет специфические черты этого типа в большей степени, чем католические<sup>12</sup>. Западная капиталистическая цивилизация вызывала у него отвращение. «Капитализм, — писал он 20 декабря 1881 г. словенскому критику и историку литературы Ф. Левцу, — бессердечная эксплуатация целых народов со стороны капиталистов, которые пожирают сначала мелких собственников, а затем и крупных, что увеличивает число социальных рабов... капитализм, развивающийся согласно своей природной тенденции, грозит, по моему глубокому убеждению, цивилизации вообще»<sup>13</sup>. Лозунги, которые провозглашала Великая Французская революция, считал Целестин, так и не были осуществлены. Он видел выход для славян «в постоянном прогрессе не только господствующих классов, как это было и есть на Западе, но всего славянского мира в целом вплоть до самых низших слоев»<sup>14</sup>. Из русских общественных деятелей Целестин высоко ценил В. Г. Белинского, А. И. Герцена, а также ранних западников: Станкевича, Грановского, указывая, что они «хотели служить обществу, народу»<sup>15</sup>.

Но самые горячие симпатии Целестина принадлежали славянофилам, которые, по его мнению, призывали общество «любить весь народ и заниматься также и положением самых низших народных слоев, а также важной и интересной русской общиной». Из славянофилов Целестин выделял братьев К. С. и И. С. Аксаковых. Особенно высоко он ставил деятельность И. С. Аксакова, который, по его мнению, много сделал для отмены крепостного права и «с таким ясным сознанием и без всяких предрассудков, такой горячей любовью любил все славянство»<sup>16</sup>. Высоко оценивал Целестин деятельность И. С. Аксакова в период Восточного кризиса и русско-турецкой войны. Одновременно он симпатизировал и М. Н. Каткову: «Он любил царя и отечество, был полезен царю, будил патриотизм, любил славянство и все благородное в человечестве»<sup>17</sup>.



Целестин во многом являлся последователем русских славянофилов, хотя не во всем с ними соглашался. Так, 17 июня 1883 г. он писал протоиерею русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевскому: «Я верю, что славянство не проживет даром, не внеся своей самобытной доли в культурную жизнь. Но это „что-то другое, чего на Западе и у нас нет“ (как вы изволили выразиться), хотел бы видеть более определенным, чтоб Россия и остальное славянство могло все более приближаться /к/ этой правде». Целестин полагал, что у православных славян, особенно у русских, есть элементы, необходимые для выполнения своей мировой задачи, однако он отмечал, что в России «процесс ассимиляции с Западом в политической и экономической жизни, — к моему очень большому сожалению — идет так быстро вперед». Целестин был уверен, что пойдя по капиталистическому пути Россия не пропадет, но ей придется испытать лишние мучения<sup>18</sup>.

Помимо «Люблянского звона» радикалы издавали в 1884–1887 гг. газету «Слован» (Slovan). Целью газеты была пропаганда более радикальной политики по отношению к властям, чем проводили либералы старшего поколения. В ее программе говорилось, что славяне являются единым народом, что «словенский народ — только малая часть всего славянства, подобная изолированному озеру, которое постепенно высохнет, если не получит притока из великого славянского моря». Для «Слована» была характерна всеславянская ориентация, близкая к взглядам Матии Маяра, придерживавшегося всеславянских взглядов, на что указывало само название газеты «Слован» (у Маяра газета называлась «Славян»). «Слован» много писал о культуре и политике разных славянских народов, большое внимание уделял России. Он хвалил идеологию русских славянофилов, которые первыми обратили внимание русской общественности на самую важную часть общества — крестьян и указали на способ уничтожения гигантских различий в народе<sup>19</sup>.

Все же главными для «Слована» являлись вопросы культуры. Он особенно пропагандировал русскую культуру. На его страницах были опубликованы статьи о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе, А. Н. Островском, И. С. Аксакове. Политические и экономические материалы о России помещались редко.

Наиболее активно распространял русофильские идеи главный орган либералов «Словенски народ». Он находился под контролем Ивана Хрибара, который в то время являлся директором Национальной типографии, где печаталась газета. В нее писал Ф. Целестин.

В 1878 г. он высказывался за развитие славянской взаимности под эгидой России<sup>20</sup>.

В 1886–1887 гг. самыми видными корреспондентами газеты «Словенски народ» стали Ф. Подгорник и Д. Хостник. Подгорник, словенский журналист, освещал внутреннюю политику Австро-Венгрии, вопросы борьбы словенцев за свои национальные права. Хостник, словенский эмигрант в России, учитель иностранных языков в гимназии, писал корреспонденции о России.

Статьи Хостника печатались достаточно часто в период с марта 1886 г. по ноябрь 1887 г. Они сыграли заметную роль в формировании словенской русофильской идеологии. Их высоко оценил впоследствии И. Хрибар. «Он посылал очень остроумные и интересные статьи, которые подписывал псевдонимом „Круторогов“, — вспоминал И. Хрибар. — Все эти статьи были полны славянского воодушевления и имели своей целью расчистить путь к сближению славянских народов»<sup>21</sup>. Такая оценка указывает на значительное совпадение взглядов Хрибара и Хостника.

В первой статье «Письма из России», посвященной 25-у юбилею манифеста об освобождении крестьян от крепостного права, Хостник с грустью отмечал, что хотя он имел большое значение для России, но его праздновали очень скромно. Он указывал, что это связано с тем, что прежние антагонизмы остались в силе: дворяне и крестьяне не приблизились друг к другу. На отношения между крестьянами и помещиками Хостник смотрел глазами сына крестьянина, всем сердцем сочувствуя последним. Он описывал русских дворян как жестоких людей, недоучек. В противовес им он рисовал крестьян с большой симпатией, защищая их от тех характеристик, которые давали им немцы, как воров и пьяниц. «Не верьте этому, — писал Хостник. — Если русский мужик крадет, то лишь в том случае, если ему грозит смерть от голода... Пьет русский мужик и с горя, и с радости... Русский народ благороден, добр, честен, нельзя забывать, что 25 лет назад он был еще рабом, скотиной помещика»<sup>22</sup>. Вместе с тем Хостник осуждал русских революционеров, в частности убийство ими Александра II.

Что касается оценки внешней политики России, то в этом вопросе Хостник стоял на позициях русского консервативного журналиста М. Н. Каткова, высказывания которого он не раз цитировал в своих статьях. В нем Хостник видел «искреннего патриота, искреннего русского и горячего защитника русского величия и славянской идеи».

Хостник считал, что Катков для России имеет такое же значение, как Бисмарк для Германии<sup>23</sup>.

Главное зло для славян Хостник видел в бисмарковской Германии. В статье «Будущая война между Россией и Германией» он писал о неизбежном военном столкновении славян с немцами. Главной силой со стороны славян должна была выступить Россия. Если Бисмарку удастся задавить Россию, подчеркивал Хостник, «он сможет играючи держать в руках другие славянские народы и топить их один за другим в немецком море». Но если Россия в решающей битве уничтожит германский милитаризм, «тогда начнется время, когда славянин сможет жить как хочет, хозяином в своем доме, на своей земле»<sup>24</sup>. Хостник полагал, что Россия — главный оплот славянства, его естественная мать. Она охраняет его от насилий немцев. Но и она нуждается в поддержке славян, «ибо Россия черпает значительную часть своего могущества в сочувствии австрийских славян»<sup>25</sup>.

Интересно, что хотя непосредственная угроза германизации для словенцев исходила от венского правительства, Хостник видел главную опасность не в Габсбургах, а именно в Объединенной Германии, в ее поддержке австрийских немцев.

Признавая огромную роль России в судьбах славян, Хостник предлагал сделать русский язык языком общения между славянами, а, кроме того, считал необходимым ввести у всех славян кирилло-мефодиевскую церковь. Эта церковь он не называл православной, но указывал, что она должна быть независимой от Рима и богослужение в ней должно было вестись на славянском языке. Хостник решительно выступал против начавших набирать силу в словенских землях клерикалов, которые считали основной национальной чертой словенцев их принадлежность к католической церкви.

Корреспонденции Хостника вызывали недовольство властей. Из-за них они дважды конфисковали отдельные номера «Словенского народа» (№ 268 от 23 ноября и № 272 от 4 декабря 1886 г.). Однако решающий удар был нанесен газете спустя год. В конце октября — начале ноября 1887 г. в «Словенском народе» была опубликована новая статья Хостника. В ней он критиковал австрийское правительство за то, что оно способствовало германизации ряда славянских областей, а также выступал против политики римского Папы, назвав его «извергом человечества»<sup>26</sup>. Статья вызвала бурю негодования в австрийской прессе. Даже император Франц Иосиф счел возможным упрекнуть словенского депутата в рейхсрате Поклукара в русофильстве словен-

ских газет. Вслед за этим горицкий архиепископ Я. Миссия, один из идеологов словенского клерикализма, 26 ноября опубликовал пасторское послание, подписанное всеми семью епископами Горицкого архиепископства. Послание было направлено против газеты «Словенски народ» и других либеральных изданий, которые обвинялись в антиавстрийских и антикатолических взглядах. Всем верным католикам запрещалось в них сотрудничать и даже подписываться на них. Это послание было напечатано в клерикальной немецкой газете «Фатерланд» 6 декабря 1887 г.<sup>27</sup> После этого полностью были изменены редакция «Словенского народа» и дирекция Национальной типографии. Словенские издания резко уменьшили количество статей, посвященных России, они приобрели чисто информативный характер. Сильно упала подписка на либеральные издания.

С этих пор русофильские взгляды стали проповедоваться либералами в маргинальных изданиях, вдали от словенской столицы.

## Примечания

- 1 Slovenski narod. 1877. № 98 (28.IV).
- 2 Slovenski narod. 1877. № 134 (15.VI).
- 3 *Melik V.* Slovenska politika v drugi polovici sedemdesetih let 19. stoletja // *Zgodovinski časopis.* 1974. № 3–4. S. 272.
- 4 Slovenski narod. 1878. № 7 (9.I).
- 5 Slovenski narod. 1878. № 75 (2.IV); № 78 (5.IV).
- 6 Slovenski narod. 1877. № 228 (6.X).
- 7 Slovenski narod. 1877. № 250 (1.XI).
- 8 Slovenski narod. 1878. № 73 (29.III).
- 9 Slovenski narod. 1878. 8-III.
- 10 *Melik V.* Slovenska politika. S. 275.
- 11 Slovenski narod. 1878. 29.III.
- 12 *Ljubljanski zvon.* 1887. № 11. S. 686, 687.
- 13 *Boršnik M.* Fran Celestin. Ljubljana. 1951. S. 178.
- 14 *Ljubljanski zvon.* 1887. № 11. S. 680.
- 15 *Ljubljanski zvon.* 1886. № 1. S. 40, 41; N2. S. 102.
- 16 *Ljubljanski zvon.* 1886. № 3. S. 169, 170.
- 17 *Ljubljanski zvon.* 1887. № 9. S. 539–546.
- 18 *Зарубежные славяне и Россия.* М. 1975. С. 459, 460.
- 19 *Slovan.* Ljubljana. 1884. № 1. S. 1.
- 20 *Legiša L., Slodnjak A.* Zgodovina slovenskega slovstva. Zv. 2. Ljubljana. 1959. S. 295, 296.
- 21 *Hribar I.* Moji spomini. D. 1. Ljubljana. 1928. S. 88.

- 
- <sup>22</sup> Slovenski narod. 1886. 5.04, 8.04.
- <sup>23</sup> Slovenski narod. 1887. 6.08.
- <sup>24</sup> Slovenski narod. 1886. 3, 5.04.
- <sup>25</sup> Slovenski narod. 1887. 3.10.
- <sup>26</sup> *Kermavner D.* Slovenska politika v letih 1879 do 1895. Politično-zgodovinske opombe k peti knjigi Ivana Prijatelja. Slovenska kulturno-politična in slovstvena zgodovina 1848–1895. Ljubljana, 1966. S. 402–405.
- <sup>27</sup> Ibid. S. 425.

М. А. Ямбаев

## **Болгаро-македонское революционное движение на рубеже XIX–XX вв.: Отношения Болгарии и официальной России**

В октябре 1893 г. в г. Салоники были заложены основы Внутренней македонской революционной организации. На первом заседании присутствовали: Д. Груев, Х. Татарчев, И. Хаджиниколов, П. Попарсов, А. Димитров, Х. Батанджиев. Председателем ЦК был избран Х. Татарчев, секретарем — Д. Груев. В следующем году к организации присоединился Г. Делчев. Целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т. е. реализация его 23-й статьи, обещавшей проведение в Македонии реформ. В первые месяцы 1894 г. цель организации была конкретизирована — достижение автономии Македонии. Х. Татарчев вспоминал, что основоположники Организации не могли провозгласить её целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», т. к. осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов»<sup>1</sup>.

До 1896 г. организация, созданная в Салониках, носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г., она называлась Болгарские македонско-одринские\* революционные комитеты (БМОРК), с 1902 г. по 1905 г. — Тайная македонско-одринская революционная организация (ТМОРО), а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО)<sup>2</sup>. [Для простоты восприятия в статье, в основном, будет ис-

---

\* От болгарского названия Адрианопольского вилайета Османской империи — Одрински.

пользоваться устоявшаяся в историографии аббревиатура «ВМРО» — Внутренняя македонская революционная организация, или же термин «Организация». — М. Я.]

Согласно первому из известных уставов революционной организации — Уставу БМОК 1896 г. — членом организации мог стать «любой *болгарин* [курсив мой. — М. Я.], ничем себя не скомпрометировавший, ...который обещает быть полезным революционному освободительному движению». Позднее это узконациональное положение было изменено, и членом Организации мог быть «любой македонец [т. е. житель македонских вилайетов. — М. Я.] или одринец [т. е. житель Адрианопольского вилайета. — М. Я.]» (Устав ТМОРО 1902 г.), а затем — «любой живущий в Европейской Турции» (Устав ВМОРО 1905 г.)<sup>3</sup>.

Вслед за созданием Салоникского (Солунского) комитета его руководители приступили к организации местных революционных комитетов по всей Македонии. На съезде Организации в 1896 г. Солунский комитет был признан Центральным, а территория Македонии разделена на революционные округа. Было принято решение об учреждении Заграничного представительства Организации в Софии для связи с международной общественностью и поставок в Македонию литературы, финансовых средств и оружия. Первыми заграничными представителями стали Г. Делчев и Г. Петров.

Таким образом, Организация изначально носила болгарский национальный характер. Ее политические цели отвечали интересам болгарского княжества. Поэтому, в той или иной мере, она имела определенную поддержку, если не в целом болгарских правительств, то отдельных министров. Как отмечал исследователь болгаро-македонского революционного движения К. Пандев: «В течение известного времени Внутренняя организация поддерживала связи с болгарским правительством. В данном случае обе стороны преследовали свои цели. Организация стремилась использовать материальную и моральную поддержку, которую ей могло оказать правительство. К. Стоилов [глава болгарского правительства в 1894—1899 гг. — М. Я.], со своей стороны, стремился оторвать Организацию от Верховного Македонского Комитета, и в то же время показать, что не перестал... интересоваться освободительным делом». В своих отношениях с ВМРО Стоилов использовал открытые в 1897 г. болгарские торговые агентства в Македонии. Через них он пытался установить прямой контакт с деятелями Организации. Поэтому секретарями в агентствах были на-

значены люди близкие к ней — Карайовов, Наумов и др. Кроме того, оказывая помощь, он старался навязать Организации свое влияние, подчинить ее и воспрепятствовать ее активным действиям, которые могли бы вызвать осложнения<sup>4</sup>.

В июне 1896 г. Г. Петров был принят премьером К. Стоиловым. Петров сообщил о положении дел в Македонии. (Стоилов записал в дневнике: «Георгий Петров из Прилепа, житель Македонии и агент военного министерства в Македонии»). Петров утверждал, что в Македонии существует почва для революции, что требуется вооружить население провинции, а для этого необходимо 5–10 тыс. ружей и около 100 тыс. левов. Он предложил взять эти деньги «вместе с экзархийскими суммами», а Экзархату дать за них расписку». В июле Стоилов принял другого видного деятеля Организации Х. Матова. Последний получил от Ускюбского экзархийского митрополита Синесия визитную карточку, представлявшую Матова как «доверенное лицо» митрополита. Стоилов записал в дневнике: «Матов, директор училища в Скопье: революционная идея очень распространена в Македонии; сербская пропаганда не опасна... есть потребность в оружии»<sup>5</sup>.

Основное количество вооружения для Организации поступало из Болгарии, что облегчалось тем, что четыре из шести революционных округов Организации — Скопский, Струмицкий, Сересский и Одринский (Адрианопольский) — граничили с Болгарией. Оружие поставляли также греческие, албанские и турецкие контрабандисты. Большую помощь в вооружении чет оказывал Верховный Македонский Комитет в Софии. Важным источником снабжения чет боеприпасами была и болгарская армия — вынос оружия из казарм и с армейских складов носил постоянный характер. Кроме того, деньги для Организации выделяло болгарское правительство. Еще летом 1896 г. Д. Груев встретился в Софии с видными деятелями Македонских комитетов Б. Сарафовым и А. Бозуковым, представившими его военному министру (1887–1896 гг.) Рачо Петрову. Груев попросил его помочь оружием для Организации. Министр обещал ему «под свою личную ответственность» 200 винтовок системы Мартини<sup>6</sup>.

Болгарский историк С. Грынчаров подчеркивал, что наряду с политическими партиями, институтами верховной власти и т. п. к ре-

---

<sup>4</sup> То есть деньгами, поступающими на содержание церкви Болгарского экзархата в Македонии.



альным компонентам политической структуры Болгарии следует отнести еще и «значительную эмиграцию болгар из Македонии и Адрианопольского вилайета». Он убедительно показал «постоянное и солидное присутствие македонских болгар абсолютно во всех сферах болгарской общественной, политической и культурной жизни». Следствием этого «специфически болгарского» явления было то обстоятельство, что общественное мнение страны постоянно живо интересовалось действиями болгарского правительства в македонском вопросе и живо на них реагировало<sup>7</sup>. В Болгарии в 1893 г. возникли военные (или офицерские) македонские братства. Представители Внутренней Организации тесно сотрудничали с ними, особенно, после того как их возглавил И. Цончев, оказавший Организации значительную помощь. Связи Организации с офицерскими братствами особо беспокоили болгарское правительство. Болгарские торговые агенты в Македонии докладывали, что деятельность Организации направляется неким «офицерским комитетом», под руководством высших болгарских офицеров. В октябре 1897 г. болгарский торговый агент в Салониках А. Шопов доложил Стоилову, что «местный комитет имеет своих руководителей в Софии. Главный их руководитель — офицерский комитет, во главе которого стоят бывший военный министр Р. Петров и бывший македонский учитель Г. Петров». Торговый агент в Ускюбе (совр. г. Скопье — столица Республики Македония) Д. Ризов сообщал в марте 1898 г., что «бывший военный министр Р. Петров в компании с македонским шалопаем\* Гьорше Петровым (родом из Прилепа) якобы составили некий тайный македонский комитет...»<sup>8</sup>.

Как руководящий орган легальной организации македонских обществ в Болгарии в марте 1895 г. был создан Македонский комитет под руководством Т. Китанчева. После Второго съезда в том же 1895 г. он получил название Верховный македонский комитет, а в 1900 г. — Верховный македонско-одринский комитет<sup>9</sup>. ВМК своей целью также провозглашал достижение автономии Македонии. В армии его создание было встречено с энтузиазмом, офицеры сдавали деньги в фонд комитета, заявляли о готовности добровольцами отправиться в Македонию.

В 1893–1896 гг. Внутренняя организация довольно успешно конспирировала свою деятельность. Аресты отдельных ее членов не приводили к крупным разоблачениям.

---

\* В оригинале: «нехранимайка» — болг. — бездельник, лодырь, шалопаи.

Первым серьезным провалом в деятельности революционных комитетов Организации стало т. н. «Виницкое дело» 1897 г. (См. подробнее о нем ниже). После этого Гоце Делчев формирует первые небольшие четы (отряды) в Болгарии, которые переправляются в Македонию весной 1898 г. Появляются и местные четы (около Кичево и др.). В конце 1899 г. ЦК ВМРО принимает решение о создании чет организации во всей Македонии<sup>10</sup>. Таким образом, «Виницкое дело», преследования и репрессии со стороны турецких властей подтолкнули революционеров к созданию первых **регулярных нелегальных боевых единиц Организации — чет**<sup>11</sup>.

Однако первые террористические группы «для наказания уличенных шпионов» были созданы по решению ЦК ещё в конце 1895 г. В 1896 г. городской комитет Организации в Крушево создал террористическую группу, которая наказывала «провинившихся перед организацией без различия их веры и народности, собирала средства на нужды организации, помогала её вооружению». Подобные группы существовали во многих районах Македонии. Салоникский съезд Организации 1896 г. официально классифицировал эти группы как «тайную полицию организации»; их задача состояла в слежке за делами внутренних и внешних врагов, а также в защите от них.

Болгарский торговый агент в Скопье Д. Ризов докладывал министру иностранных дел и исповеданий Т. Теодорову в июне 1898 г.: «Около двух-трех недель назад Г. Петров отправил из Софии в Македонию несколько экзальтированных македонских патриотов, с целью убивать людей и таким образом собирать средства для „дела“... Гьорче не забыл произвести этих молодых людей в штаб-офицерский революционный чин „террористы“»<sup>12</sup>. Несколько подробнее писал об этой акции заменявший Ризова Наумов: Петров со товарищи «решили взяться за свое старое ремесло — террор». Причем, недавний провал в Винице никак не повлиял на них. «В середине июня через Виницу они отправили семь человек молодых людей... с террористической миссией убивать всех тех (турки, болгары и пр.), кто так или иначе мешал или мешает революционному делу в Македонии»<sup>13</sup>. В 1897 г. в Македонии было убито несколько «сербских агентов». Убийства продолжились и в последующие годы<sup>14</sup>.

От деятельности чет страдало, прежде всего, мирное сельское население — и христианское, и мусульманское. Множество свидетельств тому можно найти в донесениях русских консулов из Македонии. Кроме того, четы старательно избегали столкновений с регулярными

частями турецкой армии и полиции. Они не планировали и не готовили атак на боевые подразделения. Все стычки носили для чет спонтанный характер, являясь результатом засад, погонь и т. п. Так или иначе, деятельность чет была по сути своей провокационной, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан в Македонии с тем, чтобы «привлечь внимание» международной общественности к положению дел в этой области, заставить Европу воздействовать на Турцию, чтобы та ввела-таки автономно Македонии.

Если вернуться к четам, то их основной задачей провозглашалась организация и непосредственная подготовка населения к предстоящей вооруженной борьбе. Инструкции Организации прямо предписывали вербовать «разбойников» в ряды организации, казнить не только провинившихся перед Организацией, но и просто «неудобных людей» и т. п.<sup>15</sup>

В конце XIX в. центр тяжести внешней политики Российской империи постепенно переместился с Ближнего Востока на Дальний. Россия старалась укрепить свои позиции в Китае и Маньчжурии, готовясь к войне с Японией. В этих условиях Петербург не мог проводить активной политики на Ближнем Востоке. Это показал и провал известного проекта А. И. Нелидова 1896 г. о захвате черноморских проливов. Логически следовало, что наиболее выгодным для России было бы поддержание статус кво на Балканах и в Османской империи. Особое беспокойство вызывали в этом отношении Балканы — постоянный источник смут, взаимных территориальных претензий малых стран региона и точка пересечения интересов европейских государств, в первую очередь, России и Австро-Венгрии. Не случайно министр иностранных дел России (1895–1896 гг.) А. Б. Лобанов-Ростовский писал: «Нам надо бы поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»<sup>16</sup>. Преемник Лобанова-Ростовского М. Н. Муравьев (1897–1900 гг.) разделяя в этом отношении его взгляды.

Внутренние противоречия в правительстве Австро-Венгрии, усиление национальных движений в стране, шаги Германии и Англии по сближению с Россией заставляли Вену искать новые подходы во внешней политике. Австро-Венгрия обратилась в поисках союзника к России. Россию же беспокоило проникновение Австро-Венгрии в Сербию, Болгарию и Румынию, ее сепаратные действия на Балканах.

Позиция МИД России состояла в следующем: не связывая себя никакими обязательствами, поддерживать стремление Австро-Венгрии

к сближению, преподать балканским государствам заранее согласованные «советы миролюбия и умеренности»<sup>17</sup>. «Советы миролюбия и умеренности» предполагалось «преподать», в первую очередь, Болгарии, с территории которой в Македонию проникали вооруженные отряды, дестабилизирующие обстановку в регионе. Существовало опасение, что «горячие головы» постараются не упустить случая воспользоваться греко-турецкой войной и попытаться предпринять новые акции в Македонии — наподобие акции 1895 г. Легально действовавший в Княжестве Верховный Македонский Комитет, как и ВМРО, ставил своей целью достижение автономии Македонии. Реализация этой цели не означала бы ничего иного, кроме нарушения статус кво на Балканах. А подобный прецедент существовал: в 1885 г., в разрез с положениями Берлинского договора, произошло объединение Княжества Болгарии с Восточной Румелией.

В апреле 1897 г. в ходе визита Франца-Иосифа и главы австрийского МИД А. Голуховского в Петербург состоялось заключение австро-русского соглашения. Во время переговоров было проявлено совпадение позиций двух правительств относительно балканских событий. Страны соглашались проводить единую линию по стабилизации положения на Балканах. Соглашение состоялось в форме обмена нотами министерств иностранных дел России и Австро-Венгрии с австрийским послом в Петербурге Лихтенштейном<sup>18</sup>. Ноты содержали разночтения<sup>19</sup>. В общем, стороны сходились в трех пунктах: 1) поддерживать статус кво на Балканах, пока это возможно; 2) когда это станет невозможным, исключить завоевательные планы на полуострове, как со стороны обеих стран, так и со стороны других государств; 3) вынести вопрос о Константинополе и проливах за рамки предметов соглашения. Таким образом, стороны договорились по самым общим вопросам, а при их конкретизации выявились разногласия. Так, Вена предлагала определенный вариант раздела Балканского полуострова, а Петербург считал такое решение преждевременным<sup>20</sup>. В письме к послу в Вене графу П. А. Капнисту от 13 (25) мая 1897 г. М. Н. Муравьев предписывал «придерживаться при дальнейших переговорах с венским кабинетом общих положений, не входя в обсуждение подробностей и отдельных вопросов»<sup>21</sup>.

После восстановления в 1896 г. отношений с Болгарией дипломатическим представителем в Софию был направлен Н. В. Чарыков, бывший до этого советником в русском посольстве в Берлине. В данной ему инструкции МИД<sup>22</sup>, утвержденной Николаем II 5 марта 1896 г., указывалось, что дружественные отношения с Болгарией должны разви-

ваться по двум направлениям: 1) «на почве международных отношений и 2) в области внутренней жизни Болгарского княжества»<sup>23</sup>.

О плохой осведомленности МИД в тонкостях македонского вопроса говорят соответствующие положения инструкции: «Что же касается до Македонии, то наше сближение с болгарским правительством дает нам возможность влиять умиряющим образом на его вождедения касательно названной области.

Вы уже преподали ему совет соблюдать в этом отношении осторожность и крайнюю осмотрительность, а также заявили, что ни мы, ни другие державы, не допустим агитации в Македонии, могущей вызвать восстание весной и поставить на очередь весь восточный вопрос. Советы эти произвели, по-видимому, желаемое действие»<sup>24</sup>.

Далее в инструкции подчеркивалось: «...Мы твердо желаем улучшения быта христианских народов Турецкой империи, но не можем допустить ни с чьей стороны внезапного и насильственного разрушения этой империи». Признавая настоятельную необходимость «улучшения теперешнего административного положения в македонских вилайетах», инструкция утверждала, что «в настоящее время следует ограничиться введением в них некоторых местных реформ». Высказывалась надежда, что они могли бы способствовать «если не разрешению, то, по крайней мере, отсрочке македонского вопроса»<sup>25</sup>.

МИД России и Н. В. Чарыков не были информированы о проходивших в Афинах и Софии в январе 1897 г. болгаро-греческих переговорах. Соответственно, не знали они и об их предмете — возможном взаимодействии в предстоящем конфликте Греции с Османской империей. Провал переговоров определил нейтралитет Болгарии. Неосведомленный в этом вопросе Чарыков с оптимизмом докладывал 11 февраля 1897 г. Муравьеву о том, что, несмотря на вмешательство Греции в критские события, которые «гораздо обостреннее прошлогодних волнений», болгарское правительство относится к ним намного «спокойнее, хладнокровнее и благоразумнее, чем прошлым летом». Так, даже в оппозиционных газетах и печатных органах македонских комитетов не раздаются призывов к оружию и предложений правительству и добровольцам «воспользоваться критским замешательством для того, чтобы вторгнуться в Македонию». Напротив, «господствует опасение», что это сделают греки, заставив тем самым болгар и сербов «нарушить местный status quo». Причины такого отношения болгар (точнее — официальной Софии) Чарыков видит в следующем: 1) Они поняли, что означенный status quo более выгоден для

них, чем для их соперников, т. к. болгарская культурная пропаганда путем церквей и школ, делает в Македонии несомненные и прочные успехи, обеспечивая в будущем страну эту за болгарской народностью.

2) Болгары поняли, что они могут рассчитывать на благоволение России только, если они будут следовать ее советам, направленным к предотвращению волнений в Македонии. «Если же мы утратим благоволение России, — сказал на днях князь Фердинанд, ...выразив тем господствующее в Княжестве убеждение, — то мы пропали [Тайно потворствуя македонским комитетам в Княжестве, Фердинанд и в дальнейшем будет убеждать русских представителей в строгом следовании советам России, в чем преуспееет. — М. Я.]»<sup>26</sup>.

Поспешность в выводах, наивная надежда на сербо-болгарское сближение и недостаточная информированность переплелись в запутанный клубок. Успехам российской дипломатии незаслуженно приписывалось то, что произошло благодаря предсказуемому стечению оставшихся в тени обстоятельств — провал соглашения Болгарии с Грецией из-за Македонии. В России узнают о переговорах января 1897 г. только в марте<sup>27</sup>. «Македонская агитация» в Княжестве продолжалась — не прошло и двух недель с момента отправки Чарыковым донесения от 11 февраля, а в донесении от 22 февраля он уже сообщает, что в Руцуке 16 февраля состоялось собрание местного македонского комитета, где было предложено последовать примеру Греции и «подать помощь македонским братьям». 19 февраля там состоялся многотысячный митинг, на котором было принято обращение, отправленное телеграфом правительству Болгарии, с «ходатайством о даровании Македонии полной политической автономии». Премьер Стоилов сообщил Чарыкову, что ему едва удалось помешать подобной манифестации в Софии «в присутствии сербского короля» (т. е. во время его визита в Софию и подписания сербо-болгарского соглашения). 19 февраля (годовщина подписания Сан-Стефанского мира) софийское македонское общество «Сан-Стефанская Болгария» отслужило панихиду по Александру II и обратилось к императору Николаю II с «коленопреклоненной просьбой» об «отвоевании человеческих прав для христианского населения Турции»<sup>28</sup>.

Возглавлявший российское дипломатическое агентство, затем посольство в Софии до прибытия Георгия Петровича Бахметева секретарь агентства П. С. Боткин оценивал (донесение от 30 апреля 1897 г.) движение в Болгарии в пользу Македонии как «чисто политическое».

Он писал: «Македония сама по себе не есть революционный центр, как нас стараются уверить, но в ней можно возбудить восстание путем денежной пропаганды, раздачей оружия, наймом бродячих банд, одинаково готовых быть разбойниками, сколько и ратоборцами за свободу». Наблюдая за выходцами из Македонии, проживающими в Болгарии, Боткин приходит к заключению: «Постоянное обращение между греками, болгарам и сербами сделало из македонцев тип ловких людей, умеющих пользоваться обстоятельствами и представляющимися выгодами. Болгары это поняли: недаром здесь называют двери, открывающиеся в обе стороны, — „македонские врата“». Спокойствие в Македонии и нейтралитет Болгарии в период греко-турецкой войны секретарь агентства объяснял тем, что «именно в той части Македонии, куда могли войти греки, болгарская пропаганда пустила уже довольно глубокие корни. От восстания Болгарии нельзя было ожидать никаких выгод... Предложения греческого правительства относительно Македонии, сделанные Болгарии накануне открытия военных действий, ... имели в основании ту же цель: поднять восстание и заварить кашу. Какое счастье, что ничего из этого не вышло»<sup>29</sup>.

Как уже отмечалось, осенью 1897 г. произошел первый серьезный провал в деятельности Внутренней организации — «Виницкое дело». Таким образом, стало широко известно о существовании революционной организации в Македонии, что серьезно обеспокоило правительство Болгарии. В то же время, «Виницкое дело» внесло дополнительную путаницу в и без того противоречивые взгляды русских представителей в Болгарии на македонское движение. В апреле 1898 г. Боткин доложил Муравьеву «некоторые наблюдения над македонской пропагандой в Болгарии, представляющие в сокращенной форме результат моих исследований по вопросу о деятельности болгарских македонских комитетов». Боткин указывал, что в городах Болгарии существуют македонские общества, «имеющие целью освобождение Македонии». Представители обществ собираются раз год в Софии для избрания председателя и бюро ВМК, находящегося «во главе македонской пропаганды в Болгарии». «Комитет вырабатывает программу, проекты реформ для Македонии, собирает деньги, покупает оружие, снабжает им македонцев, сносится с ними, помогает нуждающимся и снаряжает шайки». Тут же Боткин оговаривался: «Таковой представляется деятельность Комитета в том виде, как ее стараются выставить перед нами заправилы, но иная картина получается при

внимательном рассмотрении дела». Во-первых, среди македонских обществ, писал Боткин, «произошел раскол, и вместо одного ВМК в Софии их заседает целых три...

Во-вторых, означенные комитеты не только не солидарны, но даже находятся в прямом антагонизме между собой.

В-третьих, денежных средств ни у кого... нет. Взносы поступают туго. Вследствие некоторых злоупотреблений доверие» обществ «к Верховному Комитету поколеблено.

В-четвертых, связь между болгарскими македонскими комитетами и македонцами в Македонии вовсе не крепка, т. к. последние изверились в силе и значении первых, не встречая со стороны комитетов никакой осязательной помощи и поддержки». Потому, полагал Боткин, «болгарские македонские комитеты в том виде и составе, в коих они в настоящее время находятся, не являются надежными солидными организациями и не способны возбудить никакого серьезного движения в Македонии». Все «македонские воротиль» прекрасно понимают, что имеющихся у них средств недостаточно для «освобождения Македонии». Они рассчитывают «произвести первую вспышку, чтобы заварилась каша, которую другие бы расхлебывали...»<sup>30</sup>. В августе 1898 г. Боткин заметит, что если ВМК получит финансовую поддержку, «деятельность его сразу переменится и может принять угрожающий характер»<sup>31</sup>.

В январе 1897 г. фирма «Братья Ивановь» закупила у болгарского правительства несколько десятков тысяч ружей старой системы, когда-то переданных Россией восточно-румелийской милиции, и 50 млн. патронов к ним. Австро-венгерский, английский и румынский дипломатические агенты считали это «поощрением революции в Македонии». Чарыков не разделял этой точки зрения. По его мнению, сделка была вызвана нуждой болгарского правительства в деньгах<sup>32</sup>. К. Пандев отмечает, что через братьев Ивановых в Македонию было отправлено 4 тыс. ружей, часть которых — по прямому указанию правительства. Однако в бесплатной передаче патронов было отказано<sup>33</sup>.

Своеобразное продолжение «Виницкое дело» получило зимой 1898 г., когда в него «вмешался» доцент Оксфордского университета и корреспондент газеты «Manchester Guardian» Эмери (Amery). Он приехал из Софии в Ускюб, где связался с австрийским консулом и болгарским торговым агентом и приступил к сбору этнографических и статистических данных о крае. Посол России в Константинополе (1897–1909 гг.) Иван Алексеевич Зиновьев докладывал в Петербург,



что Эмери «на первых же порах обнаружил предубеждение против России и, с другой стороны, благоговение перед Австрией, которая, по его мнению, одна будто бы способна обеспечить благоденствие народов Балканского полуострова. Вместе с тем, г. Эмери принял на себя защиту угнетенных болгар, домогался доступа в тюрьмы, где содержались заподозренные в тайном провозе и хранении оружия, и, за отказом вали\* удовлетворить это требование, стал собирать от болгар показания относительно жестокости обращения турецких властей». Секретарь английского посольства в Константинополе Эллиот был вынужден прибыть в Ускюб и «посоветовать» Эмери покинуть город, что тот, в конце концов, и сделал. Зиновьев в депеше Муравьеву подчеркивал: «Из совокупности обстоятельств этого дела следует заключить, что вмешательству г. Эмери благоприятствовал местный болгарский агент. Как свидетельствуют о том имеющиеся во вверенном мне посольстве многочисленные данные, назначенные в Турцию болгарские агенты обнаруживают крайнюю неразборчивость в выборе средств для поддержания в Македонии агитации.

Трудно допустить, чтобы в этом случае они действовали без попустительства со стороны княжеского правительства, которое... подготавливает втихомолку присоединение Македонии»<sup>34</sup>. «Винницкое дело» и представления Бахметева Стоилову об участии болгарских торговых агентов в Македонии в «агитации» заставили последнего предпринять ряд конкретных шагов. Из Битоли в августе 1898 г. был отозван секретарь торгового агентства Карайовов<sup>35</sup>, а через месяц и сам агент Йовев<sup>36</sup>. Еще в январе того же года Стоилов направил торговому агенту в Салониках А. Шопову «конфиденциальное письмо», копия с которого была разслана во все болгарские торговые агентства Македонии. Вкратце две его основные мысли были повторены в секретном циркуляре N39 агентам в сентябре 1898 г. Они касались Внутренней Организации:

а) Эта организация может иметь влияние на развитие самосознания среди болгар в Македонии и на нашу внешнюю политику.

б) По сему обязанность наших коммерческих агентов — ознакомиться с этой организацией; изучить ее действия, приобрести над ней влияние, чтобы она ничего не могла сделать вопреки взглядам болгарского правительства».

Далее Стоилов с сожалением констатировал, что в последнее время «эта организация попала в нечестные руки одного учреждения,

---

\* Управляющий вилайетом в Османской империи.

которое должно иметь патриотическую цель, а между тем стало шайкой разбойников, получивших таким образом средство к своему прокормлению и обогащению. Какой-то так называемый „Комитет“ угрожающими письмами вытребовал деньги от состоятельных людей. Этот самый комитет угрожающими письмами требовал от Св. Экзархии назначения известных лиц на известные должности. Это в моих глазах составляет явное разбойничество, и, если княжеское правительство успеет поймать кого-нибудь из этих разбойников, будьте уверены, что к нему будет применена вся строгость закона о разбойниках. Мы твердо решили не допускать, чтобы компрометировалось священное дело нечестивыми руками». Стоилов «вменял в обязанность» агентам «дать понять эти взгляды» как можно более шире. Глава болгарского правительства конкретизировал задачи, стоящие перед торговыми агентами:

«I...Коммерческие агенты... имеют задачей наблюдать за организацией и следить за ее действиями» и «должны строго воздерживаться от участия в ее действиях. [...]

II Необходимо, чтобы учебное дело сохранялось, сколько возможно, далеко от организации. Всякое вмешательство организации в дела образования будет иметь последствием лишь компрометацию учебного дела. Имею... сведения, что турецкое правительство знает очень хорошо нити организации. Если до сих пор оно не сделало ничего серьезного, то это ввиду того, что оно ожидает удобного случая, чтобы вмешать более людей и одним ударом достигнуть большего результата...

III Необходимо внимательно следить, чтобы организация никоим образом не вмешивалась в дела нашего духовенства. [...] Со стороны организации будет преступлением... навязывать свои взгляды и свой образ действий.

Деятельность духовенства и учебного дела ясна, и результаты ее известны, и они дают полное право на нашу поддержку и сочувствие. Организация, напротив, находится в настоящее время в руках сомнительных, и результаты ее до сего времени были только вредными. Это налагает на нас обязанность относиться к ней скептически и с недоверием»<sup>37</sup>.

Шопов в ответном письме отмечал: «Все сознают, что содержание циркуляра верно, и что дело должно идти по этому пути, если мы не хотим прийти к катастрофе. Критически отнеслись только руководители Организации, т. е. члены здешнего комитета» Торговый агент в Ускубе Ризов сообщил Шопову, что его Организация якобы

собирается устранить, за то что он «разгласил» содержание циркуляра и осуждает денежные поборы<sup>38</sup>.

А весной 1898 г. в циркуляре «Коммерческим агентам и дипломатическим агентам в Константинополе и Белграде» Стоилов разоблачал слухи, «распространяемые в Македонии революционной организацией», о том, что «если в Македонии будет произведено движение, то болгарское правительство намерено вмешаться вооруженными силами». «Это вымысел и клевета, — писал Стоилов. — Уполномочиваю Вас употребить все средства, ... чтобы сообщить всем, что болгарское правительство не имеет намерения вовлекать себя ни в какие авантюры<sup>39</sup>». Слухи о поддержке возможного восстания в Македонии не только Болгарией, но и Россией, распространяли и деятели ВМК. Как могли исполнять инструкции Стоилова торговые агенты, можно судить на примере Битольского агентства, о чем говорилось выше. Что говорить о торговых агентах, когда сам болгарский митрополит в Ускюбе Синесий<sup>40</sup> едва ли не в открытую участвовал в деятельности местного революционного комитета! Когда же турецкие власти попытались принять в отношении его решительные меры, Экзарх попросил защиты у российского МИД. В результате Муравьев «обратил внимание Порты на несвоевременность принятия каких-либо крутых мер относительно» Синесия и «получил вполне удовлетворительный ответ и уверение, что митрополита оставят в покое»<sup>41</sup>. Суть дипломатической игры состояла, по-видимому, в том, что Россия, продвигая серба Фирмилиана на пост патриаршего митрополита Ускюба, не желала дополнительных осложнений с Болгарией еще и по поводу Синесия.

Г. П. Бахметев в своих донесениях был излишне оптимистичен. Он неоднократно отмечал, что болгарское правительство сознает всю опасность возбуждения осложнений в Турции, что оно приняло все меры к прекращению, как агитационной деятельности македонских комитетов, так и посылке эмиссаров в Македонию, что Стоилов заверил его в «руководствовании» в делах внешней политики советами и указаниями российского правительства<sup>42</sup>. Он, видимо, до поры разделял мнение официальных болгарских лиц, рассчитанное на зарубежных представителей, что правительство Княжества является жертвой клеветы иностранной печати и газет оппозиционных партий<sup>43</sup>. «Бахметев твердо верил, что князь Фердинанд и кабинет К. Стоилова были жертвами инсинуаций оппозиционных партий»<sup>44</sup>.

9 марта 1898 г. Бахметев без комментариев сообщал в донесении Муравьеву о встрече с замещающим Стоилова министром финансов

Т. Теодоровым и его разъяснениях о деятельности македонских комитетов в Княжестве. Теодоров объяснил, что «патриотическо-революционные общества всегда существовали не только» в Болгарии, «но и на всем Балканском полуострове». Их деятельность якобы ограничена воззваниями и речами, «составленными в самом необузданном духе, с угрозами правительству и чуть не всему свету, ежели Македония не будет немедленно освобождена от турецкого ига». Но все это «мало волнует народ».

Теодоров отметил, что болгарское правительство принимает все меры к тому, чтобы «пропаганда и агитация остались бесполезными и не довели бы до движения отсюда или восстания в Македонии: вместо обыкновенной пограничной стражи теперь по всей линии протянут военный кордон, и шайкам совершенно невозможно пробраться с одной стороны на другую. Конечно, за одинокими личностями или мелкими группами в 3–4 человека невозможно усмотреть, но что-либо похожее на организованную банду немедленно будет задержано...». Бахметев приводит слова Теодорова, которые, по сути, постоянно повторял Стоилов, и, соглашаясь с ними, пишет: «...Правительство не „так глупо“, ...чтобы подвергнуться влиянию агитаторов и попасться на удочку своих врагов, внутренних и внешних, всячески старающихся его запугать и втянуть в опасные приключения, и, что, во всяком случае, оно ничего не предпримет, не предупредив нас и не получив разрешения нашего, и я имею все причины верить в искренность этих заверений...»<sup>45</sup>. Как отметил в частном письме В. Н. Ламздорфу 2 июля 1898 г. И. А. Зиновьев: «Мне кажется, что Бахметев не совсем верно понимает свое положение. Он на все смотрит глазами князя Фердинанда и Стоилова, тогда как ни тот, ни другой не заслуживают особенного доверия»<sup>46</sup>.

В декабре 1897 г. И. А. Зиновьев получил секретные инструкции М. Н. Муравьева, касавшиеся определения курса русской политики в Восточном вопросе. Инструкции начинались с общих положений о том, что цель этой политики — «величие России и, как вернейший залог оно, сохранение мира». «...В настоящее время преимущественное внимание наше отвлечено на Дальний Восток, где самой силой вещей на первый план выдвигаются жизненно важные вопросы, для разрешения которых необходимо располагать полной свободой действия, — конкретизировал Муравьев. — Обеспечить таковую со стороны Турции, соблюдая вместе с тем неприкосновенными достоинство, права и интересы России, — такова главная предстоящая Вам

задача, и для ее исполнения необходимо, прежде всего, стремиться к поддержанию и укреплению дружественных отношений, установившихся у нас с Турцией». В соответствии с русско-австрийским соглашением глава МИД подчеркивал: «Считаем наиболее для себя выгодным возможно долгое продолжение настоящего положения вещей». Зиновьеву вменялось в обязанность при столкновениях национальных и религиозных интересов балканских христиан действовать на них «умиряющим образом, не допуская посягательств их на взаимные права, но, поддерживая перед Портой справедливые их домогательства, дабы утвердить в них убеждение, что лишь Россия — их истинный друг, и лишь в ней они найдут равно к ним всем благосклонное руководство на пути развития их политических, культурных и религиозных интересов». Муравьев, в целом, верно представлял запутанную картину македонского вопроса. В нем, писал глава МИД, «встречаются взаимно противоположные интересы политические и церковно-национальные собственно балканских государств, включая Грецию, Австро-Венгрии и Вселенской Патриархии»<sup>47</sup>.

На причастность официальных кругов Болгарии к деятельности македонских комитетов обратил внимание в беседе с И. А. Зиновьевым болгарский экзарх в марте 1898 г. Последний заявил, что болгарское правительство «принимает более или менее активное участие в деятельности означенных комитетов со времени их основания и направляет ее, сообразуясь с обстоятельствами. Участие это обнаруживается... в выборе директоров и преподавателей болгарских школ в Македонии, вербуемых главным образом среди членов комитетов — приверженцев ультраболгарских политических доктрин. [...] Образ действий Княжеского правительства крайне двусмыслен... Если бы деятельность комитетов была направлена прямо против правительства Болгарии, то последнее не поколебалось бы принять против них самые энергические меры; но т. к. комитеты преследуют осуществление замыслов, входящих в программу болгарских патриотов, то правительство предпочитает относиться к ним с терпимостью, имея в виду, что, при случае, означенные комитеты сослужат ему службу... Такая двойственность представляется крайне опасною... ввиду неразборчивости комитетов в выборе средств действия». Экзарх выразил желание, чтобы императорским правительством были сделаны настоячивые представления софийскому кабинету с тем, «чтобы принудить его обуздать македонские комитеты». Экзарх просил Зиновьева сохранить в секрете источник сообщенных ему сведений<sup>48</sup>. Поводом

к названной беседе послужило следующее обстоятельство. Дело в том, что в начале весны 1898 г. на встречу с К. Стоиловым из Салоник выехал Д. Груев. По дороге он встретился в Константинополе с Экзархом. «Рассказав Экзарху все об организации, Груев... подчеркнул то обстоятельство, что она связана с правительством и его торговыми агентами в Македонии»<sup>49</sup>. Это крайне встревожило Экзарха. Он обратился с письмом и к Фердинанду. Глава болгарской церкви жаловался на деятельность Организации, высказывал опасения за будущее «болгарского дела», если эта деятельность продолжится. Он просил болгарское правительство, если оно не может поддержать восстание в Македонии, то дать понять Организации, что Болгария не готова и даже не находит «условия благоприятными для вмешательства», а потому агитация «за восстание» в Македонии должна быть прекращена<sup>50</sup>.

Стоилов с опозданием, но все же узнал о разговорах Экзарха с русским представителем. В сентябре 1898 г. на встрече с Бахметевым он заявил, что Экзарху должно быть хорошо известно, что правительство делает все возможное, «чтобы оттянуть как можно дальше поднятие македонского вопроса, к вмешательству в который оно вполне не подготовлено»<sup>51</sup>. В декабре 1898 г. Экзарх вновь выступил с подобными заявлениями перед Зиновьевым, а затем перед австро-венгерским послом бароном Каличе: «Правительство... тайно поддерживает революционную агитацию среди македонского населения... Необходимо, чтобы державы прибегли к энергическому воздействию в Софии с целью заставить княжеское правительство отказаться от его опасной политики»<sup>52</sup>.

А ранее, в марте 1898 г., состоялась встреча Бахметева с «одним из главных македонских деятелей, председателем Софийского комитета Георговым». Бахметев объяснил «всю несвоевременность и опасность какого-либо движения». Он подчеркнул, что Россия «постоянно печется о своих единоплеменниках и единоверцах, но и они со своей стороны должны беспрекословно следовать ее указаниям и не поддаваться ни собственным безрассудным стремлениям, ни иностранным интригам». Потому «мы... заранее» объявляем македонцам, «что никакие попытки, даже никакие жертвы, в настоящую минуту не вызовут нашего деятельного вмешательства, и что агитаторы погубят себя и все народное дело». Бахметеву показалось, что Георгов понял его советы. Последний «обещал точно передать их главным местным вожакам. [...] Он на все согласился и уверил» Бахметева, что, «уповая

только на Россию-освободительницу, его сторонники не будут действовать против ее воли...»<sup>53</sup>. Бахметев снова доверился ничему не значащим уверениям болгарских политиков. Тогда же он писал: «...Ежели что-нибудь произойдет в Македонии, то это не будет виной пресловутых „комитетов“, а только самого турецкого правительства»<sup>54</sup>. Поэтому М. Н. Муравьев вынужден был направить Бахметеву инструкцию, в которой требовал объявить болгарскому премьеру, что его кабинет будет нести ответственность за революционную деятельность тайных обществ, организованных в Болгарии. После неудачной для него беседы Георгов обратился к австрийскому представителю в Софии барону Кало с предложением «вызвать восстание в Македонии именем императора Франца-Иосифа и связать пятидесятилетний юбилей царствования этого монарха с великим делом освобождения страждущего народа»<sup>55</sup>. Привлечь на свою сторону дипломатию Габсбургской империи пытался и дипломатический агент Софии в Константинополе Марков и Экзарх Иосиф. Поддержки они так и не добились. Барон Каль получал от своего правительства инструкции по македонскому вопросу, аналогичные посылаемым русскому представителю<sup>56</sup>.

В конце 1898 г. – начале 1899 г. болгарский дипломатический агент в России Д. Станчов докладывал в Софию, что «Муравьев, Гартвиг, Куропаткин и даже граф Игнатъев, с которыми он обсуждал македонский вопрос, говорили ему, что Россия сейчас не может заниматься балканскими делами, и советовали подождать 5–6 лет, хотя бы до 1903 г.»<sup>57</sup>. Николай II при встрече со Станчовым предупредил его, что если «македонские комитеты начнут действовать активно, то они должны знать, что делают это на свой риск»<sup>58</sup>.

12 января 1899 г. в МИД состоялось обсуждение «македонских дел». Чем оно было вызвано, объясняют «доверительное письмо» М. Н. Муравьева Г. П. Бахметеву от 3 декабря 1898 г. и послание И. А. Зиновьеву от 14 января 1899 г. Глава МИД сообщал Бахметеву, что, по полученным сведениям, «в Македонии вновь возникла усиленная агитационная деятельность». Муравьев высказывал предположение о том, что «главные коноводы движения рассчитывают... в непродолжительном времени поднять серьезное восстание среди македонцев, в надежде этим путем вызвать европейское заступничество за „страждущих под турецким игом македонских христиан“ и побудить державы заняться устройством Македонии на тех же началах, коими они руководствовались при организации Критской автономии». Глава

МИД обращал внимание Бахметева на то, что Марков, представитель Болгарии в столице Турции, проповедует, что «наиболее верным средством для сего [Получения автономии Македонии. — М. Я.] служит организация восстания в этой провинции, коему, будто бы, оказана будет со стороны Болгарии необходимая поддержка, с целью вызвать заступничество России и других европейских держав». Муравьев завершал письмо довольно жестко: «Если бы, однако, вопреки преподаваемым нами советам благоразумия, македонским передовым деятелям удалось поднять восстание в Македонии, то со стороны России движение это не встретит ни сочувствия, ни поддержки. Напротив того, во избежание более опасных осложнений, императорское правительство вынуждено будет предоставить полную свободу репрессивным действиям турецких властей, в видах подавления в самом зародыше революционных замыслов македонцев и примерного наказания главных зачинщиков восстания. Благоволите объяснить в вышеизложенном смысле с княжеским министром иностранных дел»<sup>59</sup>.

В ответ Бахметев писал, что сообщит Стоилову содержащиеся в письме советы умеренности, но «его ответ я могу заранее передать, а именно, что болгарское правительство отнюдь не желает и не проповедует восстания в Македонии, а только просит мирным вмешательством предупредить оное, и что, ежели оно и имеет сношения с революционными группами, то это только с целью их удерживать, что до сих пор и удавалось. К тому же не одна Болгария ответственна за брожение в Македонии: революционные комитеты существуют в Греции и Сербии, и агитация оттуда идет гораздо более открыто, чем отсюда»<sup>60</sup>.

Зиновьев получил копии письма к Бахметеву, а позднее — 19 января — письмо М. Н. Муравьева от 14 января. В общих чертах оно представляет собой конспект письма Бахметеву. Вновь говорится о слухах о готовящемся восстании и «революционной деятельности» македонских комитетов и их целях. Муравьев повторяет мысль, содержащуюся в письме Бахметеву: «...По мнению нашему, между утнетенным состоянием критского населения в момент принятия острова державами под их покровительство и настоящим положением македонцев существует значительная разница. Составляя численное большинство провинции, христианское население Македонии пользуется широкими правами общинного самоуправления, благодаря настояниям держав, наиболее необходимые реформы в административ-



ном строе названной провинции были введены уже в 1897 г.; дальнейшие улучшения в быте македонских славян могут быть достигнуты лишь мирным путем, и всякое благое начинание со стороны турецкого правительства в этом направлении, несомненно, встретит полное сочувствие России». На полях данного документа содержится пометка, по-видимому, Зиновьева: «опять тоже! но разве на Крите христиане не составляли большинства?», что еще раз говорит о возможных разногласиях между посольством в Константинополе и МИД. Кроме того, в самом начале документа, вверху, имеется карандашная надпись, также, скорее всего, сделанная рукой Зиновьева: «Мне кажется, необходимо бы напомнить Илларионову, Машкову и Ростковскому [То есть русским консулам в Македонии. — М. Я.] в смысле этого письма и инструкции Бахметеву. До сих пор они не получили от нас ни малейших указаний по вопросу о готовящемся македонском движении»<sup>61</sup>. Маленький штрих, много говорящий о взаимодействии консульств и посольства. Но что говорить об этом, когда Муравьев, столь оптимистично отзывался о турецких реформах в Македонии, будто не был знаком с донесением из Константинополя от 18 октября 1898 г., в котором говорилось, что даже по оценкам некоторых высокопоставленных чиновников Турции, «обнародованные в прошлом году реформы... остались мертвой буквой»<sup>62</sup>.

1900 год принес дальнейшее обострение ситуации в македонских делах. Внутренняя организация занималась поборами в Македонии, а деятели ВМК — в Болгарии. Сказывалась нехватка денежных средств, о которой писал еще Боткин. Напомним, что в октябре 1899 г. к власти пришло правительство Т. Иванчова (октябрь 1899 г. — январь 1901 г.), откровенно потворствовавшее македонскому движению, и что с избранием в 1899 г. Б. Сарафова руководителем ВМК укрепились связи последнего и Внутренней организации. Более того, агенты ВМК решились на беспрецедентный шаг — в июле 1900 г. они убили в Бухаресте профессора греческого языка и редактора румынского журнала «*Peninsula Balcanica*» Михаилеану. Убийство вызвало волну возмущения румынской общественности. Румыния начала военные приготовления против Болгарии. 13 августа В. Н. Ламздорф, возглавивший в июне 1900 г. МИД, направил Бахметеву телеграмму: «Ввиду желательности избегать при настоящих обстоятельствах всяких осложнений на Балканском полуострове, обратите серьезное внимание болгарского правительства на необходимость обуздать преступную деятельность македонских комитетов в пределах Румынии». Русской

дипломатии пришлось немало поработать для урегулирования болгаро-румынского конфликта, достигшего в августе–сентябре 1900 г. немалого накала<sup>63</sup>. Б. Сарафов вспоминал, что вскоре после убийства в Румынии его вызвал Бахметев и пытался его «запутать». «Вы зашли слишком далеко, — сказал он. — Ключи от македонского вопроса в Петербурге. Что это еще за добывание денег силой? Все ваше дело — студенческая фантазия». Бахметев говорил, что все это производит плохое впечатление в Европе и в России. «Поэтому, если что-нибудь совершите, она Вам не поможет — Россия занята Дальним Востоком». Бахметев советовал Сарафову подать в отставку. Последний отвечал, что «добывание денег — система, к которой именно дипломатия нас и принудила своими неискренними действиями». Он отметил, что если они не будут заниматься своим делом, то дипломатия им не поможет, а Бахметев «не имеет права вмешиваться в эти дела и т. д.». Дипломата задели резкие высказывания Сарафова. А председатель ВМК сделал вид, что с ним можно разговаривать: «Если Вы меня уговариваете подать в отставку, то должны иметь и кандидата [на пост главы ВМК.-М. Я.]». Бахметев якобы сказал ему, что Ризов был бы подходящим человеком. Сарафов на это ответил, что тот ничего не сможет сделать. «Тогда Бахметев», пишет Сарафов, «сказал мне: „Раз так, то обе Ваши организации — здесь и там [т. е. в Македонии. — М. Я.] — превратятся в пух и прах“». Так и случилось<sup>64</sup>. Члены ЦК ВМРО были арестованы турецкими властями в январе 1901 г., а члены Верховного комитета и близкие к ним лица, замешанные в убийстве, болгарскими властями 24 марта 1901 г.

Осенью того же года появились слухи о готовившихся македонскими комитетами покушениях на сербского и румынского королей, что было подтверждено показаниями подсудимых по делу Михаилеану в Бухаресте. Русская дипломатия вновь выступила с серьезными представлениями болгарскому правительству.

Ламздорф писал в ноябре 1900 г. Бахметеву о том, что агенты комитета «разъезжают по всему Балканскому полуострову, подвергая поборам наиболее зажиточных граждан, грозя им в случае отказа смертью... Нередко агенты эти пользуются именем России, утверждая, что деятельность их одобряется будто бы императорским правительством, которое вполне сочувствует идее присоединения Македонии к Болгарии. Большая часть добытых сумм служит для удовлетворения личных... потребностей самих деятелей комитета». Бахметеву от имени Николая II предписывалось сделать «энергические представления

княжескому правительству, указав князю Фердинанду и болгарским министрам на настоятельную необходимость принять самые решительные меры к обузданию преступной деятельности македонских комитетов» и «предупредить князя Фердинанда, что всякая попытка Болгарии поднять восстание в Македонии встретит самый серьезный отпор со стороны России и других держав и неминуемо отразится роковым образом на интересах самого князя»<sup>65</sup>. Фердинанд ответил Бахметеву, что он вполне признает опасность «преступной деятельности Македонского комитета», но, «будучи связан конституцией», не может запретить его деятельность. Бахметев от себя лично уверял Ламздорфа в том, что Фердинанд в то время действительно был «совершенно чужд каких-либо замыслов в отношении Македонии». Как отмечал советский историк А. К. Мартыненко, «царский дипломат был слишком близорук. Подчеркнутая любезность князя к его персоне, вечные его излияния в любви и преданности русскому царю, заверения в стремлении „следовать советам России“ и т. п. помешали Бахметеву понять двойственную политику хитрого интригана Фердинанда. Бахметев... считал, что Фердинанд никогда не пойдет на риск потерять „благоволение“ русского царя ради „безнадежной фантазии“. Поэтому Бахметев и в дальнейшем упорно отрицал причастность Фердинанда к деятельности Верховного македонского комитета». (Как утверждает американский исследователь Р. Крэмштон, в 1899–1903 гг. Фердинанд вообще диктовал болгарскую политику в Македонии<sup>66</sup>). С другой стороны, Мартыненко указывал, что «не подлежит сомнению, что на каком-то этапе Фердинанд действительно разошелся с некоторыми руководителями ВМК (Б. Сарафов и др.), осмелившимися угрожать убийством «коронованным особам». «Поэтому после прихода к власти русофильского кабинета Каравелова—Данева [кабинет Петко Каравелова: 20 февраля 1901 г. – 22 декабря 1901 г.; кабинет Стояна Данева: 22 декабря 1901 г. – 6 мая 1903 г.] — М. Я.] (что, очевидно, также было одной из попыток Фердинанда добиться поддержки России в македонском вопросе) князь не стал препятствовать применению репрессивных мер против отдельных деятелей ВМК»<sup>67</sup>. Инструктируя нового торгового агента в Ускупе Д. Юрукова перед его отъездом к месту службы (назначен на должность зимой 1901 г.), Данев заявил, что отношения Болгарии и России «искренни» и ему нужно добиться дружбы русского консула Машкова, с которым болгарское агентство было, мягко говоря, не в самых лучших отношениях, а потому, как отмечал в воспоминаниях Юруков (со

слов Данева), русский консул «был очень вреден для нашего дела». Данев предписывал новому агенту быть в хороших отношениях с сербским консулом, а с другими — «в корректных и лояльных». «Всем болгарам заявить открыто и энергично, особенно учителям — надо заниматься делами культуры, а не революционной деятельностью»<sup>68</sup>. Правительство Каравелова—Данева искренне стремилось добиться стабильности и спокойствия в Македонии, чтобы достичь удовлетворения своих интересов в крае за счет хороших отношений с Россией и ее представителями в Македонии. Так, Юруков вспоминает далее, что он согласовал с Даневым посещение Бахметева и сербского представителя в Софии. И с тем, и с другим он обсуждал ситуацию в Македонии, пути усмирения вражды между сербами и болгарами в Ускупце<sup>69</sup>. Когда же в Ускупце Юруков встретился с директором болгарского педагогического училища, школьным инспектором и учителями и передал им инструкции Данева «заниматься делами культуры», то «хотя они и согласились со сказанным», на их лицах торговый агент «заметил недовольство»<sup>70</sup>.

В январе 1901 г. следует новый провал в деятельности Внутренней организации — «Салоникское (Солунское) дело», вновь усиливший напряженность в Македонии. Все началось с ареста в январе 1901 г. двух людей Организации. В результате проведенных обысков были обнаружены списки ее членов. Последовали массовые аресты её видных деятелей, в том числе членов ЦК Х. Матова, Х. Татарчева и др. Туркам удалось найти план подкопа под здание Оттоманского банка для подрыва. Всего арестам подверглись 188 человек, более ста были осуждены (они были отправлены летом в заключение в Малую Азию). «Салоникское дело»<sup>71</sup> способствовало принятию упомянутых выше репрессивных мер в Софии в отношении ВМК.

В марте 1901 г. болгарский военный министр издал приказ, запрещающий офицерам участвовать в деятельности ВМК. Через неделю после его подписания были арестованы Б. Сарафов и ряд его соратников. Россия с удовлетворением восприняла данную меру болгарского кабинета министров. На телеграмме Бахметева, сообщающей об аресте Сарафова Николай II написал: «Отлично!».

Однако радость императора была преждевременной. Обстоятельства были куда более запутанными, чем это казалось из Петербурга. В результате событий января–марта 1901 г. в Болгарии и Македонии во главе ВМК и Внутренней организации оказались люди, полностью подчинившие свою деятельность идее Фердинанда о нагнетании на-

пряженности в Македонии путем террористических актов и отправки туда вооруженных чет, составленных, главным образом, из профессиональных военных. В результате под контроль князя в 1901 г. были поставлены дипломатические акции перед великими державами и т. н. «вооруженная пропаганда» в Македонии<sup>72</sup>. При кабинете Данева Фердинанд проводил свою линию в македонском вопросе за его спиной по линии военного министерства, т. е. правительство Болгарии проводило одну, официальную, политику, а князь через Цончева и военного министра Паприкова — другую, противоположную первой. Официальный руководитель ВМОК, по словам британского дипломатического агента в Софии, имел «отношения личной дружбы с князем Фердинандом»<sup>73</sup>.

Осенью 1902 г. македонский вопрос входит в новую фазу своего развития. Четы ВМОК, «вдохновленного князем»<sup>74</sup>, провоцируют кровавые события в Серском санджаке Салоникского вилайета, известные в болгарской историографии как Горноджумайское восстание. Внутренняя организация предотвратила расширение восстания и «провалила» попытку полковника Янкова «объявить» восстание в Костурской казе<sup>75</sup>. Жестокое подавление локальной вспышки турецкими войсками и башибузуками длилось около полутора месяцев — сентябрь—октябрь 1902 г. Сотни беженцев оказались в Болгарии. Николай II выделил 10 тыс. рублей для оказания помощи пострадавшим. Частично ВМОК достиг своей цели — внимание России вновь было привлечено к Македонии. В Петербурге опасались дальнейших осложнений. Россию беспокоила также активность английской и французской дипломатии.

Императорское правительственное сообщение от 20 ноября 1902 г. подчеркивало законность мер турецкого правительства против восставших подданных, требовало «прекращения агитации македонских комитетов, которые, не достигая выставляемой ими патриотической цели, отвлекают лишь население от мирных занятий и подвергают его всем тяжелым последствиям пагубных увлечений». В Сообщении также говорилось: «Дабы положить предел брожению, могущему повлечь за собою самые серьезные осложнения на всем Балканском полуострове, императорским правительством сделаны были соответствующие представления Порте, а российскому послу в Константинополе поручено, по обсуждении местных условий, представить соображения о возможных, не терпящих отлагательства преобразованиях в административном строе Македонии, и настойчиво

советовать турецкому правительству скорейшее применение таковых, в целях улучшения быта православного населения»<sup>76</sup>.

В Петербурге и Вене закипела оживленная дипломатическая работа. Ламздорф посетил Софию и Белград. В январе–феврале 1903 г. Россия и Австро-Венгрия выработали проект реформ для Македонии («Венская программа»). Порта должна была дать обещание, что назначенный ею генерал-инспектор европейских вилайетов будет возглавлять их администрацию в течение трех лет, имея право распоряжаться находящимися там войсками. Турция должна была передать дело реорганизации местной жандармерии и полиции в руки иностранных офицеров. Предлагаемая финансовая реформа включала ежегодное составление бюджета для каждого вилайета, использование доходов на местные нужды, проведение сбора налогов органами общинного самоуправления вместо существовавшей прежде откупной системы. Порте предъявлялось также требование принять меры против произвола иррегулярных отрядов (башибузуков) и даровать амнистию политическим арестантам и беженцам. Эта программа в виде идентичных нот была вручена российским послом в Константинополе И. А. Зиновьевым и его австрийским коллегой Генрихом Каличе 21 февраля 1903 г. великому визирю.

Однако введение реформ тормозилось администрацией на местах. Революционные комитеты не были заинтересованы в проведении столь незначительных изменений. Ноябрьское сообщение императорского правительства, ясно дававшее понять, что Россия не только осуждает действия македонских комитетов, но и поддерживает действия турецкого правительства по подавлению смуты, не возымело действия. Комитеты пришли к выводу, что события всегда развиваются по одной схеме: вслед за волнениями в Македонии и их подавлением следует «окрик» из Петербурга, а за ним обязательно и программа реформ. И чем масштабнее волнения, тем более кроваво их подавление, а, значит, и последующие реформы будут радикальнее. Россия просто по определению не сможет остаться в стороне в случае массовой резни. А ни к чему кроме резни христиан вооруженное выступление привести и не могло. И его организаторы это хорошо знали<sup>77</sup>.

В январе 1903 г. руководством Внутренней Организации был провозглашен курс на всеобщее восстание в Македонии весной 1903 г., замененный позднее решением о восстании в одном — Битольском — революционном округе. Македонский вопрос вступал в новую фазу своего развития.

Летом 1903 г. в Македонии «вспыхнуло» Илинденское восстание. О нем достаточно много написано. Стоит лишь напомнить слова более поздних лидеров ВМРО, которые признали в 1925 г.: «Даже Илинденское восстание в 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»<sup>78</sup>.

Незадолго до Илинденского восстания, когда решение о нем уже было принято, русская дипломатия продолжала пристально следить за македонскими делами. 25 мая 1903 г. в МИД поступила секретная телеграмма: «По сведениям агентуры, Сарафов и девять других революционеров постановили и подписали 7 мая следующую резолюцию: если Европа и Болгария останутся все еще безучастными и не дадут Македонии прав по статье 23 Берлинского трактата, произвести в Македонии и Адрианопольском вилайете поголовное восстание болгар, взорвать динамитом правительственные учреждения, казармы, арсеналы, склады, некоторые железнодорожные станции, в особенности салоникийские, ...разрушить телеграфные линии и взорвать артиллерийский арсенал и другие постройки в Константинополе. Если и это не вызовет вмешательства, то распространить в Турции и Европе чуму через заготовленных бацилл прививкой их крысам, чтобы отомстить Европе. Это сведение, если оно справедливо, дает повод думать, что македонские революционеры уже близки к отчаянию и что при надлежащей бдительности их деятельность скоро перестанет быть опасной. Но, казалось бы, тем необходимее обеспечить мирное население безотлагательным осуществлением обещанных преобразований»<sup>79</sup>. Николай II, прочитав это грозное сообщение, оставил на нем помету: «Людей, прибегающих к таким способам мести, следует уничтожать, как собак»<sup>80</sup>.

Пожалуй, это замечание императора является квинтэссенцией отношения официальной России к так называемому «освободительному» или «революционному» движению в Македонии. Как и суждение Ю. П. Бахметева, высказанное им в день начала Илинденского восстания 2 августа 1903 г. в разговоре с военным министром Болгарского княжества Р. Петровым: «Русский народ несравненно дороже государю, нежели все другие славянские, взятые вместе... македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело... надежды руководителей комитетов... своей кровью, или скорее кровью своих братьев, разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение»<sup>81</sup>.

## Примечания

- 1 *Пандев К.* Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878. // Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 9; *Он же.* Националноосвободителното движение в Македония и Одринско. 1878–1903. София, 1979. С. 67–70; *Сиянов Х.* Освободителните борби на Македония. Т. 1. София, 1983. С. 39–40.
- 2 *Пандев К.* Националноосвободителното движение... С. 77, 129, 204.
- 3 *Пандев К.* Националноосвободителни борби... С. 11.
- 4 *Пандев К.* Националноосвободителното движение... С. 172–173.
- 5 Там же. С. 127.
- 6 Там же.
- 7 *Грънчаров С.* България на прага на 20 столетие. София, 1986. С. 164–165.
- 8 *Пандев К.* Националноосвободителното движение... С. 171–172; *Шопов А.* Дневник, дипломатически рапорти и писма. София, 1995. С. 71.
- 9 В княжестве в конце XIX в. существовало еще и несколько мелких, но чрезвычайно амбициозных, выступавших с громкими заявлениями от имени всего македонского движения, македонских комитетов, зачастую враждовавших между собой. Все это приводило к путанице в донесениях российских дипломатов.
- 10 Подробнее см.: *Ямбаев М. А.* Четы Внутренней македонской революционной организации на начальном этапе своей деятельности // Славяноведение. 2006. № 1. С. 22–28.
- 11 Подробнее см.: *Ямбаев М. А.* Четы ВМОРО — компонент политической системы Болгарии (Начальный этап их деятельности) // Человек на Балканах. Государство и его институты. М., 2006. С. 166–186.
- 12 *Георгиев В., Трифонов С.* Гръцката и сръбската пропаганда в Македонии (Краят на XIX — начало на XX век). София, 1995. С. 25.
- 13 Там же. С. 26.
- 14 *Гоцев С.* Борби на българското население в Македония срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878–1945. София, 1991. С. 77; *Джалгерова Н.* Является ли болгарская «Мегали идея» вариантом болгарского панславизма? // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 81; *Лалков М.* ВМОРО и балканските държави (1893–1918). // 100 години ВМОРО. София, 1994. С. 86–87; *Петров Т.* Указ. соч. С. 11–12, 16–18.
- 15 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Д. 2021. Л. 189 об.–190.
- 16 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 287–288.
- 17 Там же. С. 191–192.
- 18 Там же.
- 19 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 303–308.
- 20 Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 293.
- 21 *Балдырев А. В.* Ближний Восток и проливы во внешней политике России и западноевропейских стран на рубеже XIX — начала XX в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2001. № 5. С. 18.
- 22 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1298. Л. 167–178.



- 23 *Мартыненко А. К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 122–123.
- 24 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1299. Л. 89 об–90.
- 25 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 122–123.
- 26 АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1302. Л. 37–38 об.
- 27 Там же. Л. 205–205 об.
- 28 Там же. Л. 56–57 об.
- 29 Там же. Л. 203 об.–204.
- 30 Там же. Д. 1305. Л. 54–57.
- 31 Там же. Л. 179–179 об.
- 32 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 180–181.
- 33 *Пандев К.* Националноосвободителното движение... С. 172.
- 34 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1470. Л. 11–13.
- 35 Карайовов Тома (1868–1951) — «деятель национально-освободительного движения». Родился в Ускюбе. Юрист. Один из основателей ВМОК. В 1897–1900 гг. — секретарь болгарских торговых агентств в Битоля и Адрианополе, «что позволило ему установить близкие контакты с руководящими деятелями ВМОРО». В 1902 г. стал заместителем председателя ВМОК Х. Станишева.
- 36 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1305. Л. 191–191 об., 197 об.
- 37 Там же. Л. 207–211.
- 38 *Шопов А.* Дневник, дипломатически рапорты и письма. София, 1995. С. 86, 88.
- 39 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1305. Л. 238–238 об.
- 40 Синезий Стобийский (светское имя — Стоимен Димитров) (1836–1917) — принял монашество в 1854 г. В 1878–1885 гг. — управляющий Адрианопольской епархий, в 1885–1890 гг. — Охридской. В 1890–1907 гг. — митрополит Ускюбский (Скопский). Русский журналист А. В. Амфитеatroв писал: «Когда священник становится революционером, это — грозная сила. Ее явили польские ксендзы-повстанцы и расстриги великой французской революции. Недаром же Гюго, когда ему надо было создать для „93 года“ фигуру, полную революционного фанатизма, — истинно беспощадного, неуклонного, неотвратимо последовательного, как сама судьба, — выбрал героем бывшего священника. Я вспомнил этого героя, когда говорил с Синезием, болгарским митрополитом в Ускюбе. Турки зовут Синезия „Баш-Катил“, т. е. атаман убийц, слагая на совесть и имя почтенного болгарского пастыря решительно все политические преступления, какими так богата Скопийская епархия. То же самое мнение держится и о Максиме Велесском, причём кладут между двумя иерархами только ту разницу, что Синезий, как человек дикий, необразованный, грубее и смелее в действиях и прикосновенности своей к революционному террору почти не скрывает... [...] Широкоплечий великан, с огромной седой бородой лопатой, с жесткими, смысленными серо-голубыми глазами, он, вправду сказать, похож не столько на архиерея, сколько на Безсудного из комедии „На бойком месте“. Встретить подобную фигуру под вечер в глухом переулке не весьма приятно. При всем том, он мне понравился: человек убежденный, прямолинейный, не льстивый, мало заботливый казаться лучше своей репутации и, вообще, к чужому мнению о нем довольно безразличный». // Амфитеatroв А. В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903. С. 25–26.

- 41 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1306. Л. 36.
- 42 Там же. Ф. 180. Д. 5660. Л. 42 об.–43.
- 43 Там же. Ф. 151. Оп. 482. Д. 1305. Л. 22 об.–23.
- 44 *Дюлгерова Н.* Руски щтрихи към източния въпрос. София, 1997. С. 169.
- 45 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1305. Л. 22–24 об.
- 46 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 568. Оп. 1. Д. 500. Л. 29 об.–30.
- 47 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 3621. Л. 21–30 об.
- 48 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1306. Л. 30–33.
- 49 *Пандев К.* Националноосвободителното движение... С. 179.
- 50 Там же.
- 51 АВПРИ. Ф. 151. Д. 1305. Л. 205 об.–206.
- 52 Там же. Л. 284–284 об.
- 53 Там же. Л. 44–45 об.
- 54 Там же. Л. 50 об.
- 55 Там же. Л. 57 об.
- 56 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 271.
- 57 Там же. Указ. соч. С. 270–271.
- 58 *Дюлгерова Н.* Указ. соч. С. 174.
- 59 АВПРИ. Ф. 180. Д. 5660. Л. 42–42 об, 44–45 об.
- 60 Там же. Ф. 151. Д. 1305. Л. 259–260.
- 61 Там же. Ф. 180. Д. 5660. Л. 36–39.
- 62 Там же. Л. 52.
- 63 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 276–277.
- 64 Борбите в Македония и Одринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 224–225.
- 65 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 277–278.
- 66 *Стартон R.* Bulgaria 1878–1918. A History. N.Y., 1983. P. 285.
- 67 *Мартыненко А. К.* Указ. соч. С. 278–279.
- 68 *Юрков Д.* Спомени из политическия живот на България. София, 1932. С. 220.
- 69 Там же.
- 70 Там же. С. 222.
- 71 Вeсьма оригинално отозвался о «Солунском деле» А. В. Амфитеатров. По его мнению, на процессе по этому делу, «турки, мечтая показать себя европейцами, осрамились на два фронта. Европа — устами германского консула — вполне основательно назвала суд их пародией на справедливость. А мусульманский мир, наоборот, негодовал, что, держа в руках своих главарей македонской революции, правительство, страха ради европейска, побоялось перевешать обвиняемых и присудило к смертной казни лишь каких-то чернорабочих... революции, тогда как истинные руководители его отделались незначительными наказаниями» // Амфитеатров А. В. Страна раздора. Балканские впечатления. С.-Пб., 1903. С. 68.
- 72 *Дюлгерова Н.* Указ. соч. С. 177.
- 73 *Грыгчаров С.* България на Прага на 20 столетие. София, 1986. С. 177.

- <sup>74</sup> *Дюлгерова Н.* Българският национален въпрос и политиката на Русия и Австро-Унгария. 1894–1903. София, 1994. С. 129.
- <sup>75</sup> *Грынчаров С.* Указ. соч. С. 214.
- <sup>76</sup> Реформы в Македонии. Дипломатическая переписка. 1902–1903. С.-Пб., 1906. С. 1–2.
- <sup>77</sup> Болгарский историк С. Грынчаров констатировал: «Что касается исторического опыта Апрельского восстания, он превратился в модель политического действия по решению болгарского национального вопроса после Освобождения. Соединение Северной и Южной Болгарии было еще одной такой моделью, предложенной историей. Итак, по модели Апрельского восстания — к автономии Македонии и Адрианопольского края, а далее по модели Соединения — к объединению болгарской нации. Эта линия получила широкую популярность в болгарском политическом мире. Она была принята Фердинандом, руководством ВМОК (цончевисты), а немного позже нашла сторонников и среди влиятельных членов Внутренней Организации» // Грынчаров С. България на прага на 20 столетие. София, 1986. С. 183–184.
- <sup>78</sup> Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1. М., 2000, С. 272.
- <sup>79</sup> Цит. по: *Косик В. И.* Гордиев узел Балкан // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 59–71. С. 60.
- <sup>80</sup> Там же.
- <sup>81</sup> Там же. С. 60–61.

В. Б. Каширин

## **Русская охранка на берегах Босфора: Бюро заведывающего агентурой Департамента полиции в Константинополе (1910–1914 гг.)**

История общественных движений всегда неразрывно связана с историей того ведомства, главными задачами которого являются наблюдение за этими движениями и борьба с наиболее радикальными и экстремистскими течениями в их среде. Речь идет об органах политического сыска, иными словами — об институированном ответе государства на революционные, террористические и другие нелегальные вызовы его безопасности. Документы политической полиции и воспоминания ее сотрудников являются бесценным источником по истории общественных и революционных движений; без них изучать историю последних вообще едва ли возможно. Кроме того, применительно к истории общественных движений материалы политического сыска представляют взгляд «с другой стороны», абсолютно необходимый для воссоздания объективной, многомерной картины явлений и событий прошлого.

Балканы и Османская империя с давних времен служили пристанищем для различных нелояльных Российскому государству элементов — изменников, политических преступников, раскольников-сектантов, дезертиров, польских и венгерских офицеров-эмигрантов, вождей кавказских горцев. Позднее, с возникновением и развитием классического революционного движения XIX века, на балканских и турецких землях стали активно действовать представители российских антиправительственных партий народнического (затем эсеровского), социал-демократического, анархистского толка. Они завязали контакты с местными революционными партиями и, в ряде случаев, заручились достаточно благожелательным отношением тамошних властей. Для Российской империи это сделало необходимым внимательное изучение по линии секретных служб деятельности революционных сил на Балканах и в Турции.

В одной из наших прежних работ мы рассмотрели историю Балканской агентуры Департамента полиции МВД — специализированного подразделения русского политического сыска, действовавшего на Балканах, преимущественно в Румынии и Болгарии, с начала 1880-х по 1904 г.<sup>1</sup> В результате ряда очевидных провалов в агентурной работе, а также вследствие финансовых затруднений и борьбы групп в высшем руководстве Департамента полиции Балканская агентура была официально упразднена. Однако события революции 1905–1907 гг. на юге России, вкупе с ростом политической нестабильности и военной угрозы в черноморско-балканском регионе, заставили руководство Департамента полиции возобновить агентурную организацию на Балканах. 2 декабря 1906 г. было принято решение: не восстанавливая самостоятельной Балканской агентуры, подчинить ее начальнику ближайшего — Одесского — районного охранного отделения, который и ведал этой агентурой до 1910 г. На содержание Балканской агентуры теперь выделялось всего-навсего 19 200 франков в год<sup>2</sup>. Было возобновлено сотрудничество с прежними негласными агентами, работой которых в центральном аппарате Департамента полиции ранее были совершенно недовольны. В качестве главной задачи агентуре на Балканах руководством отныне вменялось наблюдение за попытками ввоза оружия и взрывчатки в черноморские порты России и через русско-румынскую границу. Также агенты Департамента полиции в Румынии и Болгарии должны были следить за деятельностью русских, армянских и македонских революционных кругов в этих странах.

Младотурецкая революция 1908 года, резко изменившая военную и политическую обстановку в регионе, придавала новый мощный импульс деятельности революционных сил на Балканах и в Закавказье, что представляло несомненную угрозу безопасности России, только что с огромным трудом и потерями преодолевшей собственную смуту 1905–1907 гг. Руководство Российской империи хорошо помнило масштабные революционные выступления в городах юга России, мятежи матросов Черноморского флота, кровавые беспорядки и террористические атаки в закавказских губерниях. Через побережье Черного моря в Россию революционерами ввозились запрещенная литература, оружие с боеприпасами, взрывчатка. В регионе действовали международные революционные организации, в частности — знаменитый Союз черноморских моряков, обладавший значительными транспортными возможностями. Все это делало необходимым восстановление и расширение работы русской политической полиции

на ближних подступах к южным рубежам страны — т. е. на Балканах и в Османской империи. Осознание этой необходимости привело к созданию нового самостоятельного подразделения политического сыска, которое получило официальное название «Бюро заведывающего заграничной агентурой Департамента полиции в Константинополе». Это константинопольское бюро русской охранки никогда ранее не было предметом внимания исследователей; поэтому в данной статье мы впервые расскажем основные события его истории, опираясь; главным образом, на документы фонда Департамента полиции (ф. 102) из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Отметим сразу, что в ГАРФ сохранился также небольшой самостоятельный фонд Константинопольского бюро (ф. 529), насчитывающий 35 единиц хранения. Документы этого фонда, бесспорно, будут незаменимы для написания подробного исследования по истории работы русского политического сыска в регионе. Однако эта наша статья написана по материалам делопроизводства центрального аппарата русской охранки, где отложились все основные документы служебной переписки Константинопольского бюро с Петербургом.

В 1908 году руководителем агентуры на Балканах был назначен ротмистр Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ) Константин Дмитриевич Кречунеско, помощник заведующего Одесским Охранным отделением, бессарабский румын по происхождению<sup>3</sup>. В январе 1909 года, проинспектировав вверенную ему агентуру, Кречунеско обратился к заведующему Особым отделом Департамента полиции Н. П. Зуеву с проектом реорганизации политического сыска на Балканах. Он предлагал сделать Балканскую агентуру самостоятельным розыскным органом, подчиненным напрямую Департаменту полиции. Агентура должна была включать по одному штатному агенту-резиденту в Болгарии, Румынии и Константинополе, которым следовало наладить внутреннюю и наружную агентуру, а также почтовую перлюстрацию. По мнению Кречунеско, в Румынии было необходимо завести агентуру в среде тамошних членов партии эсеров, в Болгарии и Турции — в армянских партиях Дашнакцутюн и Гнчак. Агенты и филеры, предназначенные для работы в регионе, должны были хорошо знать местные условия и языки<sup>4</sup>.

Еще одним важным условием успеха работы агентуры на Балканах Кречунеско называл сотрудничество с политическими полициями Румынии и Болгарии. Непосредственные отношения между Одесским охранным отделением и директором румынской сигуранцы Ионом

(Янку) Панаитеску, выдающимся мастером балканского тайного сыска, были установлены в марте 1909 года, но прежний начальник Одесской охранки подполковник В. А. Левдиков проявил вопиющую служебную небрежность: несколько запросов от Панаитеску, в том числе одна срочная телеграмма, были оставлены без ответа, и тогда ценные рабочие контакты прервались. «В этом отношении чины румынской полиции в высшей степени щепетильны: являясь сами пунктуальными, точными и аккуратными, они требуют того же и от других», — писал начальник Жандармского управления Одессы Д. С. Померанцев<sup>5</sup>. Также были прерваны и отношения с директором Черновицкой полиции (Буковина, Австро-Венгрия) Тарангулом, который прежде был согласен передавать Одесской охранке интересные сведения в обмен на информацию об уголовниках из числа австро-венгерских подданных на территории России<sup>6</sup>. Лишь в октябре 1910 года, в результате личных переговоров в Бухаресте между Кречунеско, знавшим румынский язык, и Панаитеску удалось достичь договоренности о возобновлении сотрудничества политических полиций России и Румынии<sup>7</sup>.

Начальство согласилось с основными идеями доклада Кречунеско и признало необходимость коренного обновления состава агентуры на Балканах путем ликвидации большинства прежних секретных сотрудников, за исключением агентов «Такварьяна» и «Карова» в Болгарии<sup>8</sup>. Главной причиной необходимости активизировать сыск на Балканах руководство охранки называло укрепление позиций в этом регионе партий Дашнакцупон и Гнчак и установление ими связей с радикальными элементами пришедшего к власти в Константинополе младотурецкого комитета. В Департаменте обращали особое внимание на то, что еще в 1908 году под Софией дашнаками была открыта военная школа для подготовки офицеров будущей армянской армии<sup>9</sup>.

Исходя из этих соображений, в январе 1910 года товарищ министра внутренних дел, командир ОКЖ генерал-майор П. Г. Курлов признал целесообразным перенести штаб-квартиру заведующего агентурой на Балканах и в Турции в Константинополь. Для ознакомления с будущими условиями работы и существующей секретной агентурой в столицу Османской империи 9 февраля 1910 г. был временно командирован помощник начальника Кавказского районного охранного отделения коллежский асессор В. В. Ленчевский, человек с богатым и разносторонним опытом военной и сыскной службы, ведший в Закавказье работу по Дашнакцупону<sup>10</sup>.

Владимир Владимирович Ленчевский родился 2 июля 1871 г. в семье потомственных дворян Волынской губернии, окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду. 21 января 1903 г. он был переведен в ОКЖ штабс-ротмистром и прикомандирован к отделению по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге. 21 февраля 1903 г. Ленчевский был прикомандирован к Одесскому охранному отделению, а 6 декабря того же года — произведен в ротмистры. Однако вскоре досадное и нелепое происшествие разрушило его жандармскую карьеру. Как сообщает служебная справка, «11 мая 1904 года ротмистр Ленчевский, возвращаясь ночью с гуляния, устроенного начальником Охранного отделения для служащих отделения в награду за удачные ликвидации, и находясь в нетрезвом состоянии, принял участие в драке четырех служащих Отделения с частными лицами, — за что ему было предложено подать прошение о выходе в запас»<sup>11</sup>. 26 августа 1904 г. Ленчевский был зачислен в запас армейской пехоты, с переименованием в капитаны, а уже 5 сентября он был определен на службу в 138-й пехотный Болховский полк, в рядах которого ему довелось принять участие в войне с Японией. В боях на сопках Маньчжурии бывший жандармский ротмистр был дважды контужен, один раз ранен и награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». Однако служба в армейской пехоте, видимо, не привлекала Ленчевского. 8 ноября 1907 г. он был уволен от службы по домашним обстоятельствам, а уже 18 января 1908 г. определен на службу чиновником для письма Департамента полиции, с переименованием в коллежские асессоры и с откомандированием в Тифлис для исправления должности чиновника для поручений при Кавказском районном Охранном отделении. Так Ленчевский вновь вернулся к делу политического сыска. Главным предметом его ведения стала самая влиятельная революционная партия Закавказья того времени — армянский Дашнакцүтюн. Работа Ленчевского в доселе незнакомых и трудных условиях Закавказья, среди инородческого населения, была признана начальством успешной, поскольку уже 21 июля 1909 г. он был назначен помощником начальника Кавказского районного охранного отделения, с содержанием в 3600 рублей в год<sup>12</sup>.

Главным итогом первой командировки Ленчевского в Константинополь стал составленный им подробный рапорт на имя директора Департамента от 30 марта 1910 г. В этом докладе он дал обобщающий обзор деятельности революционных партий на Балканах



и в Турции, а также усилий русской полиции по борьбе с ними. Ленчевский был убежден, что главный центр революционной деятельности в регионе находился в Константинополе, где обреталось руководство армянских революционных организаций, младотурецкого комитета (другой его центр, как справедливо отмечал Ленчевский, находился в Салониках), исламистских и анархистских партий. Самой опасной силой чиновник Департамента полиции называл армянский Дашнакцутюн. Ленчевский утверждал, что именно эта партия, находившаяся в тесном контакте с младотурками, была важным фактором недавних революций в Персии и Турции. В союзе с Дашнакцутюном состояла и армянская социал-демократическая партия Гнчак. Из Константинополя осуществлялось руководство всеми зарубежными центрами партии дашнаков; кроме того, Ленчевский отмечал наличие ее связей с революционными инородческими партиями в России (финскими, кавказскими, польскими и еврейскими), их стремление объединить под своим руководством и всех русских революционеров. Еще одним источником угрозы Ленчевский называл тайную деятельность младотурок по революционизированию путем панисламистской пропаганды российских мусульман, особенно горцев Кавказа, в первую очередь — Дагестана и Чечни.

По убеждению Ленчевского, враги государственного строя России также свили себе гнезда в Румынии и Болгарии. В первой они были представлены в основном различными группами и кружками анархистов и эсеров (последние имели свой комитет, подчиненный Парижскому), а также остатками матросов экипажа броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Деятельность эмигрантов-революционеров в Румынии сводилась в основном к отправке в Россию контрабандной литературы и снабжению беглецов паспортами. Схожей была обстановка в Болгарии, но опасность оттуда, по мнению Ленчевского, была серьезнее, поскольку в этой стране действовали две могущественные армянские партии, имевшие в среде многочисленной местной армянской колонии свои отделения, содержавшие там склады оружия и взрывчатки и получавшие инструкции из Константинополя.

Автор доклада подчеркивал, что работа русской политической полиции по противодействию всем названным угрозам велась на Балканах совершенно неудовлетворительно. «Агентура Одесского Охранного отделения, действующая на Балканском полуострове, крайне слаба и не организована и ей часто неизвестно даже то, что

является достоянием всякого лица, проживающего в названных государствах, не принадлежащего ни к какой революционной организации, а просто интересующегося политическими событиями, проходящими на его глазах и обсуждаемых местной прессой», — констатировал Ленчевский<sup>13</sup>.

Министерство иностранных дел обещало Департаменту полиции оказать Ленчевскому содействие со стороны посла в Константинополе Н. В. Чарькова. Однако, по убеждению Ленчевского, при организации центра агентуры в Константинополе нельзя было рассчитывать на содействие русского посольства и консульства, готовых помочь больше на словах, чем на деле<sup>14</sup>. Как считал эмиссар политического сыска, учреждения дипломатического ведомства следовало рассматривать лишь как временный приют и избегать посещений их, тем более что среди их служащих было много инородцев, в частности армян. Также не приходилось строить расчеты на содействие турецких властей и полиции, ведших плотную слежку за всеми представителями иностранных миссий и европейцами вообще.

Новую агентуру в Константинополе Ленчевский предлагал укомплектовать преимущественно сотрудниками Одесского и Кавказского районных охранных отделений. Свидания руководителя сыскного пункта с ними следовало проводить в условиях строгой конспирации в целях сохранения в тайне личности заведующего агентурой. Желательно было также иметь при русском консуле мелкого служащего, лучше из старых надежных филеров, который мог бы служить передатчиком почты и выполнять другие мелкие поручения. От заведующего агентурой требовалось знание турецкого и, по возможности, армянского языков, так как французский и немецкий в деле сыска в Турции были бесполезны.

«Что касается существующей агентуры в Румынии и Болгарии, — писал Ленчевский, — то, если Департамент полиции не найдет возможным ее совершенно упразднить, то таковую, за исключением сотрудника „Такварьяна“, в виду вышеизложенных условий, было бы удобнее оставить в распоряжении Одесского Охранного отделения, тем более, что ротмистр Кречунеско, благодаря знанию румынского языка, вошел в личные сношения на почве взаимных услуг в деле розыска с румынской полицией»<sup>15</sup>.

Руководство Департамента согласилось с основными положениями доклада Ленчевского. В апреле 1910 года ему было предписано готовиться к новой шестимесячной командировке в Константинополь

с целью организации там агентуры, для чего ему следовало незамедлительно приступить к изучению турецкого и армянского языков<sup>16</sup>. 12 ноября 1910 года Ленчевский был командирован в османскую столицу с денежным содержанием в 5400 рублей в год. Так было положено начало работы агентурного бюро Департамента полиции на берегах Босфора.

В Константинополь В. В. Ленчевский прибыл с заграничным паспортом на фамилию «Лобанов». Конспирация работы бюро с самого начала была скорее фиктивной. Несмотря на предупреждения Ленчевского о практической невозможности и нецелесообразности для агентуры работать «по парижскому образцу», под консульской крышей, помещение для канцелярии бюро было отведено именно в здании русского консульства, среди персонала которого было много турок и армян, в том числе и весьма подозрительных, по мнению сотрудников бюро, личностей. Следующий глава Константинопольской агентуры даже просил у начальства разрешения ночевать кому-нибудь из его сотрудников в служебном помещении — для охраны секретных материалов<sup>17</sup>.

Вся корреспонденция от Константинопольской агентуры шла в Одессу и в Департамент полиции по консульской почте, за печатью консула; причем письма передавались напрямую сотрудниками консульства капитанам русских пароходов. Собственным российским почтовым отделениям в Константинополе, которые существовали там по условиям капитуляций великих держав и Турции и были укомплектованы в основном местными жителями, русские дипломаты и агенты полиции справедливо не доверяли<sup>18</sup>. Как докладывал в марте 1914 года ротмистр Кречунеско, сменивший Ленчевского на посту руководителя бюро, с самого приезда «Лобанова» в Турцию местные власти и русские эмигранты были твердо убеждены в том, что он занимается политическим сыском. Более того, эмигранты неоднократно обсуждали вопрос, что им делать с «Лобановым», и каждый раз решали, что он безвреден для них<sup>19</sup>.

И все же, в конце концов, вопиющее отсутствие конспирации в работе Константинопольского бюро привело к закономерному результату. В ночь на 16 июля 1912 г., после совместного ужина в ресторане со своими знакомыми анархистами-эмигрантами Анатолием Зафириди и Фридрихом Гайлитсом, преподавателями местного 6-классного русского коммерческого училища, Ленчевский был жестоко избит ими на улице в Галате. Нападавшие пытались убить Лен-

чевского, ему удалось вырваться и бежать, однако анархисты отобрали у него записную книжку, в которой он тайнописью делал свои заметки<sup>20</sup>. Сразу же после этого Ленчевский ходатайствовал об освобождении его от должности заведующего агентурой в Константинополе, утверждая, что находится в смертельной опасности, поскольку младотурецкому комитету удалось выяснить, что именно он занимался разоблачением панисламистской деятельности на Кавказе. 14 августа преемником Ленчевского был назначен упоминавшийся выше ротмистр К. Д. Кречунеско, выехавший в Турцию с загранпаспортом на имя Константина Дмитриевича Казимира и денежным содержанием в 7950 рублей. Передача дел и сотрудников затянулась до февраля 1914 года, когда начальство, наконец, позволило Ленчевскому выехать в Россию<sup>21</sup>.

Константинопольская агентура создавалась буквально на пустом месте; штатный состав нового органа, как и начальный кадр секретных сотрудников, формировался по прочно укоренившемуся в России импровизационному принципу — «с бору по сосенке». Помощником заведующего агентурой стал коллежский секретарь Геннадий Дмитриевич Венценосцев. Этот молодой человек (род. в 1887 г.), окончивший Пензенскую гимназию с серебряной медалью и Лазаревский институт восточных языков с правом на чин 10-го класса, владел французским, турецким, персидским, азербайджанским, сартовским, арабским, армянским и грузинским языками. С 1909 года он служил переводчиком, затем делопроизводителем Туркестанского районного охранного отделения, в мае 1912 года был командирован в Константинополь под фамилией «Волков», с окладом жалованья в 3600 рублей в год и с выплатой на разъезды по городу 25 рублей в месяц<sup>22</sup>. Увы, несмотря на впечатляющую языковую подготовку, Венценосцев оказался совершенно непригоден для службы. Непосредственный начальник характеризовал его как «неуживчивого, грубого, во всех отношениях отрицательного и нежелательного подчиненного»<sup>23</sup>.

Венценосцев неоднократно пренебрегал инструкциями начальства и основами конспирации<sup>24</sup>. В частности, однажды в ресторане в разговоре с неким коммерсантом Вейсманом Венценосцев отрекомендовался востоковедом и служащим в «казенном бюро по предупреждению и пресечению проституции русско-подданных женщин в Константинополе»<sup>25</sup>. Сказал, что бюро помещается в здании консульства, что его начальник — дряхлый седой старик; иными словами,

понес вздор, опасный для конспирации агентуры. Сразу же выяснилось, что собеседник его был не так уж прост, поскольку он начал говорить о своих связях с Парижской агентурой Департамента полиции, о покойном П. И. Рачковском, рассказал даже о прежней Балканской агентуре с центром в Бухаресте. Когда об этом разговоре стало известно Ленчевскому, тот ужаснулся болтливости своего подчиненного и сообщил ему, что его странный собеседник был агентом революционных кругов, специально направленным для изучения работы охранки в Константинополе. На все обвинения Венценосцев упрямо отвечал, что версию о бюро по борьбе с проституцией ему предложил сам Ленчевский. В конце концов, начальство потребовало отзыва Венценосцева и увольнения со службы<sup>26</sup>. Должность помощника заведующего агентурой была после этого упразднена.

Чиновником для письма при Константинопольской агентуре с весны 1914 года был назначен Георгий Георгиев Аждер (Аждеров), 27 лет, житель Рени, родной брат казначея Штаба ОКЖ подполковника Аждера. Штатным переводчиком агентуры стал коллежский секретарь Мамед Гаджи Рашид оглы Мамедов. По смете на содержание личного состава агентуры в Константинополе выделялось 13 200 рублей в год (по 1100 рублей в месяц)<sup>27</sup>.

Основной состав секретных сотрудников Константинопольского бюро был укомплектован случайными и малопригодными людьми. Еще в феврале 1910 года Департаментом полиции был командирован в Константинополь бывший секретный сотрудник Кавказского районного охранного отделения Левон Сааков Баласаниян (Баласаниянц), уроженец Эриванской губернии, проходивший под псевдонимом «Субботин». Это был агент с богатым, но довольно сомнительным прошлым и подмоченной репутацией. В 1907 году он, являясь членом партии Дашнакцутюн, стал секретным сотрудником Кавказской охранки. Вскоре Субботин был провален пришедшим на свидание с ним сотрудником, однако ему удалось оправдаться. Изображая обиду на заподозривших его товарищей, он перешел в партию Гнчак, примкнув к ее русофильской фракции Сабах Гюляна. Новый повод подозревать Субботина возник в 1911 году, когда после его поездки по делам партии в Одессу там сразу же была проведена ликвидация<sup>28</sup>.

Одновременно генерал-майор Д. С. Померанцев командировал из Одессы в Константинополь своего секретного сотрудника, также из числа дашнаков, действовавшего под псевдонимом «Головинский».

В бытность свою в Одессе он давал сведения по партиям эсеров и анархистов-коммунистов; после произведенных зимой 1910 года ликвидаций «Головинского», во избежание провала, подвергли административной высылке. Сотрудники «Субботин» и «Головинский» составили основной кадр внутреннего наблюдения Константинопольского бюро. Они поселились в столичном районе Галата под видом торговцев, снимали соседние лавки. Вскоре два агента-армянина начали ссориться друг с другом, а это менее всего способствовало успеху их негласной работы, особенно принимая во внимание, что оба ранее уже были скомпрометированы в революционных кругах. В декабре 1913 года Ленчевский получил агентурные сведения о том, что местное отделение партии Гнчак недавно исключило из своей среды Баласаяна-«Субботина», уже в третий раз обвиняя его в работе на охранку. Не зная, какими уликами располагают члены партии, Ленчевский не был уверен, что сможет вновь реабилитировать своего агента. Однако вскоре ротмистр Кречунеско выяснил, что слухи о провале Баласаяна распускал «Головинский»<sup>29</sup>.

Наконец, Одесская охранка передала Ленчевскому своих агентов в Болгарии «Карова» и «Такварьяна» — двух наиболее ценных сотрудников в составе прежней агентуры на Балканах. По словам Ленчевского, «Такварьян», подобно «Головинскому» с «Субботиным», был передан ему уже фактически проваленным, однако благодаря умелым действиям его, Ленчевского, восстановил и укрепил свое высокое положение в партии анархистов-коммунистов, развил связи с Союзом черноморских моряков и Македонской революционной организацией<sup>30</sup>.

От некоторых старых сотрудников Балканской агентуры охранка попыталась избавиться, но это оказалось не так-то просто. С 1 июля 1910 г. был уволен ветеран работы на Балканах Осадчук, продолжавший просить о сохранении ему жалованья и материальной помощи, присылавший бесполезные и пустые сведения<sup>31</sup>. Большинство его донесений на имя Кречунеско представляло собой смесь отчаянных просьб о материальной помощи и расплывчатых малоинтересных сведений о каких-то якобы признаках активности революционеров. В 1911 году Осадчук, которому тогда было 54 года, с семьей переехал в Россию, в г. Ананьев Херсонской губернии. Как раз в то время начали создаваться контрразведывательные отделения военно-окружных штабов, и возглавивший контрразведку штаба Одесского военного округа жандармский подполковник Н. Н. Аплечеев принял

Осадчука на службу — с 10 октября 1911 г. в должности чиновника для поручений Осадчук вновь служил на румынской территории. Он был стар и болен, страдал церебро-спинальной невралгией в тяжелой форме, нарушавшей его психическую деятельность, а также хронической экземой. В феврале 1914 года Осадчук был вынужден прекратить службу в Бухаресте, якобы по крайне расстроенному состоянию здоровья<sup>32</sup>.

В действительности же он оказался в центре очередного шпионского скандала, разгоревшегося в Румынии в январе. Русские эмигранты стали замечать пропажу своих писем, что они приписывали местному «черному кабинету». Однако румынские власти выяснили, что прибывшие в Бухарест под видом мелких торговцев Осадчук и Мотылев по старой привычке подкупили почтовых чиновников и организовали перлюстрацию всей входящей и исходящей русской почты. Для этого они имели особую конспиративную квартиру. Осадчук содержал чайную лавку, в которой хранилось всего два-три десятка коробок этого товара. Распространились слухи, что Осадчук был близок с Олтыновичем, главным участником оглушительного «дела Голиеску» — офицера румынской армии, передававшего сведения русской военной разведке. Румынское общество было возмущено. В конце концов глава сигуранцы добился разрешения на немедленную высылку Осадчука, Мотылеву же удалось доказать свою непричастность<sup>33</sup>. Даже после этого провала одесская контрразведка из-за острой нехватки кадров была вынуждена продолжать пользоваться услугами Осадчука; этот заслуженный, но уже мало пригодный для дела сотрудник-инвалид прослужил в Одессе при КРО штаба округа до 8 сентября 1916 г.

Агентуре Департамента полиции в Константинополе довелось действовать в период двух Балканских войн, в том числе и в осадных условиях осени 1912 года, под грохот канонады с Чатаджинской укрепленной линии. В те дни большинство европейцев в османской столице спешили укрыться в зданиях посольств и консульств, рассчитывая на защиту со стороны десантных отрядов, орудий и пулеметов великих держав в случае возможных кровавых беспорядков. Сотрудники агентуры Кречунеско продолжали с риском для жизни исполнять свой долг, однако в таких условиях и при остром кадровом голоде их работа не могла быть плодотворной.

Сам Кречунеско после окончания Балканских войн докладывал начальству о необходимости активизации работы за пределами Тур-

ции, прежде всего в Болгарии, к власти в которой пришли русофобские силы и где были сильны позиции социалистов<sup>34</sup>. Помимо прежних ценных сотрудников «Карова» и «Такварьяна», в Болгарии Константинопольская агентура приобрела в то время нового тайного агента «Петрова». Он был 40–42 лет от роду, жил прежде в Варне, а к началу 1914 года — в Филиппополе, где служил префектом городской полиции. «Петров» передавал Кречунеско некоторые сведения, которые получал от своей агентуры<sup>35</sup>. С конца 1911 года тайным сотрудником Жандармского управления г. Одессы состоял градоначальник Варны Михайлов. Еще до занятия поста градоначальника он оказывал услуги русскому вице-консулу Фонвизину, затем активно предлагал свою помощь в политическом сыске новому вице-консулу К. А. Рагозину, а также работал с представителем Балканской агентуры Шварцем. По оценке Фонвизина и Рагозина, Михайлов был «человеком энергичным и знающим свое дело», но «увлекающимся и способным из честолюбия и желания играть роль преувеличивать значение сообщаемых им фактов»<sup>36</sup>. Михайлов говорил, что имеет ценные источники в революционной среде, которые позволяли ему осветить всю деятельность русских эмигрантов в Болгарии и их планы по ввозу революционной контрабанды в Россию. Одновременно, чтобы подстраховаться, Михайлов писал записки министру внутренних дел Болгарии о необходимости сотрудничества с русской полицией в деле борьбы с революционерами и просил для себя разрешения на поездку в Одессу для переговоров с русскими властями. С 9 января 1912 г. градоначальник Варны был зачислен вспомогательным сотрудником Департамента полиции с месячным жалованьем в 75 рублей (200 франков)<sup>37</sup>.

И все же наладить стабильную и плодотворную работу агентуры в Болгарии так и не удалось ни из Константинополя, ни из Одессы. В конце декабря 1913 года Кречунеско был вызван в Петербург, на Фонтанку 16, «для выяснения причин бездеятельности означенной [Константинопольской] агентуры»<sup>38</sup>. В своем докладе ротмистр был вынужден признать, что «наличный состав его секретных сотрудников является настолько слабым и недостаточным, что не может с успехом освещать деятельность русских революционных групп, функционирующих в Константинополе и на Балканском полуострове»<sup>39</sup>. В январе 1914 года директор Департамента С. П. Белецкий предпринял попытку усилить кадры секретных сотрудников Константинопольской агентуры путем командирования туда агентов жандармских управле-



ний Одессы, Севастополя, Бессарабии и Тифлиса. По этому вопросу завязалась переписка, но в итоге управления смогли предложить всего несколько малопригодных для заграничной работы сотрудников, либо уже проваленных, либо сомнительных занятий, либо неспособных действовать в среде революционных партий. К концу апреля Департамент полиции был вынужден сообщить Кречунеско, что не может передать ему на усиление никого из подходящих сотрудников<sup>40</sup>.

17 февраля 1914 г. руководство Департамента полиции утвердило инструкцию заведующему агентурой в столице Османской империи. Главной задачей ему ставилось наблюдение за деятельностью на Балканах, в Константинополе и Александрии русских и иностранных революционных организаций, угрожающих безопасности России, прежде всего за передвижением международных террористов и анархистов, намеревающихся проникнуть в пределы России. В инструкции подчеркивалось, что в обязанности Константинопольской агентуры не входит общая политическая разведка и наблюдение за революционными организациями, не враждебными Российской империи. Бюро в Константинополе не следовало заниматься сбором подробных сведений по Азиатской Турции, Сирии, Персии, Египту (кроме Александрии), поскольку там не было ни соответствующей агентуры, ни русской революционной эмиграции. В будущем допускалось начало наблюдения за деятельностью армянских революционеров в пределах Эрзерумского вилайета и в персидском Тавризе. Все сведения из Константинополя предписывалось докладывать директору Департамента полиции, в случае необходимости также — начальникам жандармских управлений Одессы, Крыма, Кавказа и Бессарабии. Всякие встречи с официальными лицами в Константинополе инструкция признавала неудобными и излишними. В отношениях с дипломатами сотрудники Константинопольской агентуры должны были соблюдать такт и осторожность, беречь секретных сотрудников от провала. Подбором последних следовало заниматься как самому бюро в Константинополе, так и Департаменту полиции (как уже было сказано, оба в действительности ничего с этим не могли поделать). Именно результаты работы с секретной агентурой, отмечалось в инструкции, должны были стать мерилем успешности сыскного пункта в Константинополе<sup>41</sup>.

Установление контактов с политической полицией Болгарии и Сербии было признано целесообразным, но их рекомендовалось завязывать не напрямую, а по линии МИД. Впрочем, целый ряд вопро-

сов взаимодействия ведомств Фонтанки и Певческого моста оставался нерешенным. В мае 1914 года был выдвинут проект причисления штатных сотрудников Константинопольской агентуры к русскому генеральному консульству в османской столице. Однако генконсул А. Ф. Шебунин возражал против этого, считая, что приобретение ими статуса консульских служащих могло помешать их работе<sup>42</sup>.

Константинопольская агентура во главе с ротмистром К. Д. Кречунеско была слаба, неэффективна и явно не соответствовала обширным задачам, поставленным перед ней руководством. Через несколько дней после начала мировой войны, еще до разрыва дипломатических отношений России и Турции, глава Константинопольского бюро расписался в собственной беспомощности и, по сути дела, бежал с вверенного ему поста. 31 июля 1914 г. Кречунеско, не получив на то никаких распоряжений начальства, самочинно вернулся в Одессу, привезя с собой переводчика Мамедова и архив агентуры. Начальнику одесского Охранного отделения П. П. Заварзину он объяснил свое возвращение «невозможностью продолжать розыск в Турции вследствие начавшегося под влиянием Германии преследования турецкими властями служащих в российском посольстве»<sup>43</sup>. Руководству Департамента полиции пришлось смириться с этим и принять решение: «Бюро Балканской агентуры упразднить впредь до окончания войны с Германией и выяснения политических взаимоотношений с Турцией»<sup>44</sup>. С 1 сентября 1914 года Балканская агентура официально прекратила свое существование<sup>45</sup>.

Ротмистру Кречунеско было предписано явиться к 11 августа в Петербург с оправдательными документами для отчета в израсходованных денежных средствах, от которого тот прежде уклонялся<sup>46</sup>. Проведенная вскоре проверка отчетности выявила, что «в отношении оправдательных документов оказался целый ряд недочетов, сводящийся к полному отсутствию расписок сотрудников, к представлению документов, подлежащих проверке вследствие своей неясности, и к превышению норм выдач»<sup>47</sup>. Общая сумма неоправданных расходов Кречунеско составила 4681 рубль 62 копейки, неясными и подлежащими проверке были признаны оправдательные документы на сумму 1069 рублей 23 копейки, неправильные выдачи и неоправданные повышения жалования составили 772 рубля 52 копейки, необоснованно было выведено на личную агентуру 470 рублей. Учитывая ряд других мелких погрешностей, всего Кречунеско был обвинен в неоправданном расходовании 7020 рублей 89 копеек (что составляло

примерно сумму общих расходов его бюро за трехмесячный период)<sup>48</sup>. Проверка также признала большинство сведений агентуры Кречунеско по партиям Дашнакцутюн и Гичак и по Болгарии несущественными; агенты черпали их преимущественно из партийной прессы и общих слухов.

Предельно ясную картину крупной денежной растраты дополняли позорные детали: склеивание ротмистром Кречунеско целого ряда расписок сотрудников из отдельных кусочков, а также подделывание почерка агента «Карова» (Шварца), что выяснилось путем сличения его расписок с имевшимися в Департаменте образцами. 15 сентября 1914 года бывший руководитель Константинопольского бюро Департамента полиции бежал из России в Румынию и 2 октября Высочайшим приказом был исключен из службы безвестно-отсутствующим<sup>49</sup>.

Что привело карьеру жандармского ротмистра к такому постыдному концу? В апреле 1914 года, жалуясь на нехватку способных подчиненных, в письме на имя директора Департамента полиции Кречунеско писал, что, как свидетельствовал его шестилетний опыт заведывания агентурой на Балканах, «сплошь и рядом могущие быть полезными в Империи сотрудники оказываются непригодными дляграничной жизни, что отражается на выполнении взятых ими на себя услуг»<sup>50</sup>. Увы, эти слова оказались полностью справедливыми и в отношении его самого. Лишь позднее стало известно, что, в бытность свою в Константинополе, Кречунеско «по имеющимся секретным сведениям, вместо выполнения своих прямых обязанностей, всецело предавался торговым предприятиям, в каковые, по-видимому, вкладывал казенные суммы, отпускаемые на розыск»<sup>51</sup>.

Немного времени спустя русская разведка в Румынии вновь столкнулась с призраком беглого жандармского ротмистра-растратчика. В апреле 1915 года начальник штаба ОКЖ В. П. Никольский обратился в Генштаб с просьбой проверить сведения о том, что бывший ротмистр Кречунеско, якобы, стал помощником редактора одной бухарестской газеты и часто появлялся в обществе русского военного агента в Румынии полковника Б. А. Семенова<sup>52</sup>. В ответе на запрос Семенов категорически отрицал это; наведя справки, он выяснил следующее. Еще 13 декабря 1914 г. румынское министерство юстиции уведомило нашу миссию, что 5 октября того же года в институт Медиколегаль в Бухаресте был доставлен труп некоего Константина Кречунеско, 42 лет от роду, по профессии — агента секретной

полицей, румына-бессарабца под русским покровительством, родившегося в Кагуле и проживавшего в Бухаресте, улица Колумбелор № 11-бис. Умер он 1 октября 1914 г. в госпитале Кольца. Смерть Кречунеско наступила от отравления фосфором, что было удостоверено медицинским вскрытием, акт которого был препровожден русской миссией через бессарабского губернатора вдове Кречунеско<sup>53</sup>. У начальника румынской тайной полиции Панаитеску Семенов выяснил частным образом, что Кречунеско покончил жизнь самоубийством. Панаитеску также подтвердил, что некоторое время Кречунеско состоял тайным агентом сигуранцы<sup>54</sup>. В Генштабе так и не узнали, являлся ли покойный Кречунеско одним лицом с бывшим жандармским ротмистром. Однако все данные, включая точный возраст покойного, не оставляли в этом никаких сомнений.

\* \* \*

Османская Турция не одно столетие была предметом пристального внимания военного и военно-морского ведомства России, что было предопределено постоянным противостоянием двух могущественных империй. Но лишь в самые последние годы жизни императорской России к работе на турецкой территории приступила русская политическая полиция. Сама идея создания отдельного подразделения русской охранки на берегах Босфора была вполне здравой и отражала трезвое видение источников революционно-террористической угрозы России, которые находились на Балканах и в Турции. В известном смысле, создавая Константинопольское бюро, политическая полиция Российской империи находилась на передовом крае прогресса секретных служб того времени. В дальнейшем, в течение XX века идея создания резидентур политической разведки и контрразведки, как под прикрытием посольских и консульских учреждений, так и нелегальных, получила свое максимально полное воплощение. Замысел создания Константинопольского бюро (как и нескольких других подобных резидентур политического сыска) в известной степени опережал свое время и предвосхищал будущее. Однако практическая реализация этого замысла вышла отвратительной, что отражало тогдашний уровень профессиональной деградации русского ведомства политической полиции и его агентурной работы. К решению важной и сложной задачи подошли с заведомо недостаточными силами и средствами; дело было доверено плохо подготовленным штатным сотрудникам, которые использовали ненадежных и малоценных ин-

форматоров, не владели азами конспиративной работы и порой имели весьма неприглядный моральный облик. Поэтому история деятельности Константинопольской агентуры Департамента полиции Российской империи завершилась быстрым и постыдным провалом. Продолжать работу по изучению Турции и сопредельных стран в дальнейшем предстояло разведке и контрразведке уже совсем другого государства — Советской России, которая совершенно иначе подходила к организации и контролю за своими секретными службами.

### Примечания

- 1 См.: *Каширин В. Б.* Кадры русского политического сыска на Балканах (конец XIX — начало XX в.) // В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010. С. 376–404.
- 2 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. 1905 г. Ед. хр. 1. Ч. 3. Л. 164.
- 3 Из его послужного списка 1909 г. и справки о службе 1914 г.: ротмистр Кречунеско Константин Дмитриевич, родился 10 апреля 1871 г., из потомственных дворян Бессарабской губернии, православный. Окончил Елисаветградское кавалерийское юнкерское училище (1894), выпущен корнетом в 17-й драгунских Волынский полк. 11 февраля 1900 г. определен на службу в ОКЖ. Занимал должности младшего офицера и затем адъютанта Санкт-Петербургского жандармского дивизиона. С 18 октября 1903 г. — адъютант Жандармских полицейских управлений железных дорог. С 19 января 1906 г. — начальник Белевского отделения Московско-Камышинского Жандармского полицейского управления железных дорог. С 5 декабря 1907 г. — помощник начальника Кишиневского отделения Одесского Жандармского полицейского управления железных дорог на пограничном пункте в м. Унгенах. С 25 июля 1908 г. — помощник начальника Одесского районного охранного отделения, руководитель Балканской агентуры. С 14 августа 1912 г. — заведующий Балканской агентурой. Владеет румынским, греческим и французским языками. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 17. Ед. хр. 315. Л. 77–85. Кречунеско К. Д. П/с 1909 г.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 2. Л. 66–67.
- 4 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 17–19. К. Д. Кречунеско — заведующему Особым отделом ДП МВД. 19 января 1909 г. № 5.
- 5 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 79–80 об. Д. С. Померанцев — Директору ДП. 15 марта 1910 г. № 51.
- 6 Там же.
- 7 Там же. Л. 94–94 об. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1906 г. Ед. хр. 872. Л. 163–172, 175–175 об.
- 8 Об агентах «Карове» (адвокате Шварце) и «Гакварьяне» (капитане торгового флота Антоне Прудкине) подробнее см.: *Каширин В. Б.* Кадры русского политического сыска...; он же. Опасные связи капитана Прудкина: Легендарный болгарский моряк и секретные службы России // *Родина*. 2009. № 8. С. 122–126.
- 9 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 22–23.
- 10 Там же. Л. 21–21 об.

- 11 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 86.
- 12 Там же. Л. 86–88.
- 13 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В. В. Ленчевский — Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4.
- 14 По словам Ленчевского, посол принял его радушно, выразил удовольствие по поводу целей организации розыска и отослал к консулу. Консул Панафидин также встретил очень любезно, но все его практическое содействие свелось к обещанию дать комнату для занятий, кассу с ключом для хранения переписки, согласно подписывать телеграммы и отсылать донесения почтой за консульской печатью. От всякого другого участия консул устранился, в частности, в вопросе о разрешении свиданий Ленчевского с заявителями в стенах консульства. Одна из причин заключалась в том, что Панафидину очень надоела своими визитами прежние сотрудники охранки, особенно Мелас, от посещений которых консул просил его освободить и добавил, что денег никому давать не будет. Ленчевский успокоил его на этот счет. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1909. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В. В. Ленчевский — Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4.
- 15 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Год 1909. Ед. хр. 436. Л. 34–38 об. В. В. Ленчевский — Директору ДП. 30 марта 1910 г. № 4.
- 16 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 436. Л. 47.
- 17 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 10–10 об.
- 18 Там же. Л. 173–174 об.
- 19 Там же. Л. 107–108. К. Д. Кречунеско — директору ДП. 3 марта 1914 г. № 65.
- 20 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1911 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Л. 168–175 об.
- 21 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 86–88.
- 22 Там же. Л. 6–7 об.
- 23 Там же.
- 24 Однажды Венценовцев попросту отказался перепечатать на машинке рукописный текст перевода с турецкого, выполненного переводчиком Мамедовым. Не имея на то ни права, ни разрешения, Венценовцев самовольно именовал себя то атташе, то секретарем, то драгоманом посольства; позднее же, в ответ на обвинения начальства, он утверждал, что место имели ошибки и недоразумения. В действительности, сразу после прибытия Венценовцева в июне 1912 года в Константинополь Ленчевский дал ему указание называться при необходимости студентом, прикомандированным к посольству для изучения восточных языков. Однако Венценовцев явно пренебрегал этим указанием.
- 25 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 30–31 об.
- 26 Там же. Л. 58, 67, 100, 105, 164.
- 27 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 2. Л. 3–4.
- 28 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 140–141 об.
- 29 Там же. Л. 140–141 об.
- 30 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1911 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Ч. II. Л. 62–63 об.
- 31 Об Осадчуке см. также: *Каширин В. Б.* Кадры русского политического сыска.
- 32 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1909 г. Ед. хр. 301. Л. 55–59 об., 84, 95–96.
- 33 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 63.

- <sup>34</sup> Там же. Л. 133–134. К. Д. Кречунеско — директору ДП. 14 апреля 1914 г. № 125.
- <sup>35</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 2. Л. 1а.
- <sup>36</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1912 г. Ед. хр. 354. Л. 1–5 об.
- <sup>37</sup> Там же. Л. 6–8 об.
- <sup>38</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 200. Л. 15–16 об.
- <sup>39</sup> Там же. Л. 15–16 об.
- <sup>40</sup> Там же. Л. 48.
- <sup>41</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 75–78 об.
- <sup>42</sup> Там же. Л. 167–167.
- <sup>43</sup> Там же. Л. 177.
- <sup>44</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 2. Л. 20.
- <sup>45</sup> Там же. Л. 75–75 об.
- <sup>46</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 1. Л. 178.
- <sup>47</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 1 лит. Д. Т. 2. Л. 5 об.
- <sup>48</sup> Там же. Л. 2–21.
- <sup>49</sup> РГВИА. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 1. В. П. Никольский — М. Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915 г. № 776.
- <sup>50</sup> ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. 1914 г. Ед. хр. 200. Л. 45–46.
- <sup>51</sup> Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2000. Оп. 16. Ед. хр. 325. Л. 6–6 об. Доклад по КРО при Огенкваре. 11 июня 1915 г. № 4723.
- <sup>52</sup> Там же. Л. 1. В. П. Никольский — М. Н. Леонтьеву. 24 апреля 1915 г. № 776.
- <sup>53</sup> Там же. Л. 3. Б. А. Семенов — в Огенквар. 4 мая 1915 г. № 594.
- <sup>54</sup> Там же. Л. 4. Б. А. Семенов — в Огенквар. 6 мая 1915 г. № 600.

П. А. Искендеров

## Россия и национальные программы сербских партий (1913–1914 гг.)\*

Сразу после заключения 10 августа 1913 г. Бухарестского мирного договора, завершившего вторую Балканскую войну, в Белграде стали распространяться слухи о предстоящей отставке сербского кабинета Николы Пашича. Они содержали в себе целый ряд аспектов, главным из которых была неоднозначная ситуация вокруг решения вопросов, лежавших в плоскости национальной политики и решения задач государственного строительства в создавшейся на Балканах новой ситуации. Слухи были связаны, с одной стороны, с обвинениями, звучавшими со стороны оппозиционных партий в адрес сербского правительства в недостаточно последовательной и решительной политике во время Балканских войн, а с другой — с заявлениями самих министров, выразивших желание в полном составе уйти в более или менее продолжительные отпуска, что привело бы к невозможности в указанных условиях обеспечить выработку многочисленных законопроектов, которые должны были быть утверждены на осенней сессии Народной скупщины. Однако, после ряда консультаций с главой кабинета, министры приняли решение продолжать работу в прежнем составе, за исключением двух членов Совета министров, пожелавших уйти в отставку. Министр торговли и земледелия К. Стоянович в оправдание своего шага сослался на то, что его программа хозяйственного подъема присоединенных к Сербии областей не получила поддержки министра финансов Сербии, отказавшего ему в выделении необходимых кредитов, а министр юстиции Поличевич объяснил свое решение личными разногласиями с лидерами Старорадикальной партии<sup>1</sup>.

Выбор Пашичем их преемников вызвал неоднозначную реакцию в политических кругах страны, которые склонялись к мнению, что новый министр юстиции М. Джуричич, ранее уже занимавший дан-

---

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («История Косово»), проект № 08–01–00495а.



ный пост, а также молодой депутат скупщины В. Янкович, заменивший в правительстве опытного Стояновича, «способны только ослабить кабинет, который, не обладая достаточным большинством в скупщине, не будет в состоянии отбивать неминуемые атаки оппозиции»<sup>2</sup>. Возможность возникновения — в связи с созывом очередной сессии скупщины 14 октября 1913 г. — политического кризиса рассматривалась вполне вероятной, в первую очередь, в связи с тем, что на ее обсуждение должны были быть вынесены различные вопросы, связанные с обустройством новых сербских территорий<sup>3</sup>.

29 октября 1913 г. Пашич произнес на заседании скупщины речь об основных направлениях внешней политики своего кабинета, в которой в сжатой форме изложил историю балканского кризиса от начала первой Балканской войны до заключения Бухарестского мирного договора. Оппозиционные партии подвергли данную политику резкой критике, поставив Пашичу в вину потерю Адриатического побережья и Шкодера, а также образование автономного Албанского государства<sup>4</sup>.

Это был отнюдь не первый случай, когда оппозиционные партии выступили против внешней политики старорадикального кабинета. Так, еще в мае 1913 г. сербские либералы подвергли резкой критике внешнюю политику кабинета Пашича, потребовав от него занять более решительную позицию в отношении территориальных и иных требований Болгарии<sup>5</sup>. Спустя некоторое время, 30 июня, на заседании скупщины депутаты от Либеральной партии прямо обвинили Пашича и его правительство в чрезмерной уступчивости в том, что касалось сербо-болгарских отношений, и одновременно осудили позицию по указанному вопросу России, которая, по их мнению, всегда покровительствовала Болгарии в ущерб Сербии. Эти заявления были сделаны ими еще до получения сообщения о нападении болгарской армии на сербские передовые посты на Овчем поле, которое, в свою очередь, придало им дополнительный вес и привело к еще большему обострению прений<sup>6</sup>.

Однако предполагавшийся многими парламентский кризис разразился позднее — в декабре 1913 г. 26 декабря 1913 г. оппозиционные партии, выступавшие против введения в действие в новых сербских областях положений отдельного «Наказа» вместо распространения на них действия конституции, устроили антиправительственную obstruction на заседании, обсуждавшем ряд статей государственного бюджета, в связи с чем работа высшего законодательного органа страны была прервана до 29 декабря<sup>7</sup>.

Другим важным пунктом, по которому оппозиционные партии подвергли критике кабинет Пашича, был вопрос о Восточной железной дороге. Они, а также некоторые министры в самом правительстве, находили более отвечающим экономическим и политическим интересам Сербии приобретение в собственность того участка линии, который проходил по сербской территории, в то время как сам Пашич и его ближайшие советники считали подобный путь в сложившихся политических условиях трудноосуществимым и в связи с этим согласились на выдвинутое группой французских финансистов предложение об интернационализации дороги<sup>8</sup>.

В принципе, правительство Пашича, используя голоса депутатов-старорадикалов, могло получить необходимый для работы кворум и добиться принятия данного законопроекта без участия в заседании депутатов от оппозиционных партий. Тем не менее, кабинет Пашича принял решение уйти в отставку, будучи уверенным, что ни одна из оппозиционных партий не сумеет образовать работоспособное правительство, а на новых выборах старорадикалы получат подавляющее большинство голосов избирателей<sup>9</sup>.

Сразу после объявления перерыва в работе скупщины Пашич посетил посланника России в Белграде Н. Г. Гартвига и изложил ему свои соображения относительно будущего возглавляемого им кабинета. На замечание российского дипломата о серьезной опасности осуществления вышеуказанной комбинации в условиях отсутствия политической стабильности в стране и на Балканах в целом, Пашич, в принципе согласившись с подобными опасениями, подчеркнул, что, принимая решение об отставке, его правительство руководствовалось следующими соображениями. Во-первых, с точки зрения интересов Сербии, сознательное допущение внутривнутриполитических осложнений именно в данное время представляется более безопасным шагом, нежели осуществление этого плана весной будущего года, когда резко возрастет вероятность разного рода внешнеполитических осложнений. Во-вторых, новый кабинет, если он будет сформирован усилиями оппозиции, в первую очередь, младорадикалов и напредняков, будет, по его мнению, неукоснительно следовать нынешнему внешнеполитическому курсу Сербии. По словам Пашича, решение о необходимости отставки будет принято после всестороннего обсуждения данного вопроса в Совете министров, а непосредственным предлогом должно послужить прошение об отставке, поданное военным министром генералом М. Божановичем, ввиду отказа правительства утвердить представленную им смету военных расходов<sup>10</sup>.

На заседании скупщины 29 декабря 1913 г., несмотря на демонстративное отсутствие всех депутатов от оппозиционного блока, правительству Пашича удалось собрать необходимый кворум и провести через парламент законопроект о государственном бюджете, который получил одобрение 85 депутатов при одном голосе «против»<sup>11</sup>. Однако после окончания заседания представители трех оппозиционных партий (Либеральной, Младорадикальной и Напредняцкой) имели беседу с Пашичем, в ходе которой поставили его в известность, что они будут неукоснительно придерживаться избранной ими тактики обструкций, направленной на срыв нормальной работы законодательного органа<sup>12</sup>. В этих условиях на следующий день, 30 декабря, утром, старорадикальный кабинет Пашича подал королю прошение об отставке. Сразу вслед за этим шагом Пашич побывал в российской дипломатической миссии, где сообщил Гартвигу о принятом решении<sup>13</sup>. К этому моменту российский посланник уже имел на руках секретную телеграмму Сазонова, датированную 29 декабря, в которой министр иностранных дел России аргументировал позицию российского правительства, считавшего желательным сохранение у власти кабинета Пашича. Сазонов отмечал, что в МИД России полностью разделяют опасения самого Гартвига относительно оставления Пашичем своего поста при далеко еще не выяснившейся внешнеполитической обстановке. По его словам, существовала реальная опасность возникновения на Балканах новых осложнений, которые могли потребовать использования политического опыта и выдержки главы Старорадикальной партии, которые сыграли свою позитивную роль в событиях осени 1913 г., связанных с ультиматумом Австро-Венгрии, и не позволили произойти непоправимым для самой Сербии событиям<sup>14</sup>.

Пашич был глубоко тронут высокой оценкой его деятельности на посту главы сербского правительства, однако твердо заявил Гартвигу, что обязан подать в отставку в силу конституционного порядка, но что вопрос о власти тем не менее еще не решен — окончательное заключение будет зависеть от короля. Пашич процитировал российскому посланнику текст представленной им королем Петру докладной записки, в которой намечался оптимальный, с его точки зрения, выход их создавшегося положения: «В случае желания Его Величества оставить у власти правительство, пользующееся доверием большинства народных представителей, представлялось бы необходимым распустить скупщину и назначить новые выборы»<sup>15</sup>. Со своей стороны Гартвигом рекомендовал Пашичу довести содержание вышеуказанной

телеграммы Сазонова до сведения короля, с которым у него была назначена аудиенция на 4 часа в тот же день<sup>16</sup>.

В ходе данной аудиенции король Петр заявил Пашичу, что лично он испытывает по отношению к нему доверие и желает оставить у власти его кабинет. Тем не менее, согласно конституции, он должен обсудить вопрос о формировании нового правительства с лидерами оппозиционных партий<sup>17</sup>.

В результате переговоров король, на основании сделанного им вывода о невозможности для оппозиции образовать работоспособный кабинет, поручил Пашичу продолжать исполнять обязанности председателя совета министров. Король также предоставил ему право ходатайствовать о роспуске данного состава скупщины, если оппозиция не изменит своей тактики после возобновления парламентской сессии. Встретившись затем с российским посланником в Белграде, Пашич настоятельно просил его передать Сазонову искреннюю признательность за высокую оценку своей деятельности<sup>18</sup>.

3 января 1914 г. кабинет Пашича, после обсуждения вопроса в Старорадикальном клубе и на заседании совета министров, принял окончательное решение продолжать функционировать в своем полном составе, за исключением военного министра, вопрос о преемнике которого должен был быть решен дополнительно<sup>19</sup>.

На заседании скупщины 4 января, несмотря на продолжавшееся отсутствие депутатов от оппозиции, 88 голосами против одного был утвержден предложенный правительством законопроект о двух двенадцатых государственного бюджета, а также об ассигнованиях, необходимых ему на обустройство новых областей. Вслед за этим в работе высшего законодательного органа страны был объявлен перерыв до 4 февраля 1914 г.<sup>20</sup>

Тем не менее, еще до возобновления заседаний скупщины, политическая обстановка в стране вновь осложнилась. Это было связано с обсуждением вопроса об отставке военного министра Сербии генерала М. Божановича, последовавшей, как уже говорилось, вслед за отказом со стороны правительства удовлетворить его запрос о выделении дополнительных ассигнований на военные нужды<sup>21</sup>. Целый ряд высших военных руководителей отказались занять предложенный им пост из чувства солидарности с Божановичем, а также полагая, что военное министерство не сможет нормально функционировать при отсутствии дополнительных военных кредитов<sup>22</sup>. 17 января 1914 г. король провел чрезвычайные переговоры с последним из предложенных кабинетом кандидатов — полковником Душаном Стефановичем,

являвшимся во время первой Балканской войны командующим сербских дивизий, действовавших в районе Адрианополя<sup>23</sup>. К этому времени обстановка сложилась таким образом, что отказ Стефановича возглавить министерство с урезанными правительственными субсидиями автоматически повлек бы за собой отставку всего кабинета и вероятное формирование коалиционного правительства<sup>24</sup>. Однако после аудиенции у короля и беседы с Пашичем, полковник Стефанович согласился занять пост военного министра, и таким образом вероятность нового правительственного кризиса была, по крайней мере на время, устранена<sup>25</sup>.

Сообщая в российское министерство иностранных дел о причинах внутриполитического кризиса в Сербии, Гартвиг подчеркнул, что по имевшимся у него сведениям, в его основе лежали старые чисто партийные разногласия, стихшие во время Балканских войн, а сейчас вспыхнувшие с новой силой. Либералы, напредняки и младорадикалы (самостальцы) были уверены, что с успешным окончанием войн должно было само собой прекратиться единоличное и полновластное политическое господство старорадикалов, что последние, «не имея в своей среде достаточного контингента опытных людей для занятия многообразных должностей в присоединенных к Сербии новых краях, — поневоле прибегнут к содействию других политических групп; что таким образом постепенно будут сглаживаться существующие между партиями разногласия по делам внутренней политики, и что это, в свою очередь, поведет сначала к образованию коалиционного правительства, а затем, при благоприятных обстоятельствах, произойдет быть может и столь желанное для Сербии слияние четырех партий в две сильные политические группы»<sup>26</sup>. Эти надежды разделял и Пашич, который не только допускал сотрудничество с оппозиционными партиями, но равным образом «считал неминуемой коренную переоценку существующих в Сербии платформ»<sup>27</sup>. Однако он, в отличие от них, считал, что к внутриполитическим преобразованиям следовало приступать лишь после окончательного разрешения внешнеполитических вопросов, в то время как вся оппозиция стремилась «ныне же занять равное со старорадикалами положение и принять участие не только в совместном обсуждении вопросов нынешней политики, но и переустройстве всех отраслей государственного управления на новых началах»<sup>28</sup>.

Очередное обострение политической обстановки в Сербии произошло в мае 1914 г., когда отношения между правительством Пашича и оппозиционными партиями вновь осложнились на поч-

ве внутренней ситуации в стране и, в частности, в присоединенных областях. Пашич вновь заявил о своем намерении подать в отставку, но на некоторое время воздержался от осуществления данного шага, во многом под влиянием неоднократных консультаций с российским посланником в Сербии Гартвигом, который указывал ему на то неблагоприятное впечатление, которое произведет на российское правительство его уход в отставку до окончательного разрешения важных вопросов, связанных с международным положением Сербии<sup>29</sup>.

Тем временем ситуация в скупщине еще более накалилась. Резкие взаимные обвинения, которыми в ходе заседаний обменивались депутаты, представлявшие различные политические партии, привели к оформлению оппозиционного блока (ядро которого составили младорадикалы, сплотившие вокруг себя представителей других групп), решившего продолжать бороться с правительством испытанным методом обструкций, покидая зал при открытии каждого заседания, начиная с 22 мая 1914 г. Формально у правительства имелся достаточный для работы кворум, но его незначительность создавала угрозу срыва работы парламента в любой момент. Потерпев неудачу в своих попытках 22–23 мая добиться компромиссного решения с руководителями оппозиционных фракций, Пашич принял решение предложить королю распустить скупщину и назначить новые парламентские выборы, предоставив королю право решать, какое правительство будет функционировать в стране на период выборов — нынешнее во главе с Пашичем или коалиционный кабинет, образованный оппозиционным блоком. Однако, в любом случае, проведение выборов в этот период встретило бы серьезные затруднения чисто практического свойства в Сербии как аграрной стране из-за наступления сезона полевых работ<sup>30</sup>.

В последующие дни оппозиционные партии продолжали прибегать к обструкциям, блокировавшим нормальную деятельность скупщины, в результате которых, после неоднократных попыток организовать работу парламента с имевшимся у правительства абсолютным большинством в два голоса, Пашич вынужден был прекратить свои усилия, и 2 июня 1914 г. он подал королю письменное прошение об отставке всего кабинета<sup>31</sup>.

Переговоры короля с лидерами парламентских фракций продолжались более недели. Первым на аудиенцию был приглашен председатель скупщины, член Старорадикальной партии А. Николич, который категорически отказался от формирования кабинета из членов своей партии и указал королю на желательность призвания к вла-

сти оппозиционного блока как на лучший выход их создавшегося затруднительного положения. Аналогичные заявления в смысле отказа от создания правительства были сделаны также лидерами Напредняцкой и Либеральной партий. Иную позицию заняли младорадикалы. Они выразили готовность силами своей партии образовать новый кабинет, тем самым непроизвольно нарушив планы оппозиционного блока создать коалиционное правительство. Король согласился предоставить право образования нового правительства Сербии младорадикалам, но поручил их лидеру Л. Давидовичу предварительно представить на его рассмотрение политическую программу будущего кабинета. В ходе рассмотрения данной программы король нашел ее несостоятельной и в результате принял решение вновь призвать к власти Пашича, который, восстановив свой кабинет в прежнем составе, получил одновременно согласие на роспуск скупщины и проведение досрочных парламентских выборов<sup>32</sup>. В течение нескольких дней скупщине удалось, в условиях продолжающейся обструкции, используя голоса депутатов-старорадикалов, присутствовавших в полном составе, принять ряд не терпящих отлагательства законопроектов, в том числе закон о дополнительных кредитах на военные нужды, без которых военное министерство оказалось бы в крайне затруднительном положении<sup>33</sup>. На последнем заседании парламента, состоявшемся 24 июня 1914 г., был зачитан указ короля о роспуске скупщины, о назначении новых парламентских выборов на 14 августа и о созыве чрезвычайной сессии нового состава высшего законодательного органа Сербии 23 сентября 1914 г.<sup>34</sup>

За время данного кризиса, в жизни Сербии произошел еще один эпизод, получивший широкий резонанс в политических кругах страны и использовавшийся оппозиционными партиями в критике правительства Пашича и в целях усиления своей агитации среди сербских офицеров и военачальников. Данное осложнение было вызвано тем, что за последнее время в присоединенных к Сербии областях отмечались неоднократные случаи конфликтов между местной военной и гражданской администрациями вокруг вопроса о приоритете. Наиболее значительное столкновение произошло в Битоли между командиром дивизии генералом Дамьяном Поповичем и начальником местного округа. В сложившихся условиях министр внутренних дел С. Протич, желая положить конец данным недоразумениям, издал специальную «Наредбу» — указ о приоритете гражданских властей перед военными. В ответ генерал Попович подал в отставку. Указанный факт получил широкую огласку в оппозиционной печати, причем особую активность в этом

плане проявляли младорадикалы, стремившиеся использовать его в целях компроматации министра внутренних дел. К оппозиционному блоку примкнула также группа отставных и состоящих на действительной военной службе офицеров — участников переворота 1903 г., входивших в тайную организацию «Черная рука».

Во время правительственного кризиса король неоднократно приглашал к себе для консультаций воеводу Путника и военного министра Стефановича и указывал им на необходимость принятия более решительных мер против данной организации. Кроме того, вернувшийся к власти Пашич, со своей стороны, также пообещал королю тщательно изучить вопрос, связанный с вызвавшим недовольство военных кругов указом министра внутренних дел, чтобы нормализовать в этом плане политическую обстановку как в присоединенных к Сербии областях, так и в стране в целом<sup>35</sup>.

Тем не менее, говоря о внутренней ситуации в стране, необходимо отметить, что в целом положительным для Сербии следствием Балканского кризиса явился поворот в общем политическом мировоззрении ряда сербских политических кругов. Так, партия напредняков (прогрессистов), являвшаяся особенно сильной и влиятельной в конце XIX в., в период правления короля Милана Обреновича, традиционно выступала главным проводником австро-венгерского влияния в стране, полагая, в противовес старорадикалам, всегда опиравшимся на Россию, что Сербия сможет достичь осуществления своих национальных идеалов лишь при покровительстве Австро-Венгрии. Аннексия Боснии и Герцеговины нанесла серьезный удар по позициям напредняков, которые, однако, возложили всю ответственность за этот акт на Россию, «предавшую обе провинции в руки соседней монархии Рейхштадтским соглашением»<sup>36</sup>.

В период балканского кризиса все оппозиционные партии, в том числе и напредняки, отодвинув на второй план партийные разногласия, объединились вокруг старорадикального правительства, на долю которого выпала основная ответственность. Одновременно каждая из партий внимательно следила за декларациями и действиями великих держав. В ходе балканских событий выявился кризис внешнеполитической ориентации напредняков, которым Австро-Венгрия, по словам российского посланника в Сербии Гартвига, «за время кризиса безрассудным поведением нанесла второй и на сей раз роковой удар, оттолкнув от себя своих последних горячих приверженцев»<sup>37</sup>.

В результате после Балканских войн в политической жизни Сербии практически исчезло организованное австрофильское направле-



ние. Партия напредняков отказалась от своего предшествующего курса и приняла решение ориентироваться отныне на Россию. Это обстоятельство могло иметь чрезвычайно важное значение для политического будущего страны, ибо оно, как обоснованно писал Гартвит, «открывает путь сначала к сближению, а затем быть может и к полному слиянию под знаменем русофильства двух самых выдающихся и наиболее влиятельных в стране политических партий»<sup>38</sup>.

Первый шаг в этом направлении был уже сделан в интересующий нас период. Понимая необходимость «несколько оживить свою партию, застывшую на устаревших формах внутренней политики, не отвечающих новым создавшимся последними событиями условиям государственной жизни», Пашич обратился к Гартвигу с просьбой организовать ему встречу со вторым лидером партии прогрессистов П. Маринковичем, чтобы обсудить с ним, «под благословением русского представителя», принципиальные вопросы, связанные с достижением возможного соглашения между двумя партиями<sup>39</sup>. Российский представитель дал на это обращение утвердительный ответ, и в середине июня 1914 г. в помещении российской миссии в Белграде состоялась встреча Пашича и Маринковича. В результате переговоров оба политических деятеля пришли к заключению, что «при доброй воле с той и другой стороны покончить с закоренелыми предубеждениями, сближение обеих партий вовсе не представляет непреодолимых трудностей»<sup>40</sup>.

Главное противоречие между двумя партиями заключалось в их различном подходе к структуре государственной власти в Сербии. Старорадикалы всегда отстаивали существование в Сербии однопалатной системы народного представительства, а напредняки являлись сторонниками двухпалатной системы, настаивая на учреждении в стране верхней палаты, которая могла бы регулировать «безапелляционные и порой совсем несуразные» решения скупщины<sup>41</sup>. По этому поводу Пашич подчеркнул, что, «ввиду изменившихся условий и знаменательного расширения пределов королевства, в среде его партии за последнее время стало преобладать мнение, согласное со взглядами напредняков, и что посему вопрос о двухпалатной системе может быть решен в утвердительном смысле»<sup>42</sup>.

В ходе дальнейшей дискуссии собеседники обсудили вопрос о приемлемой для обеих партий формуле, на базе которой могла бы быть достигнута координация деятельности двух партий. Пашич предложил, чтобы в новом правительстве, которое будет сформировано по итогам внеочередных парламентских выборов, два портфеля

были предоставлены напреднякам; тогда как Маринкович полагал более справедливым, чтобы непосредственно после роспуска скупщины обе партии, образовав коалиционное министерство, выступили на выборах единым блоком, что обеспечило бы им подавляющее большинство депутатских мест в будущем составе скупщины. Весьма логично — учитывая несравнимый в тогдашней Сербии вес напредняков и политических «тяжеловесов»-старорадикалов.

Не отвергая принципиально предложения Маринковича, Пашич обещал сообщить результаты данных переговоров на заседании Старорадикального клуба, выразив вместе с тем надежду, что его единомышленники сумеют найти подходящую основу для соглашения с Напредняцкой партией<sup>43</sup>.

Однако Старорадикальный клуб выступил категорически против предлагавшегося Пашичем закрепления двух министерских портфелей за представителями напредняков до окончания выборов<sup>44</sup>. Это обстоятельство привело к срыву намечавшегося соглашения между Пашичем и Маринковичем, в результате чего партия напредняков присоединилась к другим партиям оппозиционного блока, принявшим решение о совместном выступлении на парламентских выборах против старорадикалов<sup>45</sup>.

24 июня 1914 г. сербский король Петр Карагеоргиевич, отправляясь на лечение во Враньска-Баня (курорт, находившийся на пути между городами Скопье и Ниш), издал специальный манифест, в котором говорилось о передаче на все время лечения всех прав и полномочий престолонаследнику Александру. Это был первый случай, когда король, находясь в стране, предоставил регентство наследнику, в связи с чем манифест вызвал неоднозначную реакцию в стране<sup>46</sup>.

Конституция Сербии предусматривала два случая регентства. В статье 53 говорилось, что в случае временного отсутствия короля на территории Сербии, его полномочия переходят к наследнику престола<sup>47</sup>. Статья 69 предусматривала, что «в случае отсутствия у короля возможности осуществлять королевскую власть, наследник престола, если он является совершеннолетним, должен править от его имени»<sup>48</sup>. Следует подчеркнуть, что регентство на основании последней статьи устанавливалось впервые за все время царствования короля Петра<sup>49</sup>. Дословно королевский манифест гласил следующее: «Моему дорогому народу. Так как болезнь препятствует мне в течение некоторого времени вернуть мою королевскую власть, то я постановляю, чтобы, на основании 69-ой статьи конституции, пока будет продолжаться мое лечение, —

именем моим властвовал наследник престола Александр. Поручаю и в этом случае свою дорожную отчизну защите Всемогущего»<sup>50</sup>.

Возвышенный тон манифеста и упоминание о том, что регентство продлится все время, которое будет продолжаться лечение, произвели большое впечатление в стране, породив самые разнообразные оценки и слухи, в том числе и о возможном отречении<sup>51</sup>. Согласно официальной версии, изложенной в газете «Самоуправа», данный шаг короля не был вызван какими-либо сенсационными обстоятельствами, и тем более нельзя говорить об его отречении от престола. Здоровье короля Петра, которому 12 июля 1914 г. должно было исполниться 70 лет, заметно ухудшилось. Обострившийся в последние годы склероз, мучительные ревматические боли и почти полная глухота привели к практически полному отказу короля от участия в официальных мероприятиях. За последнее время король почти не появлялся на людях, за исключением непродолжительных загородных прогулок на автомобиле. Государственная деятельность его утомляла, а иногда и вызывала раздражение. Во время последнего правительственного кризиса король дважды перенес продолжительный обморок, в связи с чем врачи, во избежание осложнений, категорически предписали ему полный покой и всестороннее лечение. Это побудило короля передать управление государством королевичу Александру. «Я, может быть, скоро умру, — сказал король в частной беседе с Пашичем, — пора же наконец престолонаследнику ближе познакомиться с государственными делами»<sup>52</sup>.

Российский посланник в Сербии Гартвиг находился в самых близких отношениях с престолонаследником и имел с ним многочисленные встречи и беседы в самые тяжелые и переломные моменты сербской истории, в связи с чем для нас представляет определенный интерес данная им оценка характера, взглядов и общего политического мировоззрения Александра Карагеоргиевича. Он указывал, что «несмотря на свою молодость, королевич Александр поражает зрелостью суждений и здравым пониманием интересов Сербии, спокойствием и совсем не свойственной его годам уравновешенностью. Питая глубокое уважение и доверие к Пашичу, престолонаследник, одно время увлекавшийся наравне с воинствующей партией успехами сербского оружия, готов был осудить премьера за нерешительность действий, но вскоре, под влиянием дальнейших событий, он осознал свою ошибку и ныне является ярким сторонником осторожной и благоразумной политики первого государственного мужа Сербии»<sup>53</sup>. Также высоко Гартвиг оценил королевича Александра и в письме министру

иностранных дел России Сазонову от 14 января 1914 г., в котором подчеркнул, что тот «так прекрасно вел себя за весь тяжелый период, проявил столько самообладания, личной храбрости и самоотвержения во время обеих кампаний, что положительно завоевал себе симпатии и уважение не только всех сербов, но и союзников. Его образ действий сильно укрепил династию; семейные недоразумения стихли окончательно, и королевич Александр является единственным законным наследником»<sup>54</sup>.

Раз уже речь зашла о частных письмах российских дипломатов на Балканах, представляется небезынтересным обратиться к аналогичному документу, выпедшему из-под пера посланника в Черногории А. А. Гирса. Оно было адресовано начальнику Ближневосточного отдела министерства иностранных дел России князю Г. Н. Трубецкому и посвящено как раз последнему правительственному кризису в Сербии. Письмо было датировано 23 июня 1914 г. и отправлено из Дубровника, где его автор находился на отдыхе. В качестве источника сообщаемых сведений российский дипломат ссылается на одного неназванного серба, проживавшего по делам службы в Белграде и являвшегося подданным Австро-Венгрии. Данное лицо, по словам Гирса, было близко знакомо с настроениями и деятельностью сербских политических партий и имело доступ к секретной информации, касающейся функционирования государственной машины этой страны. Гирс подчеркивал, что нижеприведенные данные были получены им в ходе дружеской и доверительной беседы с этим человеком (имени которого он по соображениям секретности не называл), хотя и не ручался за их полную точность.

Собеседник Гирса указывал, что конфликт, возникший между Папичем и сербскими военными кругами на почве проверки деятельности «Офицерской задруги», представлял собой явление частного порядка «в общей планомерной борьбе с правительством известных кругов армии»<sup>55</sup>. Он получил особую остроту вследствие того, что его центральной фигурой являлся председатель «Задруги» генерал Дамьян Попович, командовавший сербскими войсками под Шкодером и в ряде других районов Албании и, кстати, являвшийся одним из наиболее активных участников заговора против короля Александра Обреновича.

После того, как правительство Папича решилось наконец избавиться от такой неоднозначной и потенциально опасной фигуры и уволило Поповича в отставку под предлогом непринятия надлежа-

щих мер для отражения албанского вторжения, высшее сербское офицерство поспешило избрать его в совет своей «Задруги». Затем конфликт был перенесен в скупщину, но возникший при этом правительственный кризис имел своей глубинной причиной не отставку Пашича, а столкновение между гражданскими и военными властями в Новой Сербии, где военные потребовали признания за ними преимущественных прав управления. Кризис, тем не менее, был достаточно благополучно для правительства разрешен. Временно уйдя в отставку, Пашич — как уже говорилось выше — затем снова возглавил кабинет, и «дело о Дамьяне Поповиче пока заглохло» — правда, неизвестно, на какой срок<sup>56</sup>.

Однако вполне определившись, по мнению вышеуказанного лица, результатом данного политического эпизода явился рост недовольства королем со стороны сербского офицерства, которое в более скрытой форме существовало уже длительное время. Гирс указывал, что по полученным им от его собеседника сведениям, «короля Петра офицеры уже давно упрекают в том, что преувеличенно, по соображениям личного и эгоистического свойства, истолковывая свои обязанности конституционного правления, он не только не принимает действительного участия в делах армии, но и не обнаруживает никакого интереса к жизни и трудам офицеров, уклоняясь даже от установленных обычаем внешних проявлений своей связи с армией, как ее верховного вождя»<sup>57</sup>.

Самих же обвинителей собеседник Гирса характеризовал следующим образом. Сербские офицеры, значительное большинство которых были прямо или косвенно причастны к государственному перевороту 1903 г., после него, несомненно, заразились преторианским духом, «а две победоносные Балканские войны взрастили в них крайнее самомнение. Уверенные, что сербской армии придется в недалеком будущем сыграть крупную роль в деле укрепления Сербского государства, они уже заблаговременно заботятся о сохранении за ней первенствующего в стране положения и ведут упорную борьбу с гражданской властью, олицетворяемой в настоящее время радикалами с Пашичем во главе»<sup>58</sup>. У них нет привязанности к той или иной династии. Предвидя неминуемое объединение Сербии и Черногории, они пока мало озабочены вопросом о том, кто займет объединенный сербский престол, одинаково отрицательно относясь и к королю Петру, и к королю Николе; «им нужно процветание сербства, и ради него они не остановятся ни перед какими династическими соображениями»<sup>59</sup>.

Эти взгляды и задачи лежали в основе деятельности уже упоминавшегося общества «Черная рука», преследовавшего исключительно патриотическую — в вышеприведенном толковании — цель, выступавшего за создание «Великой Сербии» и критически относившегося к существовавшей в стране политической власти и самому королю Петру. Общество действовало негласно, однако его члены не преследовались правительством.

Во время пребывания в России престолонаследника Александра, несколько офицеров — членов вышеуказанного общества, находясь под впечатлением известий о благосклонном приеме, оказанном королевичу при российском императорском дворе, явились к сербскому королю и предложили ему воспользоваться благоприятными для Сербии обстоятельствами и отречься от престола в пользу своего сына, отличившегося во время войны. В ответ король заявил, что добровольно он власть не отдаст, и «предпочитает погибнуть от руки требующих такого отречения»<sup>60</sup>. На это офицеры ответили, что такой ценой они не собираются добиваться перехода престола в другие руки, в связи с чем ситуация, по крайней мере на определенное время, несколько разрядилась<sup>61</sup>.

По мнению Гирса, данные сведения позволяют сделать вывод о том, что указанные настроения, имевшие широкое распространение в среде сербского офицерского корпуса, чреватые различными и, главное, непредсказуемыми последствиями для дальнейшего внутреннего положения и внешнеполитического курса страны. Однако несомненным было одно: сербская армия имела все основания рассчитывать на сохранение за собой определяющей роли во всех событиях, которые могли последовать за тем или иным разрешением жизненно важных для Сербии вопросов, среди которых на первом плане по-прежнему находились дело сербо-черногорского объединения, албанская проблема и перспективы и возможности нормализации сербо-албанских отношений<sup>62</sup>.

Однако разразивший спустя всего лишь несколько дней австро-сербский кризис, вызванный убийством 28 июня в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда, и тем более вспыхнувшая вслед за этим Первая мировая война перевели все вышеуказанные вопросы в принципиально новую плоскость.

## Примечания

<sup>1</sup> Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 2.

<sup>2</sup> Там же.

- 3 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 372.
- 4 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 530. Л. 195–196.
- 5 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 183.
- 6 Там же. Л. 240.
- 7 Там же. Л. 458.
- 8 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 12.
- 9 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 531. Л. 458.
- 10 Там же. Л. 461. Генерал Божанович, отличившийся в качестве командира Дунайской дивизии в бою под Куманово, был назначен военным министром Сербии в январе 1913 г. после отставки с этого поста, вследствие разногласий с воеводой Путником, его предшественника полковника П. Бойовича — Там же. Л. 2.
- 11 Там же. Л. 462.
- 12 Там же.
- 13 Там же. Л. 460, 462.
- 14 Там же. Л. 462.
- 15 Там же.
- 16 Там же. Л. 464.
- 17 Там же. Л. 462; Там же. Д. 2912. Л. 13.
- 18 Там же. Д. 2912. Л. 13.
- 19 Там же. Д. 531. Л. 464.
- 20 Там же. Л. 465.
- 21 Там же. Д. 2912. Л. 14.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Д. 4042. Л. 69.
- 24 Там же. Д. 2912. Л. 14.
- 25 Там же. Л. 15а.
- 26 Там же. Л. 12.
- 27 Там же.
- 28 Там же. Л. 12–13.
- 29 Там же. Л. 20.
- 30 Там же. Л. 20, 24.
- 31 Там же. Л. 21, 24.
- 32 Там же. Л. 24.
- 33 Там же. Л. 24, 31.
- 34 Там же. Л. 27, 31. Однако данным выборам не суждено было состояться вследствие начавшейся Первой мировой войны.
- 35 Там же. Д. 532. Л. 243–244. С другой стороны, и сам король проявлял в этом вопросе нерешительность. Так, еще в мае 1914 г. Пашич в беседе с монархом безуспешно пытался убедить последнего в необходимости отправить в отставку ряд видных участников переворота 1903 г., игравших главную роль в указанной организации, в частности, Димитриевица и Танкосича // Политика. 1914. 9. мај.

- 36 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 25.
- 37 Там же.
- 38 Там же.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Л. 25–26.
- 43 Там же. Л. 26.
- 44 Там же. Л. 31.
- 45 В целом внутриполитическая ситуация в Сербии в этот период складывалась не очень благоприятно для правящей партии. Оппозиционный блок обвинял Пашича, а также поддерживавшего его короля Петра в стремлении действовать в обход скупщины, видя в досрочном роспуске парламента угрозу для конституционного порядка в стране. По предварительным оценкам, партия старорадикалов могла рассчитывать в новом составе скупщины в лучшем случае на 80–85 депутатских мест из 166 // Подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968. С. 23–24.
- 46 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 27, 30.
- 47 *La Constitution de la Vieille Serbie.* Belgrade, 1913. P. 9.
- 48 *Ibid.* P. 10.
- 49 АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2912. Л. 30.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Там же.
- 53 Там же. Александру I Карагеоргиевичу в 1914 г. было 26 лет.
- 54 Там же. Д. 532. Л. 21.
- 55 Там же. Д. 2912. Л. 34.
- 56 Там же. Л. 35.
- 57 Там же.
- 58 Там же.
- 59 Там же.
- 60 Там же. Л. 36.
- 61 Там же.
- 62 Там же. Подробнее см.: *Екмечић Е.* Ратни циљсви Србије. Београд, 1973.



В. И. Косик

## **«Отцы и дети» в эмиграции (из истории младоросской мысли)**

### **Введение**

Право на свободу слова, собраний, организацию партий, объединений, движений эмиграция «увезла» с собой, и на чужбине пышным цветом распустились многочисленные формирования, ставившие своей целью освобождение России от коммунистов. К числу наиболее крупных и вызывавших споры относится «Молодая Россия».

В 1923 г. в Мюнхене собрался «Первый всеобщий Съезд представителей организаций национально-мыслящей русской молодежи». Председателем учреждавшегося по итогам съезда «Главного совета объединенной русской молодежи» был избран Александр Львович Казем-Бек.

О содержании Декларации «Первого всеобщего съезда организации национально-мыслящей молодежи» дают представления такие строки: «Наш Идеал — Великая, Могущественная, Национальная Россия. Наша Вера — в грядущее спасение и возрождение Родины. Русский народ, обманутый и обманувшийся, исцелится от чужеземной заразы. Он найдет опять свои национальные пути и, в рамках исторической формы своего многовекового государственного строя завершит на грани двух миров культурно-историческое призвание Русского Государства. Мы верим в великое прозрение сынов Русского народа, сознавшего свои тяжкие преступления против Родины. Мы исповедуем грехи руководящих слоев Русского общества, в большей своей части увлекавшихся несбыточными, ложными построениями и разрушивших свою государственность, а в меньшей — допустивших своей преступной вялостью и непротивлением злу развал Русской Державы. Мы каемся в нашей доле участия, вольного или невольного, в причинах Русского бедствия... На единении Царя и народа, на мудром и твердом управлении и взаимном доверии правителей и граждан будут покоиться основы новой Русской государственности. Мы не хотим вос-

становления изжитых порядков, не устоявших перед смутой, и возвращения ветхих душой людей к управлению Россией... Мы хотим возрождения Русской культуры и творческого духа, воссоздания хозяйственной мощи России, оздоровления Русского быта. Самоотверженный созидательный труд всех граждан, чуждый сословной розни и классовой борьбы вернет России расцвет и благоденствие»<sup>1</sup>.

Итак, февральский Всеобщий съезд национально-мыслящей молодежи объединил на «исконных принципах Русского Национализма» 29 организаций, насчитывающих около 4000 членов. Избрав свой руководящий орган — Главный совет объединенной русской молодежи, все они, сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, вошли в состав возглавляемого им федеративного Союза «Молодая Россия».

В 1924 г. на своем втором съезде молодежь инициирует создание Союза молодой России, переименованного в 1925 г. в Союз младороссов, а в 1935 г. — в Младоросскую партию, куда входили практически все представители наций, народностей России, ее регионов, краев, областей.

В ее рядах были великий князь Дмитрий Александрович Романов — председатель Главного совета младоросской партии, светлейший князь Леонид Павлович Ливен, граф Юрий Борисович Мусин-Пушкин, граф Павел Александрович Шувалов, граф Илья Ильич Толстой, барон Федор Мейендорф, барон фон Штейгер Анатолий Сергеевич. Среди членов Младоросской партии можно было встретить самые разнообразные фамилии — Иванов, Али-Абас, д'Алонзо, Аштар, Баар, Безматерных, Био, дю Бош, Виркау, Войт, Гаганидзе, Гинднер, Гойер-Боот, Гульязизов, Джанкаев, Дзбановский, Дэнни, Дураков, Имерлишвили, Ишоев, Киссель, Лембик, Луначек, Лях-Невинский, Малхолланд, Маркопуло, Маркс, Миштовт, Мурзаев, Нувой, Освальд, Кришталь, Роар, Розенберг, Романов<sup>2</sup>.

Организация младороссов постепенно распространила свои филиалы практически на все земли, где осели изгнанники. Ее представительства находились в Финляндии, Ливане, Сирии, Северной Америке, Австрии, Эстонии, Египте, Норвегии, Венгрии, Чехо-Словакии, Швейцарии, Польше, Италии, Литве, Бельгии, Китае, Персии, Турции, Греции, Болгарии, Югославии, Германии, Японии, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Ячейки младороссов были в таких городах, как Белград, Дубровник, Загреб, Пожаревац, Скопье, Смедерево, Суботица (Королевство Югославия); Ванкувер, Онтарио (Канада); Беркли, Вашингтон, Жюно, Лос-Анжелес, Санта-Роза, Сиэтл (США); Виндзор

(Великобритания); Выборг (Финляндия); Габрово, Горна Джумая, Лом, Перник, Пловдив, Свищово (Болгария); Дамаск; Каир; Манила; Монтевидео (Уругвай); Осло; Рио-де-Жанейро; Ровно (Польша). Очаги младоросского Ордена работали в Белграде, Вуковаре, Нови-Саде (Королевство Югославия); Берлине; Бейруте; Брюсселе, Льеже, Шарлеруа (Бельгия); Буэнос-Айресе; Варне, Софии, Сливене (Болгария); Гельсингфорсе, Суоярви (Финляндия); Детройте, Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго; Лондоне; Митаве, Прекульне, Риге (Латвия); Праге; Риме; Сан-Паулу (Бразилия); Тегеране; Тяньдзине, Шанхае.

Судя по партийной картотеке, численность младороссов к 1937 г. не превышала 1400 человек<sup>3</sup>. Однако ее контрольная выверка с другими архивными документами заставляет предположить, что их количество было значительно большим.

Вся политическая доктрина младороссов была заключена в формуле «Все национальное — наше».

\* \* \*

«Многие „общественники“ оказавшиеся в эмиграции, затаили в себе злобу против своей нации. Да и затаили ли? Те, которые раньше твердили о народе-богоносце, теперь кричат об осатаневшем народе. Те, которые сокрушались о темноте народа при царизме, теперь плачут над народом, поработанным большевизмом. И если в 1905 году были интеллигенты, приветствовавшие японского микадо с победой при Цусиме, то теперь есть такие интеллигенты, которые годами зывали к иностранцам, чтобы те поставили Россию на колени. Эмиграция рассеялась по белому свету и настроилась погребально. Она считает Россию кладбищем прошлого, в то время как сама Россия признает себя колыбелью будущего»<sup>4</sup>.

Да, у эмигрантов-интеллектуалов, или желавших казаться таковыми, интеллигентское «жаление» России было в сущности врожденной чертой со времен шестидесятников, чей опыт был перенят через сотню лет. Правда, результат был один — о нем все знают.

Немного об интеллигенции. Наиболее ярко прошли по ее адресу в 1933 г. в «России и славянстве».

«Надо сказать, — писал Н. А. Цуриков, — что „интеллигент“ и интеллигентный человек не синонимы. С исчерпывающей ясностью это было показано еще 25 лет тому назад П. Б. Струве в „Вехах“. Не всегда „интеллигенты“ являлись интеллигентными людьми и далеко не все интеллигентные люди являлись „интеллигентами“. Например,

Столыпин был человеком в полной мере интеллигентным, но „интеллигентом“ не был ни в коей мере; а убивший его Багров, хотя и был интеллигентом, но интеллигентность его можно оспаривать»<sup>5</sup>.

Возвращаясь к прерванной мысли, замечу, что это «жаление» самым парадоксальным образом рождало свирепые схватки. Однако родить что-нибудь дельное, увы, не получалось. Пример: для берлинского «Нового слова» Сталин был «круглый дурак, сын алкоголика и сумасшедшей»<sup>6</sup>.

В сущности, вся политическая жизнь эмиграции шла под двумя известными лозунгами: «В борьбе обретишь ты право свое» и «Движение — все, конечная цель — ничто». Только вот «борьба» больше походила на грызню, доносительство, демагогию, где более удачливый подвергался общей травле со стороны других «знатоков» России и русской души. Не избежали этого и младороссы.

На них «вешали всех собаку», не только «свои», но и братья-славяне. Так, в 1932 г. после покушения «первого зеленого диктатора» Павла Горгулова на французского президента Пьера Думера в польской и югославской прессе появились сообщения о связи убийцы с младороссами.

Обвинение было совершенно неосновательным уже потому, что в программе Всероссийской национальной крестьянской партии «зеленых» значился пункт о неприятии монархического устройства в будущей свободной от коммунистов России. Были там и такие строки, что «диктаторская крестьянская партия „зеленых“ не допустит существования в России ни одной социалистической и ни одной монархической организации... президентом, т. е. главой Всероссийской национальной республики должен быть тот, кого выберет (через посредство своих партий, а не на улице) весь русский народ, но только русский патриот, отнюдь не коммунист, не еврей, не инородец и не иностранец и не женщина. Если же умышленно или по ошибке президентом государства Российского был избран коммунист, социалист, монархист, еврей, или инородец, или иностранец, или женщина, зеленая партийная армия произведет немедленно насильственный переворот» Как писали младороссы этот «свихнувшийся человек... дошел до идеализации преступления. Он возомнил себя искупителем. Он, дескать, спасет Россию. Выстрел Принципа послужил ему примером... Он верил в спасительность войны... Вышел Горгулов из той больной среды, в которой политическая борьба переплетается с нервным расстройством... Именно с горгуловщиной боролось мла-

доросское движение... Ибо горгуловщина — препятствие на пути к национальному возрождению»<sup>7</sup>. В сущности, младороссы здесь в очередной раз выставили своих противников как людей, нуждавшихся во врачебном попечении.

• В то же время не следует полагать, что все «отцы» и авторитеты в русской эмиграции с насмешкой относились к «детской болезни» молодежи: многие видели в ней силу, с которой надо считаться. Так, Ф. А. Степун — идеолог «Нового Града» — призывал эмиграцию подходить к младороссам, чьи взгляды и идеология «созвучны эпохе», с достаточной серьезностью. Член Главного совета младороссов генерал Б. И. Чернавин в свою очередь отмечал, что их с «новоградцами» сближает поиск новых форм для новой социальной эпохи, и многие предпосылки у них общие<sup>8</sup>.

В 1936 г. «Бодрость» писала: «Когда эмигрантские горе-, патриоты“ толкуют о „неважности“ территории и готовы, под этим предлогом, отдать хоть всю Украину, хоть всю Сибирь, они расписываются в окончательном забвении традиционно-русского понимания государственности... И когда наше поколение предстанет перед судом истории, когда для наших потомков все наши сегодняшние внутренние распри станут историческим воспоминанием, останется последний вопрос, — тот самый, который всякое последующее поколение предъявляет всякому предыдущему: оставили ли мы неумаленной ту землю, на которой совершается историческая судьба нашей нации?»<sup>9</sup>.

Здесь представляется уместным порассуждать о территориях, государствах, империях, преемственности и ответственности поколений о судьбе России. Итак, революция в Российской империи поставила перед победителями и побежденными проблему власти. В одном случае — ее укрепления, в другом — возвращения. Но общим являлось одно — сохранение территориальной целостности страны. Трудностей перед обеими сторонами было немало — одна из главных заключалась в своеобразной незаконченности революции, что требовало от победителей «железной рукой» возвращать «на мгновение» утраченное, как это было на Украине или на Кавказе, не допуская никаких мнимых или подлинных попыток разрушения строящей в одиночку социализм многонациональной советской державы, что показали политические процессы второй половины 1930-х гг. В отличие от «практиков-победителей», действовавших в своей стране и располагавших всем необходимым для строительства нового общества, «теоретики-побежденные», проигравшие гражданскую войну, рассеянные по всему

миру, не имевшие опоры на Родине даже в крестьянстве, не находящие общего языка по ключевой проблеме будущего государственного устройства территории СССР, оказались в несравненно худших условиях. В головах многих российских эмигрантов «бродил» уже не «призрак коммунизма», а «призрак национализма».

Строились планы, программы, формировались партии с нелегальными отделениями в СССР, создавались подпольные военные организации, боевые группы с целью спасения «своей» Родины от «коммунистической тирании». Хотя была и разница; украинцы, сторонники «самостийной Украины», или представители кавказских народов выступали за освобождение своего народа, за самих себя, в то время как российские государственники ставили одну задачу — «единая и нераздельная Россия».

Так, в конце 20-х гг. в эмиграции была создана Лига русских офицеров и солдат, состоявшая в основном из украинцев. Свою главную задачу она видела в освобождении Украины от большевизма и в создании украинского государства, независимого от СССР. Ее члены полагали, что как только на украинской земле появится русско-украинская рота, то на борьбу с ненавистной властью поднимется весь народ. (Поражение в гражданской войне их ничему не научило. Равно они не учитывали того фактора, что революция под жесточайшим контролем большевиков, «прессовавших негодных уклонистов», продолжалась в сельском хозяйстве, промышленности, просвещении. — В. К.). Свою обособленность от РОВС и других подобных организаций деятели Лиги объясняли тем, что в истории создания «великого русского государства бывало и так, что отдельные ветви русского народа силою исторических судеб ставились в полусамостоятельное, а иногда и самостоятельное положение, которое обязывало их прежде всего прочно встать на ноги... для того, чтобы потом помочь своим братьям... никогда ни Украина, ни Сечь не забывали, что они русские и православные»<sup>10</sup>. Эту организацию и ее программу опять-таки можно назвать «русскими». Но сплачиванию русских, как уже неоднократно указывалось, препятствовала их политическая грызня между собой; мешало также различное отношение к СССР и Германии.

В более выгодном свете выглядели украинские организации, такие как Украинская войсковая организация и ее преемница Организация украинских националистов, а также Украинская народная казацкая организация во главе с бывшим гетманом П. П. Скоропадским.

И можно понять наших братьев-славян: в России многие видели лишь своеобразный конвой с его железным распорядком — шаг вле-

во, шаг вправо... Трудно понять другое — почему среди многих просвещенных ревнителей свободы для своей родины стойко держится и поддерживается убеждение, что русский — это жандарм, а остальные народы в евразийской России — его жертвы. Такие правдолюбцы заботливо хранили и пополняли запас сведений о «несправедливостях и злодеяниях» (разумеется, русских) центральной и местных властей еще с седых времен, но почему-то о своих не желали знать и помнить или выдавали их под флагом защиты своего народа, своих национальных интересов.

Те же украинские притязания также были не лишены имперского характера, например, утверждение моего однофамильца о том, что большинство населения в СССР (80 %) принадлежат к украинской нации, не говоря уже о таких славянских странах, как Польша и Чехословакия<sup>11</sup>. В отличие от русских эмигрантов украинские лидеры, такие как Е. Коновалец, С. Бандера, А. Мельник, Р. Шушкевич, сумели создать довольно сильные организации, доставлявшие немало хлопот соответствующим структурам в СССР.

Надо сказать, что сама политическая обстановка в 1930-е гг. способствовала развертыванию украинского вопроса. К власти пришел Гитлер с его планами установления «нового порядка» и продвижением германской нации на Восток. Для украинских националистов он был той личностью, которая могла помочь создать «вильну и незалежну» Украину.

Начальник российской миссии в Белграде В. Н. Штрандман в письме к В. А. Маклакову подчеркивал, что некоторые заявления Гитлера не оставляют сомнений относительно его намерений довести борьбу с большевиками до конца. Планов было множество, но ни один из них не гарантировал целостности России, тем более, что, как подчеркивал автор письма, «существуют течения, придающие значение разговорам и статьям о создании великой Украины с 45-ю миллионами душ». Причем эта возможность некоторым эмигрантам кажется легко достижимой: «В ней они склонны видеть начало нового благополучия, новой гарантии своей собственной безопасности». Не забывал В. Н. Штрандман упомянуть и берлинское интервью П. П. Скоропадского сотруднику белградского официоза «Време». В нем бывший гетман, объявляя надежды на возрождение российской монархии утопией, в решительном тоне говорил о будущей Украине как самостоятельной и независимой державе<sup>12</sup>.

А какова была позиция и теория младороссов? В январе 1939 г. А. Л. Казем-Бек писал в статье «Решаем украинский вопрос», что воз-

никновение украинского вопроса следует отнести ко временам походов Батия на Русь, когда в 1240 г. им был razорен стольный Киев. С тех пор юго-западная Русь стала «превращаться в многострадальную „украину“... Судьба нашей „окраины, бывшей в свое время колыбелью и оплотом нашей государственности и нашей культуры, заслуживала не только большего внимания. Она заслуживала и преклонения... От имени русского национализма мы обязаны признать за украинским народом право на культурную и государственную самостоятельность в общих пределах нашей общей же Империи... Задача русского национализма не только в том, чтобы препираться и торговаться с национализмом украинским, а в том, чтобы оказать этому последнему решительную поддержку. Выступая от имени имперского единства, русский народ должен принять на себя все требования украинского народа и братски разделить с ним борьбу (с кем будет она вестись, позвольте спросить? — В. К.) за осуществление его стремлений. Именно в этом и ни в чем другом смысл нашего утверждения, что украинский вопрос будет решен только народами нашей Союзной Империи в соответствии с геополитическими нуждами и духовно-политическими целями их великого собрата, украинского народа. В существовании Союзной Империи, раскинувшейся на востоке Европы и на севере Азии, заключен источник таких необозримых ценностей, такого неограниченного богатства и такой неизмеримой силы, что покушение на целостность этого в прямом и лучшем смысле Евразийского мира должно признать величайшим преступлением против каждого в отдельности и всех вместе взятых народов, составляющих этот мир... Из... отрицания сепаратизма не может проистечь отрицание прав на самостоятельность народов нашей имперской семьи, нашей Восточной „Лиги наций“, — единственного органического, естественного и целостного союза народов... Отрицая сепаратизм, мы отрицаем и все виды централизма в нашей гигантской стране. Централизм может только истощать и связывать силы таких гигантов. Огромность территориального тела становится источником не силы, а слабости, если это тело не организовано во всех своих частях, проявлениях и, если угодно, измерениях. Самостоятельные государства с нормально развитым национальным сознанием, организованные в наднациональной Империи, — такова „формула“ великой державы завтрашнего дня»<sup>13</sup>.

Умение красиво излагать свои мысли у А. Л. Казем-Бека здесь сочетается с некоторой недоговоренностью, неконкретностью. Тем не менее, предлагаемое им «римское» решение не допускало «раздела имущества».



Именно этим зачастую занимались в эмиграции: само русское общество с его различными организациями и структурами делилось на два ярко выраженных крупных лагеря — «пораженцев» и «оборонцев». Первые видели возможность свержения большевизма и, соответственно, освобождения страны в интервенции. Вторые защищали тезис о том, что какая бы ни была власть, но Родину необходимо защищать. Наиболее последовательными сторонниками лозунга «Ни пяди русской земли» выступали младороссы.

С именем И. И. Толстого — активного деятеля в «Союзе младороссов», где он был политруком, что страшно шокировало многих эмигрантов, связана обошедшая страницы многих зарубежных изданий жесткая полемика с «пораженцами». Диспут был связан с событиями на КВЖД и угрозами СССР («Красный Рим») со стороны Японии («Желтый Рим»). Собрание происходило 5 марта 1934 г. в Русском доме.

Основной доклад «От Карамзина до младороссов» читал П. Б. Струве, призывавший эмиграцию в современной ситуации быть вместе с Японией, которая может помочь стране освободиться от большевизма.

(Несколько позже в своей вотчине — газете «Россия и славянство» — Струве философски заметит: «Я ставлю вопрос: как относиться русским к борьбе, происходящей на Дальнем Востоке? И отвечаю прежде всего формально и так: во всяком случае, с русской точки зрения». Правда, несколько раньше он заявлял, что «русской точки зрения вообще не может быть»<sup>14</sup>. Если полагать, что твердокаменность есть порок для философа, то Струве выказал себя достойным продолжателем непредрешенства. Тогда же, в 1934 г., он писал, что не следует пугаться неких захватов японцами, так как дескать всем известно, что «колонизация не то что Сибири, но и самой Маньчжурии... нашего Дальнего Востока... по климатическим условиям — совершенно недоступна японцам»<sup>15</sup>.)

Его оппонент И. И. Толстой тогда заявлял, что эмиграция, во всяком случае молодая, не будет на стороне врагов России. Главное внимание в своем выступлении, в котором оспорил мысль Струве о том, что у «национальной России есть только один враг — большевизм и советская власть», он уделил личности докладчика, его политическому прошлому. При этом он «назвал позором для дома, носящего имя императора Николая II, появление в активной роли П. Б. Струве». После этого зал настоял на удалении Толстого из зала<sup>16</sup>.

Позже сторонники Толстого устроили обструкцию Струве в Белградском университете, где он как новый профессор должен был

прочесть вступительную лекцию. К провалу лекции приложили свои старания и приверженцы сербских коммунистов. В итоге его забросали гнилыми яйцами, скандируя «долой ренегатов», «вон», «живела Советская Россия»<sup>17</sup>.

Известный В. В. Шульгин предлагал залу поразмыслить о возможности ассимиляции немцев русскими, проводя параллель с норманнами. Фактически диспут получился с элементами скандала. Второе собрание состоялось в 1936 г. На нем опять выступал И. И. Толстой, но уже без Струве. Обильно цитируя «Майн Кампф», «младоросский политрук» предупреждал уже об агрессивности Германии относительно России.

И несколько слов об этом удивительном человеке с трудной судьбой и русским характером. Выпускник Морского корпуса. Участник Гражданской войны. Выжил в ледовом походе Владимира Оскаровича Каппеля. По характеру был ровным человеком, но не без вспышек. Религиозным человеком он скорее всего не был, хотя своего сына Никиту — будущего академика РАН — воспитывал в вере. В Югославии граф Толстой кормил семью тем, что развозил фильмы по «городам и весям» приютившей его страны, делал игрушечную мебель, сапожничал и пр. После освобождения Белграда получил благодарность советского командования за помощь в организации госпиталя. Отправил сына в Красную армию. Вернулся после войны на Родину, в Москву, на Арбат. Практически вся его дальнейшая жизнь была связана с Московским университетом, с филологическим факультетом, с сербскохорватским языком. Власть КПСС считал проходящей, которая закончится где-то в конце века<sup>18</sup>.

В своей полемике с «пораженцами» младороссы охотно использовали имена авторитетных лиц, например, выдержки из заветов Виктории Феодоровны:

*«Если мы — великая нация, мы поднимаемся сами.*

*Если же мы обречены на гибель, не иностранцы нас поднимут.*

*Иностранцы нас не только не поднимут, а просто прикончат»<sup>19</sup>.*

Тактика и стратегия младороссов имела успех не только у молодежи, но и у людей, успевших повоевать, среди офицеров и генералов. Более того их взгляды на Россию разделял великий князь Кирилл Владимирович. В его новогоднем обращении, опубликованном в 1932 г. на страницах «Младоросской искры», были следующие строки: «Я от всего сердца желаю успеха в творчестве окрепшему и познавшему любовь к Родине Русскому человеку... приветствую нарож-

дение новой жизни, как зарю величия Моей Родины и будущего счастья человечества. Каждый успех в строительстве есть победа русского народа. Допустимо ли мешать ему в достижении полного торжества? Каждый Русский человек должен всеми силами помогать возрождению могущества своего Отечества. Особенно важно это сознавать нам, выкинутым за пределы России. Только помогая воссозданию Русской мощи, мы опять сольемся со своим народом и вернемся на родную землю»<sup>20</sup>.

Для некоторых легитимистов это приветствие и призывы к помощи в то время, когда шла коллективизация со всеми ее, мягко говоря, перегибами, звучали дико, вызывая возмущение в среде русской эмиграции. Сами же младороссы, вдохновленные поддержкой своего государя шли дальше. В том же 1932 г. А. Л. Казем-Бек в своем докладе говорил следующее: «Мы должны придерживаться тактики путей наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности. Когда у нас есть, например, возможность войти в открытую дверь, мы не должны в нее ломиться и тем менее карабкаться по водосточной трубе, чтобы проникнуть в дом через окно второго этажа»<sup>21</sup>.

Такое определение политической работы вызывало вполне законное возмущение у тех, кто отстаивал принцип ведения действительной, результативной борьбы, сопротивления не эфемерного, а реального. Для них «наименьшее сопротивление» означало его максимальное свертывание, а «открытая дверь» ассоциировалась с советской разведкой, где ярким примером служила известная операция «Грест».

Бравидуя своей независимостью и правотой установок, сторонники Казем-Бека в своей прессе печатали антимиладоросские выступления. Даже в ругательствах и критике в свой адрес они видели еще одно доказательство своей жизненности, еще одно средство выставить своих оппонентов демагогами, людьми, равнодушными к судьбам своей родины — «непредрешенцами», даже материал для учебных занятий по политпросвещению.

С «отцами» у младороссов, как уже понятно, были старые счеты. Неоднократно, в различных вариациях, в младоросской печати высказывались суждения о том, что ошибочность староэмигрантской тактики заключается в некоем психологическом изломе, мешающем «трезвой» оценке русской революции и в незнании «отцами» современных процессов в мире. «В 1917 году, — горячился Кирилл Елита-Вильчковский, — Октябрьская революция была воспринята ими как феномен, выходящий из рамок истории. Коммунизм был абсолютизирован, т. е. воспринят как неизбежное зло. При наличии таких

предпосылок мистического характера все дальнейшие подходы к революционной России оказались искаженными, и в оценке русских событий весь исторический опыт и все исторические знания, которыми справедливо гордились староэмигранты, оказались поневоле неприменимыми. Действительно, если принять революцию за явление апокалиптического, если как догмат утверждать неподчиненность советского мира историческим законам, то никакая рациональная политика в отношении России невозможна... Те, кто эволюцию советской России объявили а priori невозможной, не могли противопоставить коммунизму ничего более реального, чем „непредрешение“ и ставку на механическое вправление России при помощи штыков назад в историю, из которой она как бы выпала»<sup>22</sup>.

Не менее интересно дальнейшее продолжение списка грехов по «правдолюби» Елите-Вильчковскому. Итак, «официальное возглавление эмиграции приняло в отношении рядовой эмиграции, так и в отношении иностранцев, особый тон: всякое беспристрастное освещение событий рассматривается как тактическая ошибка, как „игра“ на руку большевизму. Этой страшной формулой закрывались рты. Все внутри-русское решили подавать как нелепое, карикатурное, обреченное на провал. С иностранцами говорили как с детьми. Их пытались запутать. Результат получился обратный: слушение красок привело к тому, что действительно ужасные стороны революционной действительности стали вызывать улыбки снисходительного недоверия („бедные люди, они столько перенесли...“), и за самыми редкими исключениями с эмигрантскими источниками вообще перестали считаться... Твердя о людоедстве, торжествующем на просторах России, о рабстве и невежестве, староэмигранты только укрепляли давнишние западные предрассудки... Освобождать такую страну у иностранцев было мало желания. Тогда народилось желание купить помощь иностранцев, торговаться с ними, и на этой торговле староэмигранты потеряли не только доверие, но и уважение иностранцев... они все без исключения, открыто или в душе презирают эмигрантов, предлагающих за проблематичную помощь иностранных штыков, не только пяди земли, но и целые территории»<sup>23</sup>.

Предложить можно все для спасения России, но с выкупом всегда обстоит дело значительно труднее. И наиболее дальновидные эмигрантские политики понимали, что, пойдя на определенные уступки, при одновременной ставке на сепаратизм, можно потерять всю Россию. Хотя некоторые были готовы примириться с расчленением России, ее «балканизацией», лишь бы ликвидировать сталинский режим. Другие же

целостность родины ставили превыше всего и готовы были примириться с «временным сохранением Сталина, если этим кладется предел домогательствам наших сепаратистов и иностранных друзей»<sup>24</sup>.

Тем более, что речь шла о спасении родины, которая для патриотически настроенной российской эмиграции не была ни Совдепией, ни Триэссерией, а Россией, той Россией, чья политика была направлена, в частности, на возвращение ранее отторгнутых земель — например, Западной Украины и Западной Белоруссии.

Иными словами, определенная часть эмиграции воспринимала курс Кремля в русле русской национальной политики.

А что же писали сами оппоненты младороссов? Достаточное представление об этом сюжете дает статья в «Последних новостях» под названием «Идеология и тактика младороссов». Ее автор, скрывшись под инициалами А. Р., писал: «Все их творчество в этой области (историко-философские взгляды. — В. К.) заключается в пересказе или текстуальном воспроизведении отдельных цитат из писаний Льва Толстого, Достоевского, К. Леонтьева, Гоголя. Младороссы просто экспроприируют политическое мировоззрение указанных писателей, приклеивая к этой славянофильской системе идей термин „младоросскость“. В основу своего мировоззрения они кладут примат религиозного начала. „Без веры в Бога нельзя ни быть, ни стать младороссом“ (Казем-Бек). Вера эта конкретизируется в положительной религии православия. В нем младороссы видят центр и сердцевину русской жизни. Залечив свои раны, православие двинется к великим целям, увлекая за собой по пути мессианства новую русскую культуру... Лозунги их частично повторяют тезисы РДО (Республиканское демократическое объединение — В. К.), как то: лицом к России, признание внутренних процессов, ставка на живых людей живой России. Младороссы стремятся привлечь к „неомонархизму“ — не членов зарубежных союзов, а сегодняшних комсомольцев, красных пионеров и, быть может, членов ВКП... появление группы младороссов нужно рассматривать, как отчаянную попытку последней бывшего правящего сословия вернуть потерянное навсегда их отцами влияние на русскую жизнь, — попытку, обнаруживающую еще раз их органическую неспособность всерьез понять уроки истории»<sup>25</sup>.

Здесь можно, конечно, сказать, что не цитаты и не выпячивание православия определяли философию младороссов, но говорить об их «неспособности» было бы совершенно несправедливо. Скорее, автора заметки можно упрекнуть в «заказном» характере его строк.

Сам А. А. Казем-Бек в своем открытом письме к П. Б. Струве на тему «отцов» и «детей» писал: «Именно „дети“... осознали трагедию „отцов“ и не смели бичевать и поносить их. Тем неприятнее, тем болезненнее воспринимается „детьми“ каждая вольность отдельного „отца“... Вы указали, что „катастрофу России, великое всемирно-историческое событие нельзя вменять отдельным поколениям. Можно осмысленно говорить о политических ошибках отдельных лиц“.

Конечно, не одно поколение создало те условия, в которых могла совершиться катастрофа России... Понятие „поколение“... слишком расплывчато... Если признать ответственными за тягчайшие политические ошибки отдельных „возглавителей“ целого поколения, то этих возглавителей следует видеть прежде всего в государственных и общественных деятелях, в партийных лидерах, в вожаках общественного мнения... Они ответственны перед историей, которая их и будет судить. Мы — „дети“ — на роль судей не претендуем. Мы только просим: пусть деятели, ответственные за политические ошибки, которые привели нас всех (и „отцов“ и „детей“ и „внуков“) к нынешнему безвременью, — пусть эти деятели проявят больше терпимости к усилиям „детей“, ошибки которых еще не привели к конкретным результатам, на основании коих можно было бы судить. Если „отцы“ не желают быть адвокатами „детей“, то пусть они не спешат становиться „прокурорами“. И не только потому, что у них нет на это никакого права, но и потому, что еще рано подводить итог усилиям „детей“... Какое чувство вызовут во всех „детях“ фразы, брошенные на Вашем собрании (22 января 1932 г. — В. К.) Д. С. Мережковским: „Говорят: старшие обанкротились, погубили Россию. С такими демагогическими приемами мы к молодым не пойдем. Наша слава, наше величие, что мы здесь сидим“... Видеть в последствиях поражения... „славу“ и „величие“, значит упиваться поражением, — духом поражения. Если это философия, то это — философия самоубийства. И на деле это и есть духовное самоубийство. В восклицании Д. С. Мережковского, пожалуй, заключается объяснение общей агрессивности „отцов“: Как? „Дети“ ропщут? Они тяготеют на чужбине? Маловеры! Невежды! Недоросли! Они не понимают, что „наша слава, наше величие, что мы здесь сидим“.

Вы закончили свое выступление словами: „Людей нужно щадить и стараться понять, что зло и ложь надо обличать и искоренять“... „Отцы“ должны щадить теперь „детей“, так как этих „детей“ они не смогли или не сумели воспитать. Упустив из рук государственную

власть и политическое господство, „отцы“ упустили из рук и самую возможность воспитать себе преемников, которым можно было бы безболезненно передать „дар преемства“»<sup>26</sup>.

«Русская молодежь за рубежом, — продолжал Казем-Бек — перестает прежде всего быть русской. На диспуте о смене поколений целый ряд ораторов отмечал прогрессивное понижение интереса эмигрантской молодежи к общественным делам: „молодежь не ходит на собрания, устраиваемые для нее“. Зато молодежь увлекается спортивными состязаниями, успехами техники, кинематографическими новинками, танцами. Она стремится уйти в личную жизнь, отмежеваться от русской „политики“ не потому, что недооценивает значения политики вообще. Она именно нуждается в каких-то внешних показателях реальности политики. И таким показателем для нее может быть только успех. На вашем же диспуте (с П. Б. Струве о „смене поколений“. — В. К.) раздавались возражения против требования успеха. Вы сами (и совершенно основательно) отметили, что „нельзя опорачивать государственные начала с неудачей“. Если вы правы по существу, то вы не правы в представлении той зеленой молодежи, которая незаметно подросла за рубежом Отечества, которая была воспитана на политическом и имущественном „неудаче“ старших поколений... Эмиграция просто не приметилла, что ее молодежь выросла почти беспризорной... души их оторваны от той среды, к которой они принадлежат. Русские юноши в громадном большинстве не верят в политическое будущее эмиграции. Зарубежная русская политика кажется им чем-то вроде толчения воды в ступе. ...Борьба же эта не увенчается успехом, если молодежи не показать успеха или, на худой конец, возможности успеха (именно феномен „успеха“ „родил“ лозунг „Лицом к России“, позволявший показать достижения Родины. — В. К.)... В сущности, все сводится к умению найти для неизменного содержания такую форму, в которой оно отвечало бы требованиям времени»<sup>27</sup>.

Со своей стороны младороссы уже в далеком 1930 г. особое внимание стали обращать на подготовку технических специалистов, компетентность и авторитет которых были бы востребованы в новой России на командных должностях. Именно этим было вызвано и обращение младороссов-техников к своим бывшим по гражданской войне соратникам, работающим на заводах Рено и Ситроена с призывом совершенствовать технические знания, набираться мастерства по избранной специальности<sup>28</sup>.

Эта инициатива могла помочь удержать для одних, укрепить для других связь с Родиной.

Младороссы неустанно подчеркивали, что «борьба не могла прекратиться с нашим исходом с Русской земли. В противном случае наш исход был бы простым дезертирством. Между тем никто не ведет борьбы. „Верхи“ заговаривают зубы массам... Массы, разочарованные и изверившиеся, уходят в чужой быт. Безверие рождает отчаяние. Волна самоубийств поднимается и не видно еще ее гребня... Эти „верхи“ конечно враждебны большевикам, и даже настолько враждебны, что и Россию причисляют к „лику“ большевиков. Но отсюда вовсе не следует, что они приветствуют борьбу эмиграции с большевизмом. Младороссы не бьют по своим. Они бьют по тем, которые в свое время распластывались перед Февралем, которые подчинялись главноверху Керенскому и только теперь храбрятся перед редактором унылых „Дней“, которые примазались к борьбе, когда ее начали другие, которые утопили эту борьбу, которые осели на реках вавилонских»<sup>29</sup>.

«Пусть мы „дети“ и неправы в своих суждениях. Пусть мы невежественны, бездарны, самодовольны, нахальны, грубы. Все равно мы существуем, — подчеркивала младоросская молодежь, — и не собираемся сдаваться. Все равно мы будем считаться с действительностью (которую, кстати, не мы создавали). И мы все равно победим в конечном счете, так как сама жизнь — наша союзница. И вся наша борьба все равно останется тем, чем она была с самого ее начала, — борьбой освободительной, раскрепостительной, национальной. Если наши сегодняшние пути окажутся ложными, мы без колебаний сойдем с них и станем на иные пути. Мы в тактике сознательные и закоренелые оппортунисты: мы ищем наименьшего сопротивления и наибольшей целесообразности. И мы не только не стыдимся этого, а наоборот, скорее видим в этом достоинство. Но мы не можем позволить, чтобы „отцы“ сомневались в наших побуждениях, в наших стремлениях... Если нам не хотят помочь, то пусть хоть не мешают. Большого нам не надо»<sup>30</sup>.

Можно предположить, что весь этот младоросский «взрыв эмоций» был просчитан, имея своей целью своеобразную рекламу своего движения-движителя, как единственно верного в условиях эмигрантского времени.

Дорогу «Главе» торил Кирилл Елита-Вильчковский, который еще в 1931 г. утверждал: «Молодняк пойдет за тем, кто покажет, что лучше понимает национальные пути России, чем провалившиеся на испытании коммунисты (*это когда же произошло?! — В. К.*). Когда строительство будет возглавлено Императором, можно будет себе позволить какое угодно волеизъявление: голосовать за коммунизм станет ни-



чтожное меньшинство. Но если предложить на выбор „непредре- шенство“ или строительство, хотя бы коммунистическое, то комму- низм, конечно, только выиграет»<sup>31</sup>.

Вряд ли русский народ знал что-либо о «непредре- шенцах». Здесь важно другое: утверждение, что российский народ по своей натуре монархист. С этим тезисом трудно согласиться, зная, что к этому вре- мени в России выросло новое поколение, воспитанное в духе новой идеологии. Но в то же время нельзя отрицать подсознательную и сознательную веру в «хозяина», «твердую руку», в того, кто олицетво- ряет верховную власть в России.

При этом следует отметить, что младороссы мгновенно ухваты- вали у «отцов» все представлявшееся им ценным и необходимым.

Так, в 1932 г., когда П. Н. Милоков выступил в Париже с докла- дом, в котором подчеркнул, что о создании на Дальнем Востоке бу- ферного государства на территории, отторгнутой от Советского Союза, могут мечтать только те эмигранты, которые не думают о ро- дине. Солидаризуясь с Павлом Николаевичем, младороссы в то же время возражали против его тезиса о том, что «если интересы России будут задеты, то нам здесь надо защищать советскую власть». «Не власть, переходили в атаку „дети“, нам надо поддерживать. Надо уметь отличать волю нации от воли власти. Не власть мы здесь долж- ны защищать, а истинное стремление русской нации защищать свои национальные интересы»<sup>32</sup>.

Эта «детская порка», вероятно, очень повеселила Павла Николае- вича, но для младороссов это было типичным — быть правее правых. «Досталось» от младороссов и А. И. Деникину, который, заявив себя противником «буфера», в то же время подчеркнул, что, если он и поя- вится, то над ним должен развиваться русский стяг. Именно на этом «допущении» и сыграли «дети», смотря несколько иначе — глубже и дальше — на поставленную проблему: «„Буфер“ может возникнуть и существовать не иначе, как под японским протекторатом. При этом це- ли, преследуемые японцами, совершенно противоположны нашим на- циональным задачам. От протектората до аннексии — полшага... Единственным оправданием буфера, казалось бы, представляется цель военная: база для национальных формирований, область, откуда „нач- нется поход“. Но неужели наше двенадцатилетнее пребывание среди иностранцев оставило среди нас наивных людей, думающих, что пра- вительство „буфера“, связанное и зависимое, получит от держав- покровительниц средства для военной затеи, цель которой завоевание русской территории и восстановление русского могущества?»<sup>33</sup>.

Но в целом младороссы обеими руками подписывались под словами генерала о том, что «если жертвовать Дальним Востоком, то почему не создать буферной Украины, буферной „Казакии“, почему не отдать Финляндии Карелию и Ингерманландию, почему не пожертвовать Бессарабией? Если раскроить русскую землю на „буфера“, то коммунистическая власть будет свергнута, конечно, но что тогда останется от России?». «Еще не пришел купец на торжище, на котором разложены рваные ризы России, а мы уже просим: „Берите, выбирайте...“», — горько говорил Деникин<sup>34</sup>.

Итак, и здесь была правота младороссов с их лозунгом «ни белые, ни красные, но русские». Об этом твердил, в сущности, и великий князь Дмитрий Павлович, который на собрании 12 июня 1935 г. в своем выступлении сказал: «Но патриотизм наш не должен быть лишь патриотизмом прошлого, а только патриотизмом настоящего и будущего... Разгром Армии будет вовсе не шагом к возрождению нашего Отечества, а страшным ударом по России и русскому достоинству»<sup>35</sup>. Фактически, здесь ставился знак равенства между Красной армией и Русской армией.

Именно русский дух младороссы видели в свершениях Родины. Григорий А. Бутаков в 1934 г. писал, что в «русской катастрофе мы видим не одно только разрушение. Гораздо больше, чем разрушения, мы видим в ней созидания и творчества. Русская катастрофа создала нового русского человека, который чувствует, как и мы, который, как и мы, превыше всего любит свою Родину, с ее дикой природой, с ее старой культурой, с ее новым строительством, с ее радостями и невзгодами. Среди дикой тайги и пустынных степей вырастают создаваемые творческой мощью нового русского человека фабричные гиганты-комбинаты. Запах фабричного дыма для нас гармонирует с запахом леса и степей»<sup>36</sup>.

Омоложение страны, увеличение количества городов, рост численности рабочих, умножение населения страны — все это служило очередным доказательством для младороссов рождения новой России. Весьма любопытны и следующие строки С. Зеньковского о новой географии России (1936 г.): «Рабочие центры, вводимые на окраины, играют роль московского мелкого дворянства, опоры центральной авторитарной власти. Эта система еще облегчается тем, что рабочий из центральных областей... благодаря коммунизму и советскому вне-национальному патриотизму не встречал особо яростного приема у местных национальных элементов и в результате легче ассимилировал и легче ассимилировался. Все это, конечно, значительно изменяет

путь разрешения многочисленных национальных проблем в духе обще-советской государственности, фактически окрашенной имперско-русской культурой и пользующейся русским языком»<sup>37</sup>.

Нина Алексеевна Кривошеина, вспоминая свое увлечение младороссами, писала: «Главное, что меня привлекло к ним, — был их лозунг: „Лицом к России!“ Лицом, а не задом, как поворачивалась эмиграция, считавшая, что с ней из России ушла вся соль земли, и что „там“ просто ничего уже нет. Конечно, это „лицом к России“ не все младороссы могли вполне воспринять и переварить; иногда они впадали в нелепое и почти смехотворное преклонение, в восторг перед „достижениями“. В первые же месяцы моей младоросской эры мне пришлось быть на докладе о промышленных и технических достижениях в Советском Союзе, где повторялись вслепую данные советской прессы, и где выходило, что до 1920 г. в России и вообще не было промышленности, ни техники... вообще ничего! Я заявила, что на следующем же собрании этого очага берусь доказать, насколько все тут ошибаются. В самом деле, через неделю, собрав в памяти все, что я могла знать о развитии тяжелой промышленности в России от моего отца (крупного промышленника А. П. Мещерского. — В. К.), я рассказала „очагу“ о фабриках московского или волжского купечества, о теплоходах на Волге, о телефонизации (одной из старейших в Европе!) и т. п. Сперва мне кто-то возражал, и даже довольно резко, но я не дала себя забить, и кончилось тем, что многие (из более молодых младороссов особенно) признались, что в первый раз в жизни все это слышат»<sup>38</sup>.

Один из самых интересных и сложных сюжетов связан с отношением младороссов к России/СССР, с оценкой своей роли в современном им мире. Так, один из лидеров Молодой России в июне 1939 г. отчетливо и высокопарно писал в «Очаговой политучебе» (один из органов печати младороссов): «Младоросское движение за рубежом несет и пропагандирует Русские идеи в мире, знакомит внешний мир с настоящими задачами России, с устремленностью Русской нации, с ее традициями и историческим путем. Это то звено, которое связует русскую действительность с действительностью мировой, т. е. выполняет как раз то, чего не может делать сейчас Россия, скрывая под официальной маской коммунизма»<sup>39</sup>.

Для мира должно быть было страшновато узнавать, что «азиатское страшилище» еще живет и надеется на того, кто его «пожалует и поцелует», и тогда — настанет преображение России! И, разумеется,

именно младороссам с их кредо «Лицом к России» отводилась здесь ключевая роль.

В умы молодежи широко внедрялась идея о начавшейся с 1917 г. эволюции, в результате которой на смену старой ленинской гвардии приходит молодежь с иными установками. Именно на ее энтузиазм, на «национальную гордость» каждого русского, на «землю и волю» крестьянина, на энергию «нового человека» делали ставку младороссы<sup>40</sup>. Не могли не ободрять их сведения о том, что со второй половины 30-х гг. в литературоведении шел откат от вульгарно-марксистского понимания русской классики, когда стихотворение «Смерть поэта» означало всего лишь «художественное выражение идеологии социальной группы», а творчество Гоголя объяснялось его раздумьями об «экономически слабой дворянской усадьбе»<sup>41</sup>.

Реальные картины из жизни в СССР перемежались у них с весьма упрощенными представлениями, не отражающими адекватную ситуацию в действительности.

Так, неудачу аграрной революции они в 1931 г. обуславливали сознательным саботажем работников колхозов и совхозов, «срывающих план Сталина»<sup>42</sup>. В то же время, полемизируя с «отцами», младороссы восклицали, что «НЕ РАБЫ восстанавливали и увеличивали мощь России; НЕ РАБЫ выносят на своих плечах тяжесть строительства; НЕ РАБЫ ведут пассивное строительство в деревне»<sup>43</sup>.

Изялюбленная и безопасная тема для новичков и младороссов со стажем — нападки на «староэмигрантов», на тех, для «услаждения» которых в «Возрождении» от 12 октября 1931 г. поместили карикатуру, смысл которой состоял в том, что «русский человек там назван новым советским животным, которое можно „доить как корову, запрягать как мула, стричь как барана и драть как Сидорову козу“»<sup>44</sup>.

В 1934 г. в «Бодрости» писали: «Жизнь сложна и многообразна, и сухой схемой ее не охватить. Староэмигранты этого не хотят понять. Для них существуют лишь два отвлеченных понятия: большевики и Русский народ, угнетатели и угнетенные. Это они поддерживают русофобские настроения за границей, изображая русских беспомощными рабами. Это они, ради своей схемы, приписывают пораженчество Русским массам. Это они твердят о вырождении Русской Нации на радость расистам всех стран. Это они раздражают чужие аппетиты, подрывая веру в Русскую мощь»<sup>45</sup>.

Весьма грубо и не совсем справедливо: ненависть к большевикам и запальчивые высказывания о рабской покорности, как отличитель-

ной черте русских, еще не означали потерю веры в Родину. Хотя тут же хочется добавить, что исповедуемый в среде «стариков» тезис об аморфности русского народа внушал им надежду, что «толпу» можно будет использовать против ее властителей при возникновении благоприятной ситуации, например, в случае вторжения иностранных войск на территорию страны.

Ситуация была весьма и весьма непростая. Николай Александрович Бердяев писал: «Русская эмиграция, конечно, представляет собой господствующие классы старой России (а как быть с „серой шинелькой“? что делать с казаками, рабочими Воткинских заводов — они тоже принадлежали к господствующему классу? — В. К.). В этом нравственная фальшь ее восстания против Советской России, которая, все-таки, по существу, рабоче-крестьянская („защитник“ Советов забывает, что суть любого государства определяется властью, в данном случае большевистской. — В. К.). Но это соотношение несколько изменяется потому, что значительная часть эмигрантской молодежи превратилась в рабочих. По экономическому положению своему это — пролетарии и интересы их пролетарские. Поэтому они не должны быть равнодушны к социальному вопросу и интересам труда»<sup>46</sup>.

Действительно, все было непросто в эмиграции для русских беженцев, зато какое раздолье для философствующих! Но лучше уж верить в сказки с их *moralite* в свадебном оформлении, нежели докучать себе и другим нарциссоидным нигилизмом тех, кто утверждали с пеной у рта, что «в союзе не осталось уже больше русских», а «все родившиеся в России после революции подлежат поголовному уничтожению», или, наконец, что «Россия — их бывшее отечество»<sup>47</sup>.

Характерным для тактики младороссов была ее определенная незавершенность, изменчивость, противоречивость. Она вся была в движении мысли, зачастую опережающей и уничтожающей одна другую. Итак: 1933 г. «Младоросская искра» № 30. Строки: «Союз Младороссов выдвигает свою программу простую и четкую. Точкой отправления для ликвидации наследия коммунизма младороссы признают упразднение компартии. Поэтому младоросская программа минимум состоит из одного, единственного пункта: Союз Младороссов признает и политически подержит в России и за границей ту власть, которая упразднит коммунистическую партию и ее филиаль»<sup>48</sup>.

Разве это не опровержение тезиса о преданности младороссов царю, которому они клялись проложить дорогу в Кремль? Или, может быть, младороссы здесь говорили о себе?

При этом старое изречение «больше быть, чем казаться» младороссы вывернули наизнанку. Чего стоит их «величавое» согласие (1934 г.) спасти Россию в случае внешней угрозы вместе с коммунистами, если они объявят о упразднении своей партии!<sup>49</sup>

Далее: «Борьба с коммунизмом есть борьба за возвращение русских к власти в Русской стране»<sup>50</sup>.

Звучит весьма привлекательно, но позволю себе поставить риторический вопрос: в ушедшей Российской империи ключевые посты занимали только ли русские? Неужели в большевистской России ответственными работниками были лишь евреи?! И последнее: разве идея коммунизма органически чужда русскому народу XX века, более того, самим младороссам? В сущности, процитированный выше лозунг нуждается в небольшой корректировке: «Борьба с коммунизмом есть борьба за приход младороссов к власти в Русской стране». В этом случае все будет логичным и обоснованным, исходя из корневого определения младоросскости. И еще: противники младороссов нападали на младороссов за их словесную эквилибристику, подмену понятий. Самым ходовым было обвинение в том, что, декларируя свою преданность интересам родины, они защищают коммунизм, отказываясь от борьбы с ним. Действительно, о младороссах можно приблизительно сказать так: «Жила бы страна родная, и нету других забот». Но забывается одно, при всей любви к фразе, жонглированию словами, у них было чувство причастности к происходящему в России, даже в ее коммунистическом обличье — «судьба родины важнее судьбы власти».

В 1932 г. генерал Араки заявлял: «Наша страна приняла решение распространить национальный идеал через семь морей, на пяти континентах, даже если для этого придется прибегнуть к силе, мы потомки богов; мы должны царить над миром»<sup>51</sup>.

Теперь слово Тики Като, заявлявшему в своей программе национальной реорганизации Японии: «Государство должно иметь право объявлять войну нациям, обладающим территориями слишком обширными или управляемыми бесчеловечным образом. Пример: отторгнуть Австралию от Великобритании и дальневосточную Сибирь от России»<sup>52</sup>.

Весьма резонное заявление, пользующееся популярностью и в наше время. Даже можно поставить эти слова в программе ООН.

22 марта 1936 г. на первой странице «Бодрости» была помещена цитата из речи Гитлера в Карлсруэ от 7 марта: «Великая нация должна строить свою судьбу лишь собственными силами». Собственно гово-

ря, эта выцветшая от дряхлости истина должна была еще раз напомнить пораженцам историю той же России, воззвать к их патриотизму в связи с японской угрозой. Сами младороссы так оценивали ситуацию: в 1936 г. кн. С. Оболенский в статье «Тучи на Дальнем Востоке» писал: «Прямо или косвенно, вся политика Японии на азиатском материке направлена в настоящее время к овладению дальневосточными позициями России, к вытеснению русского фактора из Восточной Азии. До тех пор, пока Россия — при каком угодно правительстве — стоит твердой ногой на побережье Японского моря, пока она, через пустыни и степи Средней Азии, граничит с Китаем, пока она, в военном, в хозяйственном и в культурном отношениях, сохраняет на Д. Востоке свое положение великой державы, — до тех пор Япония ничего еще не достигла на материке. И наоборот, если Россия не станет на Д. Востоке, то Япония завтра окажется полновластным хозяином всей Азии и Тихого океана. Ибо без России ни Англия, ни Соединенные Штаты не смогут сделать буквально ничего против безостановочного продвижения Японии... Япония борется с Россией, когда проникая в Северный Китай и во Внутреннюю Монголию, она вгоняет клин между Россией и Китаем.

Япония борется с Россией, когда военными демонстрациями, дипломатическими интригами, угрозой и подкупом, пытается подчинить своему политическому влиянию китайское центральное правительство, которое в момент решительного столкновения может оказаться союзником России, находящимся в японском тылу. Япония непосредственно борется с Россией, плетя интриги в потерянных Китае среднеазиатских землях и продвигая к их границам свои войска. Восточный Туркестан и Внешняя Монголия — это бесспорно евразийские земли, после китайской революции естественно и неизбежно перешедшие под протекторат России, являются сегодня... узлом азиатской, а, следовательно, и мировой политики. Пока русское влияние не поколеблено во Внешней Монголии, японское владычество в Маньчжурии не может считаться закрепленным, и Россия, находясь в непосредственной близости к собственно Китаю, имеет возможность поддержать сопротивление китайских националистов японским требованиям. Но достаточно вытеснить Россию из Внешней Монголии, как Китай окажется наглухо отделенным от России, и одновременно повиснут в воздухе обойденные с правого фланга русские позиции на Дальнем Востоке.

Потеря Китайской Восточной ж. д., конечно, явилась для России ударом. Но она не поколебала и не могла поколебать Русской вели-

кодержавности. Это был один из эпизодов борьбы, отсрочившей решительное столкновение и не предрешившей его исхода.

Но русская нация — не советская власть, а Русская Нация — не может допустить крушения Русского влияния во внешней Монголии... И для своей внутренней силы, и для своего международного положения Россия должна окончательно рвать с марксизмом, с его фразеологией... Нужен разгон Коминтерна, нужна окончательная, решительная, полная замена марксистской идеологии Русским национализмом»<sup>53</sup>.

Здесь «советы патриота в ультранациональной упаковке», «мысли русского человека», «фразы охранителя», подаваемые из «безопасного далека» производят несколько странное впечатление смешением конкретики исторического анализа с декларативностью пропагандистских установок. Конечно, можно иронизировать и дальше, но суть все же в другом — в вере в русское Отечество.

В отличие от некоторых «стариков» с их грузом «пронафталиненных» воспоминаний и способностью не видеть за деревьями леса, младороссы провозглашали лозунг: «Все, что национальное, — наше». Иными словами, «все, что способствует расцвету, культуре и силе нации, независимо от того, как и при каких обстоятельствах это создано», является достоянием нации<sup>54</sup>. Вопреки устоявшимся суждениям правоверных эмигрантов, младороссы считали ту же печально известную постройку Беломорканала полезной и необходимой для государства, хотя и не оправдывали варварских методов властей при его строительстве. Признание успехов в индустриализации — Магнитка, ДнепрогЭС, в военном деле — создание огромной Красной армии, в конечном итоге — нахождение положительных сторон в сталинской конституции: все это резко контрастировало с общим тоном эмигрантской прессы, на чьих страницах регулярно печатались мнимые и подлинные сюжеты об ужасах в Советской России.

Потерявшие родину, младороссы не утратили гордости за ее успехи и ее мощь. Именно лозунговость была одной из форм воздействия на молодежь. Особенно эффективно она «работала» на воспитание патриотизма, веры в Россию, в ее особый путь. На страницах прессы регулярно помещались соответствующие высказывания, например, из Достоевского: «Могуча Русь и не то еще выносила. Да и не такие назначения и цель ее, чтобы зря повернула она с вековой своей дороги, да и размеры ее не те. Кто верит в Русь, тот знает, что вынесет она все решительно и останется до сути своей такую же прежнюю, святой нашей Русью, как и была до сих пор»<sup>55</sup>.



Как вспоминал Н. И. Толстой в беседе с автором этих строк, чтение советских газет позволяло им получать информацию о жизни в России, ощущать себя частью ее удивительного бытия.

Н. Философов писал Казем-Беку: «Мы приветствовали победу Сталина над Троцким. Мы приветствовали пятилетки. А когда нам возражали, что это достигается чудовищными усилиями, жертвами, ценой страданий, когда нам говорили, что Сталин готовит силы для похода на мир, мы отвечали, что не важно, что думает Сталин. На мировой революции он свернет себе шею, а заводы останутся»<sup>56</sup>. Все плохое можно было объяснить просто и правдиво: «Лес рубят, щепки летят». Более того, объясняя свое нежелание обширно писать о красном терроре, младороссы заявляли, что «о крови и разрушениях, которых стоил коммунистический опыт, известно всем»<sup>57</sup>.

Если затронуть обязательный вопрос о лагерях, то стоит напомнить о положительной оценке прогрессивным Западом деятельности Сталина — главного устроителя и чистильщика новой России. Здесь можно вспомнить Лиона Фейхтвангера, Андре Жида и Ромена Роллана и многих других, видевших в России новое слово человечества.

Так, французский коммунист Ивон в своей книге воспоминаний «СССР — каков он есть» (*U. R. S. S, telle qu'elle est*) писал о советской молодежи следующее: «В сущности, она глубоко здорова по существу и со страстью отдается учению; правда, отчасти, чтобы избежать невыносимой политической атмосферы. В ее мозги вбили немало разных слов, но она их воспринимает по-своему. Для нее „революция“, „добро“, „прогресс“, „социализм“, „Родина“ — однозначны. Фразы „социализм и капитализм“ давно уже имеют тот же смысл, что „Россия и ее враги“. „Стремление к социализму“ — это „увеличение русской мощи“. Когда она говорит: „наша индустрия“, „наш трактор“, „наш блюминг“, „мы перегоним Америку“... эта детская гордость является потенциальной силой, которой могла бы позавидовать пресыщенная молодежь старого мира»<sup>58</sup>.

Можно отсюда заключить, что в России строился национальный социализм, о чем так упорно твердили младороссы. Плохо это или хорошо? Сам этот термин получил широкое хождение в 50–60-х гг., когда в странах народной демократии начались процессы «отхода» от копирования практики в СССР. Достаточно вспомнить восстание в Венгрии в 1956 г. Относительно России все гораздо сложнее. Национальный социализм в многонациональной стране всегда будет иметь имперскую окраску. Смена произойдет лишь при рождении или пе-

рождении культуры, цивилизации. Этот процесс уже идет, и до появления мира во всем мире осталось недолго, если только на небесном циферблате не сдвинется стрелка и все человеческое не обрушится, как это было с известной башней. Да и наши «инженеры человеческих душ» не отставали: достаточно вспомнить поездку советских литераторов на Беломорканал.

Конечно, с одной стороны, Сталин был для них ненавистен, с другой — это была личность, продолжавшая стратегический курс на укрепление России, соответственно, его можно было считать национальным деятелем. Здесь можно вспомнить и введение Сталиным обязательного преподавания русского языка в национальных республиках, воспевание в советской прессе «великого русского народа» и Российской республики — «первой среди равных». В сущности, все младоросские споры вокруг личности Сталина сводились к следующей дилемме — поставит ли он все на национальную карту или на мировой пожар? Иными словами: эволюция или революция. Революция в открытой или закрытой форме?!

Тема строительства нового мира трактовалась, кстати, теми же младороссами по-разному. Пример. В 1931 г. советские пятилетки вызвали не только чувство гордости у русской молодежи за возрождение невиданными темпами своей далекой Родины. Были и те, кто видел в них угрозу Европе. Так, К. Елита-Вильчковский писал: «Пятилетка готовит не мир, а войну... Все или ничего... в населении, брошенном в котел пятилетки, проснулись крайние чувства. Тот, кто радовался новой крыше, требует теперь турбину, какой нет в Америке. Тот, кто интриговал в сельсовете, сжигает в хлеву неосторожного комсомольца. Тот, кто хотел торговать с Европой, хочет теперь покорить ее. И отсюда новый вид национализма, грозного, наступательного, пропитанного ненавистью к иностранцу, к западу, известному только по тем его представителям, которые на русских костях строят Магнитогорск, Асбест и Днепрострой... Пятилетки готовят войну для торжества социализма. Этой войны сейчас хочет каждый — каждый по-разному. Для одних — это возможность восстания, для других — надежда на грабеж, для энтузиастов — это исполнение миссии, для униженных — это месть... Построенная на крови пятилетка порождает ненависть. Задуманная нечеловечно, — она уже переросла человеческие силы. И если не последует ее случайного срыва, или не будет разорвана противоестественная связь между Сталиным и молодежью, между разрушением и творчеством, — Европа окажется в

страшном и диком положении перед стихийной лавиной, которую она сама вооружила и сама направила на себя»<sup>59</sup>.

По сути дела, по своему повторяя Струве, он в романтично-дикой форме — «кровь», «ненависть», «противоестественная связь» — излагает идею революции продолжающейся. Эффектные противопоставления типа «разрушение-творчество» все же не должны затенять роль Версаля, «Mein Kampf» и тех, кто вкладывал деньги в вооружение не России, а Германии.

В 1933 г. Казем-Бек в своем докладе, посвященном «последнему и решительному бою», писал: «Про Россию смеют еще говорить..., что русский колосс не страшен, что ноги у него глиняные. Необходимо, чтобы во всех концах света убедились, что русский колосс стоит на гранитной глыбе, что кулак у него стальной. Это нужно не только России, но и всему человечеству, так как **ТОЛЬКО НЕПОБЕДИМАЯ РОССИЯ В СОСТОЯНИИ БУДЕТ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКУЮ МИССИЮ... И В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ПРОГРЕМИТ В РОССИИ ГРОМ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ, РУССКАЯ НАЦИЯ ВОССТАНОВИТ СВОЕ ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СРЕДЕ НАРОДОВ ЗЕМНОГО ШАРА.** И только тогда начнется эра русской международной политики. Тогда Россия начнет разбираться в международном хаосе, чтобы осуществить реальную справедливость, чтобы утвердить мир всего мира. Ибо в этом культурно-историческая миссия России: в том именно, **ЧТОБЫ УТВЕРДИТЬ СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР НА ЗЕМЛЕ И ОГРАЖДТЬ ЕГО.** Не женевскому торжищу, повторяющему трагикомический опыт строителей башни вавилонской, установить нормы сожительства народов (где говорят о нормах, там их и раньше всех и нарушают. — В, К). Не международный парламент, **А МЕЧ РОССИИ-АРБИТРА — ИСТОЧНИК МИРА В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ. МИР ПОД СЕНЬЮ РУССКИХ МЕЧЕЙ: ТАКОВА ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ.** Только в создании прочного мира — оправдание гегемонии великих империй. Была „рах готапа“, оправдывавшая господство Рима. **БУДЕТ „РАХ ROSSICA“**, которой оправдывается господство России»<sup>60</sup>.

Во многом взгляды младороссов и их лидера Казем-Бека были схожи с воззрениями П. Н. Милюкова. Так, бывший министр в 1934 г. утверждал следующее: «Советская власть есть очень плохая... но это, тем не менее, русская власть, с которой необходимо считаться... Эта власть имеет все шансы с течением времени улучшаться — общение

с культурным западом может только этому способствовать, — если же она паче чаяния не улучшится, то от русского народа зависит в любой момент ее свергнуть. Для запада и его культуры опасность грозит не со стороны Советской России..., а со стороны Хитлеровской Германии... Опасность грозит России не от продления советской власти, а от возможного на Россию покушения со стороны ее соседей, которое поведет за собой нарушение целостности русской государственной территории, донныне с достаточным успехом охраняемой советской властью и ее дипломатией: помогать этой дипломатии есть патриотический долг русской эмиграции»<sup>61</sup>.

Другой «зубр» эмиграции П. Б. Струве и его сторонники в 1934 г. считали иначе: «Советская власть не есть русская власть: Россия оккупирована властью ей чуждой и органически ей враждебной; эта власть органически враждебна не только по отношению к России, но и ко всякой другой власти во всяком другом государстве; именно как с такой, органически враждебной властью с ней надлежит считаться каждой иностранной державе... Советская власть не имеет никаких шансов улучшаться с течением времени — идея органической эволюции ей чужда, и она совершает „эволюции“ лишь в плане тактическом... по-прежнему советская власть ждет лишь случая, чтобы обрушиться всеми своими средствами на культуру „буржуазную“, ей принципиально враждебную. Напротив, Хитлеровская Германия, при всех ее внутренних пороках, есть явление исторически враждебное советскому строю и в этом качестве выполняющее роль защитника западноевропейской культуры от грозящей ей с востока смертельной опасности. То же *mutatus mutandis* надлежит сказать о современной Японии... Нужно прежде и превыше всего думать об его (СССР. — В. К.) свержении, которое при настоящих условиях может стать результатом сравнительно незначительного толчка извне; вопрос территориальной целостности России не должен быть во всех случаях рассматриваем как основоположный при господстве большевиков в России, тем более что самое господство в России советской власти есть наибольшая угроза целостности России и может неотвратимо повести к ее конечному внутреннему распаду»<sup>62</sup>. Какие-либо комментарии здесь не нужны: все предельно четко и ясно.

12 ноября 1939 г. в передовице, озаглавленной «К новому миру». Казем-Бек, опережая время и предвосхищая международные инициативы, писал: «Но наше дело, дело всех нас, всех современников отдать себе уже сегодня отчет в том, что свержение Гитлера еще ничего не

решит в области „конструктивной“. Пока надо, разумеется, прежде всего обуздать этого виновника мирового разбоя. И пусть это непосредственная **цель войны**. Но за этой целью войны, непосредственно и сразу, встанет **цель мира**.

Новый мир должен быть построен и организован так, чтобы четверть века спустя он не привел к новой, **третьей великой войне**. Такова аксиома, перед которой будут поставлены устроители этого нового мира...

Нашей России будет принадлежать первое место в ряду держав, на которых ляжет ответственность за мир всего мира, за утверждение нового вселенского равновесия, за осуществление международной справедливости, за создание мировой гармонии на месте мирового хаоса.

От нас, русских, зависит, чтобы наша Империя была достойна своей великой миссии»<sup>63</sup>.

В 1939 г. формула русского национализма гласила: «Освободиться внутри, обороняться вовне». Раскрывая ее смысл, Казем-Бек писал: «Русского национализма нет в „красном“ лагере, в котором необходимость внутреннего освобождения — освобождения от сталинской тирании — не осознана и не признана. Русского национализма нет также... в том „белом“ лагере, в котором необходимость обороны от внешней опасности не понята. О том, с позволения сказать, „лагере“, в котором существует ставка на самую внешнюю опасность, говорить вообще не приходится. Это просто сборище отщепенцев — предателей русского происхождения, утративших право называться русскими»<sup>64</sup>.

Здесь Казем-Бек практически разворошил эмигрантский муравейник. Проблема власти и средства по ее достижению были и оставались всегда центральными в эмигрантском интеллектуально-политизированном сообществе. Я не буду здесь говорить о генералах Шкуро или Краснове, видевших в будущей войне возможность посчитаться за изведенную ими горечь поражения и освободить Россию немецким оружием. Лучше приведу выдержки из статьи, опубликованной в 1939 г. «Новой России», известного всем Г. П. Федотова: «Власть Сталина менее всего советская. Давно уже было замечено, что лозунг „Вся власть Советам!“ звучал бы революционно в России... Нет ни малейшего сомнения в том, что в ближайшее... время государственной формой национальной России не может быть ни западный парламентаризм, ни монархия. Остаются советы... торопиться надо со Сталиным, а не с советской властью или с коммунизмом.

„Долой Сталина“ — сейчас единственный общенациональный лозунг для порабощенной России». «Коммунизма в России нет, — продолжает автор, — а партия сохранила от коммунизма только имя. Все настоящие коммунисты или в тюрьме, или на том свете. Партия стала лишь необходимым аппаратом власти в тоталитарно-демагогическом режиме. Она лишь приводной ремень, передающий очередные приказы диктатора странью». «Ради России, — писал далее Федотов, — мы должны желать в настоящий момент, чтобы власть перешла в руки честных и беспартийных людей (первый пункт нашей программы-минимум — уничтожение коммунистической партии и ее филиалов. — ред.), специалистов государственной работы, а не расправы. Правительство красных командиров и инженеров, отдавших все силы обороне и хозяйству страны, — вот о чем мы должны просить Бога для России... Будут ли они выходцами из народа, детищами революции или сынами старой России и старой интеллигенции, это все равно. Символически было бы прекрасно соединение двух слоев — старой и новой России — в одной правительственной команде. Численный перевес явно будет на стороне рабоче-крестьянской России, созданной октябрем. Вероятно, сохранится и символика октября, нам здесь одним чуждая, другим ненавистная. И от нас потребуется усилие ума и воли, чтобы признать желанное воплощение национальной России в новой форме „советской власти“»<sup>65</sup>.

*Все это было близко младороссам, давно выступавшим с подобными идеями и предложениями в духе «согласия и примирения». Но здесь опять-таки заметна старая черта интеллигенции, я говорю о прекраснодушии, которое не раз ее подводило в недавней истории нашего Отечества. Здесь каждый может вспомнить свой пример.*

Так, в 1938 г. размышляя о советском парламенте, Казем-Бек отмечал: «Эта роль может быть мала, но может быть и велика. Подобострастное подчинение Сталину не первый прецедент в истории. Конвент пресмыкался перед Робеспьером, пока не смог его раздавить. И наша Государственная Дума состояла не из одних светлых личностей, что не помешало ей свергнуть тысячелетнюю монархию и трехсотлетнюю династию»<sup>66</sup>. Александр Львович здесь не хочет видеть ни разницы французской и русской жизни, ни того, что вовсе не Дума рушила самодержавие, ни различия между пресмыкательством и покорностью, смирением. Он не желал замечать того, что фигура Сталина приобрела черты древнего героя, с именем которого связана вся жизнь и надежды, и новое слово в истории.

10 сентября 1939 г. Казем-Бек через «Бодрость» обратился к младороссам Америки. «В день объявления Францией войны Германии, — писал он, — вы должны запомнить, что младороссы в Европе с этого грозного дня приступают в полном единодушии к выполнению своего личного, младоросского, национального и имперского долга. Мы с нашими естественными „природными“ союзниками поднимаемся на борьбу с нашим общим врагом, вождения которого направлены против нашей страны, против нашего Отечества и его достоинства. Никакие „пакты“ не отменяют целей германского империализма, открыто выраженных и облеченных в доктрину национал-социализмом... Оружием, пером, мыслью, волей и прежде всего жертвой положим мы наш путь — к молодой России!»<sup>67</sup>

Однако так думали далеко не все: многие были недовольны громогласным заявлением Казем-Бека о предоставлении своей партии в распоряжение союзников. Некоторым младороссам показалось, что это заявление означает одно — конец свободе и независимости Младоросской партии. Оправдания центра, аргументы которого были основаны на общечеловеческой правде и справедливости, мировой совести, вызвали обратную реакцию: «Все они сволочи. Хотели, чтобы Россия еще раз таскала для них каштаны из огня. Пускай потаскают для России»<sup>68</sup>. В этой сложной ситуации 1940 г. Н. Философов, входивший в узкий круг младоросского руководства, в письме к Александру Львовичу писал: «1. Внешняя обстановка — силы дерущихся не имеют большого перевеса ни с той, ни с другой стороны. Победа зависит в большой степени от дальнейшего поведения России. Трещины внутрипартийные — цементировать аргументацией русской, а не всечеловеческой. Цементировать с напором на младоросскость, а не с точки зрения отвлеченной правды, права и справедливости, свободы и прочего грима, которым мажет сейчас свою волчью харю старушка Европа. 2. Внутрирусская обстановка — два козыря в руках Сталина. Чем больше пахнет трупом от старухи Европы, тем опаснее для русского возрождения Сталин. Или национальная революция в России, или мировая завируха. И это независимо от того, какая лошадь проскачет по телу Европы. Верю, что Россия все-таки выгребет, пораженцы еще раз сядут в луку, нам же надо сохранять нашу веру в Россию, как мы верили тогда, когда еще не могли доказать своей правоты ни эволюцией, ни пятилетками, давшими нам в руки уже только постфактум — доказательства. 3. Внутрипартийная обстановка: необходим пересмотр всей партийной организации, всего механизма и необходимы

вехи для внутрипартийной работы. Строй мирного времени превратился в кашу. Эту кашу надо во что бы то ни стало расхлебать»<sup>69</sup>.

Эвфемизмы в адрес Европы, надо полагать, объяснялись «русским провинциализмом», не простившим просвещенным европейцам их «предательства» в 1917 г.

Возвращаясь к «мировой правде», замечу, что это понятие относится к числу вечных мифов, которыми кормится человечество, правда, весьма плохо, в кризисные моменты его истории. В каждом конкретном случае суть этого феномена определяется ее толкователями и временем распространения. В нашем случае обращение к ней обусловлено было разгоравшимся военным пожаром, точнее, переделом мира. Поэтому мысль Философова не была лишена смысла, учитывая его ненависть к просвещенной Европе.

Излагая свое видение ситуации, Философов писал: «...этот национальный подъем должен быть пропитан насквозь рускостью, он должен быть связан с духом и плотью России. А ты нам доказываешь, что нужно умирать за Данци! Никаких Европ! и особенно не связывать... нац.[иональные] русские интересы с какой-нибудь европейской коалицией — это большая ошибка. Мы с каждым, чьи интересы совпадают с нашими. Мы против всех, если интересы их нам угрожают. Ставить ставку определенно на кого-нибудь, это ошибка в плане государственном, это ошибка даже и для нашего эмигрантского муравейника, ибо она ведет к печальным последствиям. Ты знаешь, что некоторые русские организации ставили ставку на определенную диктатуру и диктатора. Все остальные русские для них были жидовствующими, продавшимися и т. д., и они их „разоблачали до конца“ и тоже „топили“... Мы ничего не можем сейчас сказать, чтобы защититься, кроме как — что мы ни европофобы, ни европофилы, мы — русские... Мы молчим и живем одним сознанием: какое счастье быть русским, сыном великой страны! у которой все есть, ибо это мир, которой ничего не нужно! и особенно „великих европейских событий“. Русскому миру нужен мир — нужно лучшее, справедливейшее устройство жизни. Борьбе за справедливейшие нормы жизни — государственной и социальной — мы должны отдавать все свои силы, и только когда это будет достигнуто, может проявиться самая значительная черта русского духа: его всемерность и всемирность. Только тогда вы сможете написать в заголовке „Бодрости“ слова Достоевского: „Русский человек сочувствует всему человеческому, без различия национальности, крови и почвы“... А сейчас должны думать, трудиться и жертвовать толь-



ко русскому миру и народу. Иначе... В советском романе „Барсуки“ руководитель восставших крестьян (уже при сов.[етской] власти) говорит: „А нас забыли? Мы даем труд, хлеб, свою кровь! Нас забыть нельзя“, и в другом месте: „А то возьмем разобьем город и перепашем плугом... Пусть хлебушко растет. Нас забыть нельзя“. Это забытие первейшего и необходимейшего есть самое страшное и роковое. Это есть разрыв. Мы не должны забывать народ, его желание, стремление, даже когда перед глазами маячат „великие события Европы“ и „великий Данциг с Гдыней в придачу“! Это наш первый долг позаботиться о тех, кто держал и держит нашу империю. Мы верим в наш народ, он выгребет, устроит свою жизнь, усилит мощь..., будет благоденственным для мира всего мира. А прибавив к этому русское чувство всемирности и человечности, Россия тогда в полной мере выполнит свое высокое историческое назначение среди других народов»<sup>70</sup>.

Мы все время страдаем именно от поляризации, от «общего»!

Пока русская молодежь сражалась на фронте, а ее лидеры искали «русскую правду», эмигрантская элита проигрывала и вариант войны англо-французской коалиции против СССР. В апреле 1940 г. В. А. Маклаков писал: «1. Первый... простейший способ борьбы — это с самого начала опереться на существующие в СССР сепаратизмы. При переходе кавказской границы можно провозгласить борьбу за освобождение Грузии, Армении, Азербайджана и т. д. в надежде найти поддержку среди местного населения. При операциях на юге России можно поставить ставку на гг. Шульгина и К°, на украинские сепаратистские течения, созданные и вскормленные когда-то германским генеральным штабом ради торжества прусского милитаризма и пангерманизма.

2. Второй способ борьбы, на первый взгляд, очень ненадежный и, пожалуй, смахивающий на рискованную авантюру, это ставка на внутренние революционные процессы, которые пока что таятся под спудом, но могут быть в известных условиях вызваны наружу... В первом случае... союзники должны считаться со следующими весьма возможными последствиями.

При опоре на сепаратистов союзники самым методом войны ставят советскую власть в весьма выгодное положение. В глазах населения она перестает быть ответственной за бедствия войны, напротив, она окажется в положении защитницы единства русского государства, охранительницы интересов русского народа. Опора на широкую сепаратистов, несомненно, вызовет величайшее опасение среди широких масс народа, пробудит дремлющие националистические инстинкты,

объединит власть и народ в деле защиты жизненных интересов русского народа... Но даже в случае успеха, который потребует неисчислимых жертв от союзников, последствием такой политики будет вероятная балканизация России, что явится для Европы, и особенно для Франции, источником великих опасностей и потрясений. В России проснутся острые националистические течения. Очень скоро начнутся междоусобные войны... Совсем в другом положении окажутся союзники, если они сразу отбросят идею раздела России, если они с самого начала борьбы провозгласят лозунг „борьба за свержение Сталина и коммунизма в России“»<sup>71</sup>.

**А ЗАЧЕМ? НЕ ВСЕ СРАЗУ. РОССИЯ ВСЕГДА БУДЕТ НУЖНА МИРУ ПРОСЧИТЫВАЕМОМУ. ВОПРОС ТОЛЬКО В ОДНОМ: РЕЧЬ ИДЕТ О БУМАЖНОМ ТИГРЕ ИЛИ О... НАСТОЯЩЕМ?!**

В марте 1939 г. в статье «Украинцы или сепаратисты?» А. Л. Казем-Бек писал: «Мы признаем права народа, населяющего нынешнюю Украину, древнюю Малую Русь, из которой выросла наша империя, как права всех народов этой Империи. Но между „всеми“ народами ее и народом Украины есть существенная разница. Украина населена одной из трех ветвей великого восточного славянского мира. Из Малой Руси, ставшей Украиной России, пошло все, что составляет нашу сущность, нашу судьбу, нашу силу. **УКРАИНА НЕ ТОЛЬКО РАВНОПРАВНЫЙ, НО И РАВНООБЯЗАННЫЙ ЧЛЕН НАШЕЙ ИМПЕРСКОЙ СЕМЬИ.** Ее географическое положение, ее природные богатства, ее данные и возможности — необходимое сложение в сумме имперского могущества»<sup>72</sup>.

Эту тему развивал и князь Сергей Оболенский. В марте 1939 г. он писал следующее: «Идею империи и ее существование мы будем защищать до конца. И при том теми средствами, какие потребуются. Но не для того, чтобы восстановить Валуевский циркуляр (не смей писать на украинском языке, которого „не было, нет и не может быть“ в 1863 г.) или заставлять служить в Тифлисе обедно по-русски... Утверждая, что Украина есть Русь, мы в то же время должны доказать Украине, что не смотрим на нее как на колонию Москвы... мы должны показать грузинскому народу, что нет речи о превращении Грузии в Тифлисскую и Кутаисскую губернии. Психологическая атмосфера должна быть расчищена. Сделать это может только сильный, т. е., конечно, мы, народ-гегемон»<sup>73</sup>.

Все правильно, только доказательства могут растянуться на века — пока не возникнет новая историческая общность. И еще. О гегемоне.

Над ним всегда игемон. И избранность зачастую влечет за собой жертвенность.

И начавшийся отсчет «бардака» в Европе после провала в Испании, после Мюнхена отчетливо показывал, что время аллюра «красной лошади» прошло. Иное дело «славянский кентавр». Еще в 1934 г. «Младоросская искра» в одном из своих материалов о путях спасения родины от грядущего Интернационала как бы мимоходом отмечала важность опоры на славянские народы, для которых «разгром России означал бы начало их собственного конца»<sup>74</sup>. Эта мысль была развита позднее в речи Сталина от 28 марта 1945 г.: «Мы, новые славянофиль-ленинцы, славянофиль-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе с друг другом против нашего общего врага — немцев. Вся история жизни славян учит, что этот Союз нам необходим для защиты славянства... Как в первую, так и во вторую мировую войну больше всех пострадали славянские народы: Россия, Украина, белорусы, сербы, чехи, словаки, поляки. Разве в этой войне не то же самое? Разве Франция больше пострадала? Нет. Французы открыли фронт немцам. Немцы слегка оккупировали северную часть Франции, а южную даже не тронули. А Бельгия и Голландия сразу подняли лапки кверху и легли перед немцами. Англия отделалась небольшими разрушениями... Значит, больше всех пострадали от немцев славяне... мы, славяне, должны быть готовы к тому, что немцы могут вновь подняться на ноги и выступить против славян. Поэтому мы, новые славянофиль-ленинцы, так настойчиво и призываем к союзу славянских народов. Есть разговоры, что мы хотим навязать советский строй славянским народам. Это пустые разговоры. Мы этого не хотим, т. к. знаем, что советский строй не вывозится по желанию за границу, для этого требуются соответствующие условия... В дружественных нам славянских странах мы хотим иметь подлинно демократические правительства. Заключив союз, славянские страны могут оказывать друг другу хозяйственную и военную помощь. Мы можем это делать теперь с большим успехом»<sup>75</sup>.

*Нам известно, что «соответствующие условия» были созданы для формирования славянского блока на коммунистической основе. Однако он «рассыпался», не выдержав «звукоподражательной бездарности» «слуг народа». Вопрос в другом: сможет ли он возникнуть вновь, но на иной основе? Может, но только в том случае, если Россия обретет былую мощь. Только какой она будет и на чем она*

*будет построена? Если наше мировоззрение опять будет «грешить» смещением понятий типа «славянофил-ленинец», то очередной крах будет неизбежен.*

Возвращаясь к младороссам и славянству, следует еще раз обратиться к Казем-Беку, который в 1939 г. писал: «Помимо чисто принципиальных соображений, мы не можем забывать, что славянские народы в Европе должны быть ограждены нами — и вовсе не из сентиментальности..., от германского засилья. Западные и южные славяне так уж расселены, что они могут увеличивать „потенциал“ либо нашей империи, либо германской.

В настоящий момент под германским игом томится — это выражение надо в данном случае понимать буквально — свыше тридцати миллионов славян разных национальностей, которые еще к началу текущего года не были подвластны немцам и жили в рамках своих национальных государств.

Надо быть лишним не только всякого имперского, но и просто национального русского чувства, чтобы не понять, что с таким положением мириться не могут ни русское достоинство, ни русская честь, ни элементарные русские интересы»<sup>76</sup>.

Более того, сама борьба с Германией должна будет помочь обрести славянское единство в форме федерации, «во всяком случае культурной, — вероятно экономической — может быть государственно-политической... Из будущего единения славян возникнет великая мировая сила. Она нужна всему человечеству. Она позволит утвердить мир всего мира»<sup>77</sup>.

В сущности, здесь то, о чем писал Леонтьев и напишет Сталин.

Вторая мировая война впрямую поставила перед младороссами проблему выбора пути. Она решалась в пользу «русскости», но этот термин мог толковаться по-разному.

Для одних он выкристаллизовался в активное «оборончество» и защиту внешней политики СССР.

Для других «русскость» в военных условиях определялась возможностью помочь той же Франции, вступив добровольцами в ее армию, для защиты от германской агрессии. Обороняя Францию, они защищали Россию.

Для третьих «русскость» диктовала необходимость защиты интересов Родины, веры в народ, в его великое будущее — «режимы уходят, нация остается».

Для четвертых она проверялась в ходе борьбы с Красной армией в составе различных русских национально-освободительных формирований.

Для пятых «русскость» требовала возвращения на Родину, даже если там и оставался Сталин.

«Молодая Россия» как организация сошла с политической сцены, но ее идеи, размышления и сейчас представляют не только исторический интерес — они созвучны мыслям многих из тех, кто задумывается о судьбе и пути России.

## Примечания

- 1 Младоросская искра. 25 февраля 1933. № 27. С. 1.
- 2 Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 64. Оп. 1. Д. 18.
- 3 Там же.
- 4 Младоросская искра. 15 ноября 1931 г. № 8. С. 1.
- 5 Россия и славянство. 7 января 1933 г. № 209. С. 3.
- 6 Бодрость. 2 июня 1935 г. № 31. С. 1.
- 7 Младоросская искра. 20 августа 1932 г. № 21. С. 1.
- 8 Там же. 5 апреля 1932 г. № 15. С. 4.
- 9 Бодрость. 16 февраля 1936 г. № 68. С. 2.
- 10 За Русь святую!.. Лига русских офицеров и солдат запаса за границей. Белград. 1937 г. С. 11.
- 11 Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. Париж, Нью-Йорк, Львів, 1993. С. 36.
- 12 Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940 годов: Сборник документов. В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998 г. С. 167.
- 13 Бодрость. 22 января 1939 г. № 210. С. 1.
- 14 Младоросская искра. 20 апреля 1932 г. № 16. С. 4.
- 15 Россия и славянство. Март 1934 г. № 230. С. 2.
- 16 Чему свидетели мы были. Кн. 1. 1934–1937. М., 1998. С. 59.
- 17 Там же. С. 75.
- 18 Из беседы со Светланой Михайловной Толстой//Архив автора.
- 19 Бодрость. 5 марта 1939 г. № 216. С. 1.
- 20 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. Материалы по истории сменовеховского движения. London, Ontario, Canada, 1973. С. 11.
- 21 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 11.
- 22 Младоросская искра. 25 мая 1934 г. № 38. С. 1.
- 23 Там же.
- 24 Чему свидетели мы были. Кн. 2. С. 332.
- 25 Последние новости. 6 сентября 1930 г. № 3454. С. 5.
- 26 Младоросская искра. 1 марта 1932 г. № 13. С. 2.
- 27 Там же. С. 3.
- 28 Младоросс. Май 1930 г. № 3. С. 16.

- 29 Младоросская искра. 1 марта 1932 г. № 13. С. 1.
- 30 Там же. С. 3.
- 31 Цит. по: Петрович Младороссы. С. 10.
- 32 Младоросская искра. 20 марта 1932 г. № 14. С. 3.
- 33 Там же. 20 апреля 1932 г. № 16. С. 3.
- 34 Там же. 5 апреля 1932 г. № 15. С. 1.
- 35 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 32.
- 36 Младоросская искра. 1 декабря 1934 г. № 42. С. 3.
- 37 Бодрость. 19 июля 1936 г. № 90. С. 2.
- 38 *Кривошеина Н. А.* Четыре трети нашей жизни. М., 1999. С. 110.
- 39 РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- 40 Младоросская искра. 1 декабря 1931 г. № 9. С. 1.
- 41 Бодрость. 16 августа 1936 г. № 94. С. 3.
- 42 Младоросская искра. 1 декабря 1931 г. № 9. С. 1.
- 43 Там же.
- 44 Там же. 1 ноября 1931 г. № 7. С. 4.
- 45 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 24.
- 46 Младоросская искра. 15 сентября 1931 г. № 4. С. 2.
- 47 Там же. 25 августа 1935 г. № 44. С. 1.
- 48 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 14.
- 49 *Петрович Р.* Младороссы. С. 22.
- 50 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 14.
- 51 Бодрость. 10 ноября 1935 г. № 54. С. 1.
- 52 Там же.
- 53 Там же. 22 марта 1936 г. № 73. С. 1.
- 54 РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.
- 55 Младоросская искра. 20 августа 1932 г. № 21. С. 1.
- 56 РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.
- 57 Цит. по: *Петрович Р.* Младороссы. С. 35.
- 58 Бодрость. 8 мая 1938 г. № 174. С. 2.
- 59 Младороссы. Май 1931 г. № 8. С. 6.
- 60 Младоросская искра. 10 июня 1933 г. № 30. С. 1.
- 61 Россия и славянство. Январь–февраль 1934 г. № 228. С. 1.
- 62 Там же.
- 63 Бодрость. 12 ноября 1939 г. № 258. С. 1.
- 64 Там же. 15 января 1939 г. № 209. С. 1.
- 65 Там же.
- 66 Там же. 26 июня 1938 г. № 181. С. 3.
- 67 Там же. 10 сентября 1939 г. № 242. С. 2.
- 68 РГВА. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 78.

- <sup>69</sup> Там же. Л. 84–85. (21 февраля 1940 г.)
- <sup>70</sup> Там же. Л. 87–88.
- <sup>71</sup> Чему свидетели мы были. Кн. 2. С. 365–366.
- <sup>72</sup> Бодрость. 5 марта 1939 г. № 216. С. 1.
- <sup>73</sup> Там же. 12 марта 1939 г. С. 2.
- <sup>74</sup> Младоросская искра. 1 января 1934 г. № 35. С. 2.
- <sup>75</sup> 1945 Шум времени 1953. Из дневника сталинского наркома Малышева В. А. // Независимая газета. 29 сентября 1999 г. С. 3.
- <sup>76</sup> Бодрость. 5 ноября 1939 г. № 250. С. 1.
- <sup>77</sup> Там же. 1 февраля 1940 г. № 258. С. 2.

## Представляем Вам следующие книги:



URSS

### Методология истории

- Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории.
- Хвостов В. М.* Теория исторического процесса.
- Оруджев З. М.* Природа человека и смысл истории.
- Оруджев З. М.* Сноб мышления эпохи. Философия прошлого.
- Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.
- Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3.
- Гринин Л. Е.* Производительные силы и исторический процесс.
- Гринин Л. Е.* Философия, социология и теория истории.
- Гринин Л. Е. и др.* Философия истории: проблемы и перспективы.
- Гринин Л. Е., Кортаев А. В., Малков С. Ю.* (ред.) История и математика. Вып. 1–7.
- Кортаев А. В. и др.* Законы истории. Кн. 1, 2.
- Марков А. В., Кортаев А. В.* Гиперболический рост в живой природе и обществе.
- Малков С. Ю.* Социальная самоорганизация и исторический процесс.
- Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история.
- Репина Л. П.* (ред.) Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы.
- Репина Л. П.* (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1–35.
- Пелипенко А. А.* Дуалистическая революция и смыслогенез в истории.
- Семенов Ю. И.* Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки.
- Серия «Академия фундаментальных исследований: история»
- Погодин А. Л.* Из истории славянских передвижений.
- Погодин А. Л.* Краткий очерк истории славян.
- Павинский А. И.* Полабские славяне в борьбе с немцами: VIII–XII века.
- Клеванов А. С.* История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века.
- Васильев А. О.* Древнейшей истории северных славян до времен Рюрика.
- Собестианский И. М.* Круговая порука у славян по древним намятникам.
- Буслаев Ф. И.* О влиянии христианства на славянский язык.
- Буцинский П. Н.* О Богдае Хмельницком.
- Ефименко А. Я.* История Украины и ее народа.
- Ефименко А. Я.* Очерки истории правобережной Украины.

### Наши книги можно приобрести в магазинах:

Тел./факс:  
+7 (499) 724-25-45  
(многоканальный)

E-mail:  
URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

- «НАУКУ – ВСЕМИ» (м. Профсоюзная, Нахимовский пр-т, 56. Тел. (499) 724-2545)
- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, б. Тел. (495) 625-2457)
- «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, 8. Тел. (495) 203-8242)
- «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
- «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
- «Дом книги на Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, 8, стр. 1. Тел. 267-0302)
- «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)
- «100 000 книг» (г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13. Тел. (343) 22-12-979)
- Сеть магазинов «Дом книги» (г. Екатеринбург, ул. Антона Валека, 12. Тел. (343) 253-50-10)



## Дистрибуторский центр научной литературы



URSS

- Приглашаем к сотрудничеству книготорговые организации по распространению нашего ассортимента в регионах России.
- Предоставляем наиболее полный прайс по книгам издательства URSS и большинства научных и учебных издательств России.
- Индивидуально осуществляем подборку ассортимента нашим клиентам.
- Организуем электронный обмен информацией с магазинами и оптовыми фирмами.
- Работаем с книжными магазинами Москвы и других городов России.
- Предлагаем комплектование научным и учебным библиотекам.
- Квалифицированно работаем с широким ассортиментом научной литературы.
- Удобная система заказа, быстрые сроки исполнения, возможность отсрочки платежей, доставка транспортом или почтой в любую точку России.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

*Макарова И. Ф.* Болгары и Тапзимат.

*Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование).

*Чуркина И. В.* (ред.) Роль религии в формировании южнославянских наций.

*Кулаковский П. А.* Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе.

*Гришина Р. П.* (ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – сер. 1920-х гг.).

*Шахин Ю. В.* Югославия на пути модернизации: 1947–1961 гг.

*Кузнецов Д. В.* Югославский кризис: Взгляд сквозь призму общественного мнения.

*Иванова Ю. В.* (сост.) Памятки обычного права албанцев османского времени.

*Ужахов З. С.* Альпийский лабиринт древних языков Европы: От Албании до Альбиона.

*Бароха Х. Каро.* Баски. Пер. с исп.

*Мусатов В. Л.* Россия и Восточная Европа: связь времен.

*Хорошева А. О.* (ред.) Малые страны Европы в XX веке.

*Абашин С. Н. и др.* Россия — Средняя Азия. Кн. 1, 2.

*Никифорова М. Е.* Планетарное католичество: Ватикан и глобализация.

*Мосейко А. Н., Следзевский И. В.* (ред.) Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование.

*Пушкин А. С.* История Пугачева: Замечания о бунте.

*Даль В. И. (Казак Луганский).* Об Уральском казачьем войске.

*Илюстров И. И.* Юридические пословицы и поговорки русского народа.

*Кульпин Э. С.* Путь России: Генезис кризисов природы и общества в России.

*Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства.

*Кульпин Э. С.* Восток: Природа—технологии—ментальность на Дальнем Востоке.

*Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв.

*Даркевич В. П.* Путешествие в древнюю Рязань.

*Ильичев А. Т.* Справочник по русской истории. Киевская Русь.

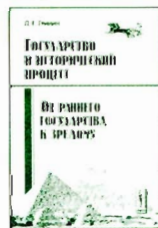
*Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г.* Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:  
 тел. +7 (499) 724–25–45 (многоканальный)  
 или *электронной почтой* URSS@URSS.ru  
 Полный каталог изданий представлен  
 в *Интернет-магазине*: <http://URSS.ru>

Научная и учебная  
литература

Настоящая книга представляет собой сборник статей, составленный по материалам одноименной конференции, проводившейся Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН в декабре 2009 года. Работа посвящена изучению различных аспектов становления общественных движений у народов Юго-Восточной Европы — болгар, сербов, словенцев, хорватов, румын в период XVIII–XX вв. Статьи сборника содержат анализ наиболее ярких и знаковых событий, связанных с проблемами формирования и эволюции тех движений, история которых так или иначе переплетена с именем России. Эта сложная тема детально разрабатывается авторами на основе привлечения обширного круга источников и новейшей научной литературы. Особенностью работы является то, что она ориентирована на комплексный междисциплинарный подход с использованием наработок различных гуманитарных дисциплин — истории, философии, литературоведения, культурологии, социологии, политологии. Данное исследование, по мнению авторов, позволит глубже понять специфику балканской цивилизации в целом и современного балканского социума в частности.

### Наше издательство предлагает следующие книги:



10584 ID 124763



Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу [URSS@URSS.ru](mailto:URSS@URSS.ru). Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>



E-mail: [URSS@URSS.ru](mailto:URSS@URSS.ru)  
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

**URSS**

НАШИ НОВЫЕ  
КООРДИНАТЫ

ТЕЛЕФОН/ФАКС  
(многоканальный)

+7(499) 724-25-45  
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56